

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

Материалы
междисциплинарной научно-исследовательской конференции
(г. Пермь, 5–6 апреля 2019 г.)

Пермь 2019

УДК 94(082)

ББК 63.3(0)

A77

Апрельские тезисы [Электронный ресурс]: материалы межвуз. студ. науч. конф. (г. Пермь, 5–6 апреля 2019 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Электрон. дан. – Пермь, 2019. – 3,86 Мб; 131 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Aprelskie-tezisy-2019.pdf>. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7944-3415-6

Настоящее издание является сборником материалов межвузовской научной конференции «Апрельские тезисы», состоявшейся 5–6 апреля 2019 года в Пермском государственном национальном исследовательском университете. В конференции приняли участие молодые исследователи г. Перми. Тексты публикуются в авторской редакции

УДК 94(082)

ББК63.3(0)

*Издается по решению ученого совета историко-политологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

ISBN 978-5-7944-3415-6

© ПГНИУ, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Языковая этнополитика

Тюленева А. М. Языковая политика в Индии 4

Российское общество XX–XXI вв.

Курочкин Д. М. Взаимоотношения преподавателей и студентов в Императорском Московском университете начала XX в.: кейс профессора Г.И. Челпанова 10

Арестов В. А. Террор 1937-го. Дело Максима Михайловича Смышляева 19

Фадеева А. С. «Инструкция по потреблению»: журнальный дискурс о позднесоветском консьюмеризме 25

Формальные и неформальные коммуникации в социальных процессах

Зеленина А. В. Сериалы как механизм политической социализации в современной России 35

Федоровский П. П. Феномен териантропов в контексте современных российских зооантропоморфных субкультур: сравнительный анализ и сущность явления. 49

Локальная история: Пермский кейс

Винник А. А. «Пермская катастрофа» в отечественной историографии 58

Александрова Д. И. Общество «Светлая Юность»: первый опыт детского коллективного воспитания в Перми 66

Ганицева К. И. Социальный капитал молодежи (на примере сравнения городов Перми и Кудымкара) 75

Гендерные аспекты историко-политических процессов

Жуланова Е. А. Особенности гендерной социализации в нуклеарной и расширенной семье: сравнительный анализ 84

Михайлова А. А. Женское vs мужское: домашнее дворянское образование в России в первой половине XIX века 91

Якутова Е. В. Иерархия как политический феномен: конфликт идеологий феминизма и антифеминизма 100

Теории и практику Digital Humanities

Мукосеева Я. Ю. Определение метаданных для изучения лексики промышленного оборудования второй половины XVIII в. на материале путевых записок (на основе ИС «Семограф») 107

Исмакаева И. Д. Типология земских гласных на основе когнитивных карт 113

Баженов Р. С., Корниенко С. И. Организатор «наивных» карт: информационная система подготовки данных для когнитивного анализа 118

Ренев Д. А. Публикационная активность в сфере земской благотворительности на территории Пермской губернии в период военной кампании 1914 года: опыт пространственной визуализации (по материалам газеты «Пермская земская неделя») 124

ЯЗЫКОВАЯ ЭТНОПОЛИТИКА

УДК 81'26:321.1:341.231

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ИНДИИ

Тюленёва Александра Михайловна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15, tuleneva.aleksa@yandex.ru

Язык выступает не только в качестве важного маркера этнической идентичности, но и может подвергаться процессу политизации. Борьба за язык является одной из наиболее актуальных проблем в современном обществе в силу того, что существует достаточно много этнических групп, которые могут компактно проживать на одной территории. Исследование посвящено анализу языковой преференциальной политики в Индии, на примере штата Джамму и Кашмир. Лингвистическая и религиозная гетерогенность в штате Джамму и Кашмир обуславливает возникновение этнополитического конфликта. Одним из способов преодоления конфликта выступает предоставление особого статуса штату, что в совокупности с проводимой языковой преференциальной политикой, направленной на предотвращение роста сепаратизма, фрагментации штата, выполняет интегрирующую функцию.

Ключевые слова: языковая политика, языковая преференциальная политика, этнолингвистические меньшинства, Индия, Джамму и Кашмир, политизация языка

Язык является не только средством коммуникации, но и «обязательным условием возникновения этнической общности» [4, с. 7]. Язык, выступая в качестве важного маркера этнической идентичности, в многосоставных обществах может быть политизирован. В современном обществе данная проблема является одной из наиболее актуальных в силу того, что существует достаточно много этнических групп, которые могут компактно проживать на одной территории.

Индия – многонациональное государство, в котором говорят на 447 различных языках и 2 тыс. диалектов. По данным переписи 2001 г. на языке хинди в Индии говорит 41% населения, остальные 59% населения страны в качестве основного языка указывают другой.

Сразу после обретения Индией независимости в 1947 г., индийским правительством проводилась языковая политика, основанная на внедрении хинди в качестве единственного официального языка, однако она привела к языковым конфликтам и недовольству со стороны южных дравидоязычных штатов. На переходный период (15 лет) английский язык был признан государственным языком [1, с. 97]. В дальнейшем индийские власти предполагали, что хинди заменит английский язык, однако возражения жителей южных

штатов Индии, а также укоренившийся английский язык в качестве языка межэтнического общения не позволил закрепить за хинди статус единственного государственного языка.

Подобный мультлингвальный характер индийского общества побудил индийское правительство проводить языковую политику, направленную на защиту языковых меньшинств. В частности, с помощью следующих мер [1, с. 96–98]:

1. использование и хинди, и английского языков в качестве основных для общения между правительствами штата и центра. Власти штата могут выбирать язык коммуникации;

2. принятие «Восьмого списка» – документа, включающего языки, на которых говорит преобладающая часть населения Индии. Включение языка в данный список означает, что правительство обязуется предпринимать усилия по его развитию, выделение финансовых средств для разработки программ по его поддержанию. На сегодняшний момент в список включено 22 языка;

3. проведение реформы, основная суть которой заключалась в изменении административно-территориального деления страны с учетом языковых особенностей. На сегодняшний день в результате реформы 19 из 29 индийских штатов являются этническими региональными автономиями.

Также основные принципы политики защиты языковых меньшинств закреплены в Конституции Индии [6]:

1. Статья 345 этого документа наделяет каждый штат возможностью самостоятельно выбирать один официальный язык штата либо несколько языков;

2. Статьи 29 и 30 признают право любой группы на защиту и сохранение своего языка, письменности и культуры, а гарантирует меньшинствам право открывать учебные заведения и управлять ими;

3. Статья 350А устанавливает, что каждый может получать начальное образование на родном языке;

4. Статья 350В предусматривает назначение Президентом специального Национального Комиссара по делам языковых меньшинств, в обязанности которого входит контроль над соблюдением гарантий, предоставленных языковым меньшинствам, координация деятельности с федеральным министром по делам меньшинств, представление отчетности перед депутатами верхней и нижней палат парламента.

Однако несмотря на данные положения, закрепленные в Конституции Индии, сохранение языковых различий и стремление этнических меньшинств закрепить статус своего языка оказывает негативное влияние на проводимую языковую преференциальную политику.

Современная ситуация в ряде штатов, например, Джамму и Кашмир, относительно признания статуса языка может приводить к усилению в обществе сепаратистских настроений. В силу чего актуальным является изучение реализации языковой преференциальной политики в Индии, на примере штата Джамму и Кашмир.

Этот штат находится на северо-западной границе Индии в непосредственной близости от Пакистана и Китая. В 1947 г. Махараджа бывшего княжества Джамму и Кашмир провозгласил независимость данной территории. Именно спорный статус данного королевства послужил одной из причин Индо–Пакистанских войн в 1947, 1961, 1975 гг. В ходе данных войн территория Кашмирской долины была разделена между Индией и Пакистаном: Индии принадлежит штат Джамму и Кашмир, Пакистану – часть северных регионов, пакистанский Азад Кашмир (Свободный Кашмир) и контролируемый им Гилгит-Балтистан.

Вхождение штата Джамму и Кашмир в состав Индии и признание его особого статуса было оформлено рядом нормативно–правовых документов [1, с. 99]: «Инструментом о присоединении» (1947); «Делийским соглашением» (1952), закрепившим особое конституционное устройство штата Джамму и Кашмир, и Конституцией штата Джамму и Кашмир, вступившей в силу 26 января 1957 г..

С момента вхождения Джамму и Кашмира в состав Индии и до 1953 г. штат обладал подавляющей частью властных полномочий, в руках индийского правительства оставались сферы безопасности, международных отношений, коммуникации. К концу XX в. штат Джамму и Кашмир фактически оказался в равном положении с другими штатами без права на сессию.

Доминирующей этнической группой в штате является хинду язычное население, которое составляет меньшинство – 26% от общего числа населения, проживающего в штате [8]. Титульной группой штата, составляющей большинство населения, являются кашмирские мусульмане, исповедующие ислам и говорящие преимущественно на кашмири (наряду с хинди, пенджаби и урду). Мусульмане составляют более 60% населения штата [8]. В ряде территорий штата заметно усиление религиозной гетерогенности. Так в Кашмирской долине абсолютное большинство – это сунниты, говорящие на кашмирском языке, и соседствующие с ними кашмирские брахманы. В районах Ладаки наряду с буддистами проживают мусульмане–шииты, в районах Джамму больше последователей индуизма (более 60%), за которыми следуют мусульмане.

Подобная ситуация приводит к обострению этнополитических конфликтов, основная линия которых проходит между кашмирскими индуистами и мусульманами. Именно

вопросы права на религиозное самоопределение и свободы отправления религиозных обрядов являются наиболее трудными.

Религиозные различия усиливаются языковым разнообразием. На территории Джамму и Кашмир распространены 9 основных языков: урду, догри (диалект пенджаби), кашмири, пахари, пенджаби, ладакский, балти (диалект ладакского, на котором говорят мусульмане), гуджари, дадри [1, с. 100]. Конституция штата признает шесть языков региональными, провозглашая официальным урду, а также сохраняется возможность использования английского языка (на официальном уровне).

По данным переписи 2001 г. в лингвистической структуре штата доля населения, говорящего на «неписочных языках», равна 0,9% (кхадеши, балти, халам, бхотия, бхили, пушту) [5]. В разных округах штата различные миноритарные для штата языки оказываются доминирующими: например, балти и ладакхи на севере штата, догри и хиндко – в Джамму [3].

Урду является языком этнического меньшинства, проживающего в штате. Однако он повсеместно используется в публично–правовом пространстве. В частной сфере распространенным является кашмири – язык титульной группы штата Джамму и Кашмир, на котором говорит более половины жителей. Кашмири и догри исключены из публично–правового пространства, мало используются в образовании и СМИ, в данном случае мы можем говорить о дискриминации языков титульной группы штата. Официальный статус языка урду вызывает недовольство в Джамму и Ладаке, где он используется крайне редко [1, с. 100].

Подобная ситуация, когда урду наделяется статусом официального языка при доминировании в штате языка кашмири. Решение относительно статуса языка в штате было обусловлено поиском компромисса между противоборствующими силами: те, кто выступал за вхождение в Индию и теми, кто выступал за присоединение к Пакистану.

На основании этого мы можем говорить о негативном проявлении реализуемой языковой преференциальной политики в штате Джамму и Кашмир. Данный вариант языковой преференциальной политики обусловлен стремлением предотвратить дальнейшую фрагментацию штата. Даже при отсутствии видимых позитивных проявлений в обществе в отношении титульной и доминирующей групп, проводимая языковая политика в штате Джамму и Кашмир, позволяет сдерживать существующие процессы сепаратизма и возникновения новых конфликтов.

Библиографический список

1. *Борисова Н. В., Бородина Л. С.* «Борьба за язык» и языковая преференциальная политика как факторы этнополитической конфликтности в современной Индии // ARS ADMINISTRANDI. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-za-yazyk-i-yazykovaya-preferentsialnaya-politika-kak-factory-etnopoliticheskoy-konfliktnosti-v-sovremennoy-indii> (дата обращения: 23.03.2019).
2. *Озаева О.* Этнонациональное измерение языковой правовой политики: автореф. дис. канд. юрид. наук. Ростов н/Д: Рост. юрид. ин-т МВД Рос. Федерации, 2008. 28 с.
3. *Benedikter T.* Language Policy and Linguistic Minorities in India: An Appraisal of the Linguistic Rights of Minorities in India. Bolzano: EURAC Research, 2013. 232 p.
4. *Bormann N.-C., Cederman L.-E., Vogt, M* Language, Religion and Civil War // Journal of Conflict Resolution. 2015. August. P. 1–28.
5. Distribution of the 100 Non-Scheduled Languages? India, States & Union Territories. 2001 Census. URL: http://www.censusindia.gov.in/Census_Data_2001/Census_Data_Online/Language/partb.aspx (дата обращения: 27.03.2019).
6. The constitution of India, in Maklakov, V.V. (ed.), *Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv* [Constitutions of foreign countries], Volters Kluver, Moscow, Russia. 2003.
7. The official site of Central Intelligence Agency. “The World FactBook. South Asia: India”. 2015. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-worldfactbook/geos/in.html> (дата обращения: 23.03.2019).
8. The official site of Office of the Registrar General & Census Commissioner. “Population by religious communities”. India. 2001. URL: http://www.censusindia.gov.in/Census_Data_2001/Census_data_finder/C_Series/Population_by_religious_communities.htm (дата обращения: 23.03.2019).

LANGUAGE POLICY IN INDIA

Tyuleneva Aleksandra Mikhailovna

Perm State University, 15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia, tuleneva.aleksa@yandex.ru

Language acts not only as an important marker of ethnic identity, but can also undergo a process of politicization. It should be noted that the struggle for language is one of the most pressing problems in modern society due to the fact that there are quite a few ethnic groups that can live compactly on one territory. The article is devoted to the analysis of language preferential policies in India, on the example of the state of Jammu and Kashmir. Linguistic and religious heterogeneity in the Indian state Jammu and Kashmir causes the emergence of ethno-political conflict. One of the ways to overcome the conflict is the granting of a special status to the state. The similar institution measure in combination with the language preferential policies aimed at preventing the growth of separatism and the fragmentation of the state. Even in the absence of visible positive manifestations in society,

the ongoing language policy in the state of Jammu and Kashmir has an important integrating function.

Key words: language policy, language preferential policy, ethno-linguistic minorities, India, Jammu and Kashmir, politicization of language

References

1. *Borisova N. V, Borodina L. S.* «Struggle for language and language preferential policy as factors of ethnic conflicts in modern India» *ARS ADMINISTRANDI*. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-za-yazyk-i-yazykovaya-preferentsialnaya-politika-kak-factory-etnopoliticheskoy-konfliktnosti-v-sovremennoy-indii> (date accessed: 23 March 2019).
2. *Ozaeva O.* The ethnonational dimension of language legal policy // Institute Ministry of International Affairs, Russian Federation, 2008. 28 p.
3. *Benedikter T.* Language Policy and Linguistic Minorities in India: An Appraisal of the Linguistic Rights of Minorities in India. Bolzano: EURAC Research, 2013. 232 p.
4. *Bormann N.-C., Cederman L.-E., Vogt, M.* Language, Religion and Civil War // *Journal of Conflict Resolution*. 2015. August. P. 1–28.
5. Distribution of the 100 Non-Scheduled Languages? India, States & Union Territories. 2001 Census. URL: http://www.censusindia.gov.in/Census_Data_2001/Census_Data_Online/Language/partb.aspx (date accessed: 27.03.2019).
6. The constitution of India in Maklakov, V. V. (ed.), *Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv* [Constitutions of foreign countries], Volters Kluver, Moscow, Russia.2003.
7. The official site of Central Intelligence Agency. “The World FactBook. South Asia: India”. 2015URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-worldfactbook/geos/in.html> (date accessed: 23.03.2019).
8. The official site of Office of the Registrar General & Census Commissioner, India. “Population by religious communities”. 2001URL: http://www.censusindia.gov.in/Census_Data_2001/Census_data_finder/C_Series/Population_by_religious_communities.htm(date accessed:23.03.2019).

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО XX-XXI ВВ.

УДК 316.454.5(-057.875:371.12)378(47+57-25)19

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ В ИМПЕРАТОРСКОМ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ НАЧАЛА XX В.: КЕЙС ПРОФ. Г. И. ЧЕЛПАНОВА

Курочкин Денис Михайлович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 105066, Россия,
г. Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 1, newcoat@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые черты коммуникации в Императорском Московском университете на примере взаимодействия студентов – «учеников» с «учителем», проф. Г. И. Челпановым – философом, психологом, логиком, педагогом, организатором науки, одним из основоположников экспериментальной психологии в Российской империи. Предлагается условно разделить студенческое философско-психологическое сообщество университета на две части, с каждой из которых отношения у профессора складывались по-своему.

Ключевые слова: Марбургская школа неокантианства, философско-психологические семинары, Г. И. Челпанов, Психологический институт, Императорский Московский Университет.

Какими были взаимоотношения между студентами и преподавателями внутри философско-психологического сообщества Императорского Московского Университета в начале XX в.? Ответить на вопрос предлагаем аналитически: разобрать попеременно отношения студентов к преподавателям и, наоборот, преподавателей к студентам, используя случай Г. И. Челпанова.

Почему вопрос важен? Во-первых, в коммуникационной среде московского философско-психологического сообщества сформировались первые советские психологи. Примерно в 1920-е гг. в сообществе обостряется противостояние между представителями традиционных идеалистических взглядов и новых марксистско-материалистических, в частности, институции науки массово периориентировали на «новый правильный путь». В этом контексте «школа» дореволюционной эмпирической психологии, сформированная и сплоченная внутригрупповыми частными отношениями, подчёркивала искусственность, насильственность введения новой марксистской психологии (подробный разбор этого процесса не представляется возможным сделать в данной статье).

Во-вторых, исследование претендует на статус микроисторического: объясняет процессы и события, имеющие место в широком научном контексте. В частности, оно

позволит выявить причины институционализации психологии (как минимум, в форме философско-психологического сообщества).

В-третьих, исследование затрагивает новый сюжет, хотя поиски в этом направлении были начаты давно, однако большинство работ на научный статус не претендуют. Труды Г. И. Челпанова до середины XX в. вообще не цитировались. Примерно с 1960-х гг. до 1980-х гг. появляются публикации по истории психологии начала XX в., стремящиеся к объективному исследованию, переоткрывается личность Г. И. Челпанова и его роль в институционализации психологии в Российской империи. Однако осознание важности этой фигуры шло в узком кругу научного сообщества. С 1980-х гг. по 2000-х гг. исследователи пытаются демифологизировать историю психологии, опровергнуть идеологические оценки персонажей и явлений, накопленных в период «правильной марксистской психологии» [1, с. 28–29]. Только в 2000-х гг. возникает интерес к социальным отношениям внутри научного психологического контекста начала XX в.; точнее – исключительно к личности Г. И. Челпанова как значительной фигуре в истории становления экспериментальной психологии в России, к его восприятию современниками, которое оказывается во всех случаях позитивным, как «учителя от Бога».

В историографии вопрос о взаимоотношениях внутри философско-психологического сообщества не находит прямого ответа. Его аспекты лишь затронуты, например, у С. А. Богданчикова, И. В. Гладковой, А. Н. Ждан, Р. Л. Золотницкой и др. Эти исследователи приводят следующие цитаты из воспоминаний, автобиографий и дневников современников Г. И. Челпанова, его студентов и учеников, доказывая корректность сконструированного ими образа. «Талантливый режиссер, умевший великолепно дирижировать созданным им оркестром. А подбирать людей, побудить их к работе, создать дружный коллектив — все это ему удавалось великолепно», — вспоминает возрастной психолог и педолог Н. А. Рыбников [2]. Похожие оценки можно найти у протоиерея, философа и психолога В. В. Зеньковского: «В киевский период деятельности Челпанов выделился исключительным педагогическим талантом – в публичных лекциях, происходивших во всегда переполненном актовом зале университета, в организации замечательного философского семинара, наконец, в организации психологической лаборатории» [3, с. 658 – 659]. У религиозного и политического философа Н. А. Бердяева читаем: «У него собирались по субботам, я часто у него бывал и мы вели длинные специально философские разговоры. Эти разговоры были мне полезны, я выходил из замкнутости своей мысли. ...Челпанов был в философии прежде всего педагогом. Но он был очень живой человек, всем интересовавшийся, он был для того времени новым типом профессора» [4, с. 69]. А философ и литератор С. Е. Трубецкой замечает: «Всего больше мне приходилось работать в семинарах у профессоров Г. И. Челпанова и

Л. М. Лопатина. Первый был скорее хороший педагог, чем ценный ученый; он технически прекрасно вел занятия...» [5, с. 40], и т. д. Как утверждала Н. А. Дмитриева¹, упомянутые Лопатин и Челпанов — «это были лучшие в те годы философские силы Московского университета» [6, с. 129]. С одной стороны, трудно с этим не согласиться, с другой — открывается картина скудности этих сил.

«Трагедия московской университетской философии в том, что она представлена огромным талантом, но в то же время и потрясающей ленью, с одной стороны, и огромной бездарностью, но потрясающей деловитостью, с другой» [7], — эта формула, описывающая положение дисциплины в стенах московского университета, выведена Г. О. Гордоном — будущим профессором, философом, историком, членом Коллегии Народного комитета просвещения РСФСР и Государственного учёного совета. Н. А. Дмитриева подтверждает, что такое отношение к московской философской профессуре было не у одного Г. О. Гордона, но и у других молодых неокантианцев: А. В. Кубицкого, М. П. Поливанова, Б. А. Фохта, который, «гонимый Лопатиным, перегрызал лопатинцам и религиозным философам горло: великолепнейший умница и педагог, несправедливо оттесненный от кафедры, кафедрой он сделал свой дом, обучая здесь методологии нас; я [Белый А.], уважая его и любуясь трясущейся яростью, к «декадентам»» [8, с. 384], и др.

Исходя из нашей источниковой базы, можно выделить несколько причин напряженного отношения к преподавателям. Во-первых, Г. И. Челпанов — философ и психолог без стремления понять новое для эпохи течение — неокантианство: «Пробовал я его [Г. Когена], знаете ли, читать — сказал он мне — да вижу, что ничего не понимаю. Я и отложил его до поры до времени: подожду, пока появятся сочинения о нем, да тогда и сам, пожалуй, напишу. Ведь я так сделал и с эмпириокритицизмом — добавил он с великолепной откровенностью — когда вышла "Критика чистого опыта" Авенариуса. Ровно ничего я в ней не понял. А потом, гляжу, появились о нем книги Петцольда, Карстаньека и других. Тут я и сам написал свою статью о нем» [7]. Во-вторых, новизна учебной программы отсутствовала, благодаря сознательной политике образования лучших философских сил Императорского Московского университета: «Профессор Лопатин, Когена и Риккерта знал он лишь в пересказе профессора права Хвостова; ... дилетант в философии, старому, опытному, философскому «козлицу» свой итог чтения передавал на прогулках, а «козлице», чтящее Лейбница, Лотце, Владимира Соловьева, остервенялось, ознакомляясь с ходом мысли философов: Когена, Риккерта, Наторпа; ... Нажим метафизики определенного толка на метафизиков другого толка,

¹ Дмитриева Н. А. — доктор философских наук, профессор кафедры философии института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (МПГУ), член международного Общества Германа Когена (Цюрих, Швейцария), главный редактор журнала «Кантовский сборник / Kantian Journal» (Калининград).

«онтологистов» на «гносеологистов», аннулировал почти смысл моего поступления на филологический факультет, на котором я хотел изучать Канта, Рилья, Когена, Либмана, а не Лотце, Спинозу, Платона и Аристотеля, официально мне предлагавшихся; семинарии по последним были; по первым — не было семинариев. Нажим оказался последней попыткой конца века вырвать с корнем философские моды начала века» [8, с. 382–383]. В-третьих, «идеалист Лопатин в первых годах столетия преследовал кантианцев и особенно неокантианцев (идеалистов другой масти)» [8, с. 382] – эта черта, названная бы сегодня противоречащей научной этике, имеется и у Г. И. Челпанова.

Детальнее проясним личность автора формулы, исчерпывавшей status московской философии начала XX в., – Г. О. Гордона, чтобы продолжить работу. «Его появление всюду было всегда очень заметным, хотя подобающего ему места в жизни он никогда не занимал и не занял. ... Ни статьи, ни учебные пособия не дают представления о громадном диапазоне его знаний» [9], – описывал в воспоминаниях уже репрессированного в 1929 г. приятеля и сокамерника Соловецкого лагеря особого назначения филолог, культуролог и искусствовед, будущий академик Д. С. Лихачёв. «Молодежь Гаврила Осипович привлекал своей «жовиальностью», непосредственностью, полным отсутствием позерства <...>, неумением сдерживаться и откровенностью» [9], – этот комментарий Д. С. Лихачёва значителен: так как мы опираемся на воспоминания Г. О. Гордона, которые, возможно, по свидетельству академика, поставят нас на менее шаткую субъективную основу этого вида исторического источника.

Теперь постараемся понять, как Г. И. Челпанов относился к студентам. Почему Г. О. Гордон не занял подобающего места? Причин много: революция, конструирование нового курса науки, репрессии и т. п. Быть может, одной из них являлся и сам Г. И. Челпанов. В 1908 г. Г. О. Гордон должен был сдать сочинение «Психофизический параллелизм у Спинозы и в современной философии» для получения медали. Г. И. Челпанов, «прочитав его и убедившись, что в нем ни на йоту нет ничего, что могло бы выявить меня [Г. О. Гордона], как его ученика, а, наоборот, оно представляло собой критическое опровержение теории спиритуализма и психофизического взаимодействия, совершенно потерял душевное равновесие и, аттестовав сочинение Шилкарского на золотую медаль, мое просто отказался аттестовать. Тогда в дело вмешался факультет: на заседании профессора Р. Ю. Виппер, М. М. Покровский, В. К. Поржезинский и С. Н. Соболевский настояли на том, чтобы сочинение отрецензировал Л. М. Лопатин. Последний сделал это с редким беспристрастием и, хотя, конечно, был принципиально не согласен со мной, оценил его как самостоятельную работу и предложил дать золотую медаль. Челпанов встал на дыбы, и тогда, чтобы уладить всю эту нелепую историю, пошли на компромисс и дали мне серебряную медаль» [7].

С наступлением поры государственных экзаменов, а затем успешной их сдачей только с одной четвёркой Г. О. Гордон имел право остаться при университете. Однако он оставлен не был, хотя «на Челпанова давили с разных сторон без всякого притом моего участия... Заговорила ли в нем совесть, или уж очень на него наседали, но в одно прекрасное утро от него явился ко мне посол Шилкарский и заявил: «Г. И. говорит, что если Вам надо освободиться от воинской повинности, то он оставит Вас при университете, но предупреждает, чтобы Вы не рассчитывали на стипендию»» [7]. У Г. О. Гордона взвырвало чувство собственного достоинства, он отказался, «и осенью оказался вольноопределяющимся первого разряда в Пятом Гренадерском полку...» [7]. Ещё один случай, подходящий к теме – как Г. О. Гордон готовился к магистерскому экзамену уже после отбывания воинской повинности: «он [Г. И. Челпанов] дал мне 20 вопросов (по истории философии, метафизике, логике, этике), но, когда весной 1914 г. я хотел приступить к сдаче, он переменил мне целый ряд вопросов на более трудные, говоря: «От Вас мы должны требовать большего». Это было похоже уже на издевательство» [7]. Когда Г. О. Гордон решил начать, грянули выстрелы: началась война, из-за которой ему не удалось выдержать экзамены.

Для подтверждения уже витающего заключения рассмотрим воспоминания ещё одного студента – «ученика» Г. И. Челпанова, находившегося под его «покровительством», возрастного психолога и педолога Н. А. Рыбникова. Он появился в университете во время, когда Г. И. Челпановым был задуман и построен Психологический институт имени Л. Г. Щукиной, идея которого развилась из проводимых им философско-психологических семинаров: «исследовательская работа велась по линии изучения памяти... «Черновую» работу досталось выполнять К. Н. Корнилову и Н. А. Рыбникову – они овладевали аппаратами и методикой их использования, а затем сообщали результаты на семинарии: «Последовательно были проработаны все разделы экспериментальной психологии. Эти разделы позднее вошли в курс экспериментальной психологии Г. И. Челпанова, где он почему-то умолчал о моей роли и роли других товарищей, беззаветно отдававших свой энтузиазм, время, труд, изобретательность на создание лаборатории института» [2]. В период бурного строительства и творчества в Психологическом институте вести академическую работу под крылышком Г. И. Челпанова мне было трудно, и поэтому я предпочел от нее отойти» [2]. Н. А. Рыбникова привлекала педагогическая психология, появились новые интересы, которые «не только не находили поддержки у руководителя [Г. И. Челпанова], но даже наоборот — он их осуждал» [2]. Конечно, последовало и своеобразное наказание: «Г. И. Челпанов подбросил мастерскую и отчетность по институту, ссылаясь на то, что я знаю бухгалтерию. А это было очень малоинтересным. Он пытался даже отослать меня в Киев к Зеньковскому» [2]. В оправдание Г. И. Челпанова Н. А. Рыбников замечает, что «значительно

позднее (1933 г.) Г. И. Челпанов писал: «Настоящим удостоверяю, что Н. А. Рыбников, будучи студентом 3-го курса 1-го МГУ, с осени 1908 г. фактически выполнял обязанности лаборанта при кафедре психологии 1-го МГУ...» [2]

Для того чтобы перейти к заключительному шагу, подведём краткий промежуточный итог, как формируются взаимоотношения в университетской среде. Г. И. Челпанов, представитель философской элиты Императорского Московского Университета, воспринимался всеми студентами как талантливый педагог, первоклассный лектор, превосходный организатор учебного и научного процесса. Вместе с тем, внутри этого сообщества была группа, идентифицированная Г. И. Челпановым как «инакомыслящая», к которой он относился несправедливо. Они считали, что профессор тщеславный, мнительный и злопамятный «декадент», исповедующий собственную школу и подход, отступники от которого любви, снисхождения, а тем более покровительства не сыщут.

Поэтому тезис И. В. Гладковой²: «Каждому из них [учеников] Г. Челпанов дал возможность выбрать самостоятельный путь в науке, найти свою тему. Он инициировал подходы к анализу философских проблем, дававшие возможность формирования и развития различных взглядов и убеждений» [10], – некорректен: он работает, если научные интересы его подопечных совпадают с собственными: ««Недавно я познакомился с профессором Челпановым; этот последний как психолог интересовался духовной жизнью незрячих, писал некогда статью по этому поводу и искал, по его словам, случая поговорить со мной». Взаимный интерес и уважение профессора и студента впоследствии переросли в глубокую дружбу» [11]. Пример привязанности и дружбы нашел себя также в отношениях со Г. Г. Шпетом, как верно оценивает И. В. Гладкова, «в формировании научных взглядов и мировоззрения которого, как всякого большого ученого, сыграли значительную роль многие общественные и научные деятели, его учителя». Г. Г. Шпет, перебравшийся «из Киева вместе с Челпановым, переведенный в Москву; в душе артист, — этот крепкий подкальыватель кантианцев при помощи Юма» [12, с. 216], до ареста в марте 1935 г. сохранял тёплые, глубоко искренние отношения с Г. И. Челпановым, о чём свидетельствуют их письма [13].

Таким образом, условно философско-психологическое сообщество студентов Императорского Московского университета мы делим на две части: тех, кто разделял видение учебных дисциплин, методики преподавания и исследовательских интересов Г. И. Челпанова, и тех, кто этого не делал. Студенты последней закономерно неформально негласно наказывались своеобразным способом, черты которого были описаны. Об учениках, находившихся под его крылом, Г. И. Челпанов беспокоился в полной мере: пытался найти к

² Гладкова И. В. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Уральского государственного горного университета.

каждому индивидуальный подход, внимательно следил за ходом выполнения работ, лоббировал впоследствии на должности. К ним можно причислить, например, Г. Г. Шпета, А. Ф. Лосева, А. М. Щербину, одно время П. П. Блонского и др. Бывало, отношение к ученику менялось: так в немилость впал возрастной психолог Н. А. Рыбников, увлечшись педологией. Итак, в ходе рассмотрения взаимоотношений между студентами и преподавателями внутри философско-психологического сообщества Императорского Московского Университета в начале XX в. через кейс профессора Г. И. Челпанова был выявлен конфликт, основанный на различиях в идейных и методологических подходах, между группой первых и последними. Впоследствии, после заключительного этапа институционализации психологии в Российской империи – основания Г. И. Челпановым в 1912 г. Психологического института им. Л. Г. Щукиной как новой институциональной базы для студенческого сообщества конфликт решён не будет, а к началу 1920-х гг. плавно перерастёт в идеологическое столкновение между представителями научной школы Г. И. Челпанова и новой «правильной» марксистской психологии.

Библиографический список

1. *Богданчиков С. А.*, Неизвестный Г. И. Челпанов // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 27–35.
2. *Рыбников Н. А.* Из рода в род. История семьи Рыбниковых (за двухсотлетний период ее существования). Пятое поколение. Автобиография Н. А. Рыбникова. Книга. Машинопись. 170 л. 1943 г. // Отдел рукописей РГБ. Ф. 367. Картон № 4. Ед. хр. № 2.
3. *Зеньковский В. В.* История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
4. *Бердяев Н. А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990. 336 с.
5. *Трубецкой С. Е.* Минувшее / Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой; предисл. Н. А. Руднева. М.: ДЭМ, 1991. 340 с.
6. *Дмитриева Н. А.* Московский университет versus неокантианство: марбургское «просветительство» в России в начале XX века // Философский век. Альманах. Вып. 30. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Т. 3 / отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005. 321 с.
7. *Гордон Г. О.* Повесть о моей жизни. 1939 г. Отрывок. Машинописная копия рукописных тетрадей выполнена Г. Г. Гордоном 1970-е гг. 23 л. // Отдел рукописей ГМИИ им. А. С. Пушкина. Кол. XI. Оп. V. Ед. хран. 1. 23 л.

8. *Белый А.* Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2 / Редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; Подгот. текста и коммент. А. Лаврова. М.: Худож. лит., 1990. 687 с.
9. *Лихачев Д. С.* Воспоминания. Гавриил Осипович Гордон // Вики-Чтение. URL: <https://biography.wikireading.ru/78154> (дата обращения: 17.03.2019).
10. *Гладкова И. В. Г. И.* Челпанов и Г. Г. Шпет: дискурс взаимоотношений // Дискурс-Пи. 2010. № 1-2. С. 61-63.
11. *Золотницкая Р. Л.* Он был на передовой линии науки: в память о А. М. Щербине // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 6. С. 81–86.
12. *Белый А.* Между двух революций. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 3 / Редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; Подгот. текста и коммент. А. Лаврова. М.: Худож. лит., 1990. 670 с.
13. *Густав Шпет: Философ в культуре. Документы и письма / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 676 с.

THE RELATIONSHIP BETWEEN TEACHERS AND STUDENTS OF THE IMPERIAL MOSCOW UNIVERSITY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: THE CASE OF PROF. G. I. CHELPANOV

Kurochkin Denis Mikhailovich

National Research University «Higher School of Economics», 21/4, building 1, Staraya Basmannaya st., Moscow, 105066, Russia, newcoat@mail.ru

This article deals with some communication features at the Imperial Moscow University using an example of interactions between student-apprentices with their teacher, prof. G.I. Chelpanov – a philosopher, psychologist, logician, educator, scientific organizer, a founder of experimental psychology in the Russian Empire. Proposed in this article, one can divide the psychological and philosophical community of the student population into two parts, each facilitated a relationship with the professor in their own way.

Key words: The Marburg School of neo-Kantianism, the Psychological Institute, philosophical and psychological seminars, G.I. Chelpanov, the Imperial Moscow University.

References

1. *Bogdanchikov S. A.* Neizvestnyy G. I. Chelpanov // *Voprosy psikhologii*. 1994. № 1. P. 27–35.
2. *Rybnikov N. A.* Iz roda v rod. Istoriya sem'i Rybnikovykh (za dvukhsotletniy period ee sushchestvovaniya). Pyatoe pokolenie. Avtobiografiya N. A. Rybnikova. Kniga. Mashinopis'. 170 l. 1943 g. // Otdel rukopisey RGB. F. 367. Karton № 4. Ed. khr. № 2.
3. *Zen'kovskiy V. V.* Istoriya russkoy filosofii. M.: Akademicheskiiy Proekt, Raritet. 2001. 880 p.

4. *Berdyaev N. A.* Samopoznanie (opyt filosofskoy avtobiografii). M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990. 336 p.
5. *Trubetskoy S. E.* Minuvshee / Knyaz' Sergey Evgen'evich Trubetskoy; predisl. N.A. Rudneva. M.: DEM, 1991. 340 p.
6. *Dmitrieva N. A.* Moskovskiy universitet versus neokantianstvo: marburgskoe «prosvetitel'stvo» v Rossii v nachale KhKh veka // Filosofskiy vek. Al'manakh. Vyp. 30. Istoriya universitetskogo obrazovaniya v Rossii i mezhdunarodnye traditsii prosveshcheniya. Tom 3 / Otv. redaktory T. V. Artem'eva, M.I. Mikeshin. SPb.: Sankt-Peterburgskiy Tsentr istorii idey, 2005. 321 p.
7. *Gordon G. O.* Povest' o moyey zhizni. 1939 g. Otryvok. Mashinopisnaya kopiya rukopisnykh tetradey vypolnena G.G. Gordonom 1970-e gg. 23 l. // Otdel rukopisey GMII im. A. S. Pushkina. Kol. XI. Op. V. Ed. khran. 1. 23 l.
8. *Belyy A.* Nachalo veka. Vospominaniya. V 3-kh kn. Kn. 2 / Redkol.: V. Vatsuro, N. Gey, G. Elizavetina i dr.; Podgot. teksta i komment. A. Lavrova. M.: Khudozh. lit., 1990. 687 p.
9. *Likhachev D. S.* Vospominaniya. Gavriil Osipovich Gordon // Viki-Chtenie. URL: <https://biography.wikireading.ru/78154> (date accessed: 17.03.2019).
10. *Gladkova I. V.* G. I. Chelpanov i G. G. Shpet: diskurs vzaimootnosheniy // Diskurs-Pi. 2010. № 1–2. P. 61–63.
11. *Zolotnitskaya R. L.* On byl na peredovoy linii nauki: v pamyat' o A. M. Shcherbine // Psikhologicheskiy zhurnal. 2000. T. 21, № 6. P. 81–86.
12. *Belyy A.* Mezhdue dvukh revolyutsiy. Vospominaniya. V 3-kh kn. Kn. Z / Redkol.: V. Vatsuro, N. Gey, G. Elizavetina i dr.; Podgot. teksta i komment. A. Lavrova. M.: Khudozh. lit., 1990. 670 p.
13. *Gustav Shpet: Filosof v kul'ture. Dokumenty i pis'ma / otv. red.-sost. T. G. Shchedrina.* M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012. 676 p.

ТЕРРОР 1937-ГО. ДЕЛО МАКСИМА МИХАЙЛОВИЧА СМЫШЛЯЕВА

Арестов Владимир Андреевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614068, Россия, г. Пермь, ул. Генкеля, 7, arestovvladimir@yandex.ru

В статье история политических репрессий в предвоенном СССР рассматривается на примере следственного дела М. М. Смышляева – директора машинно-тракторной станции, действовавшей в селе Кояново в Пермской области. Проведен детальный разбор дела, свидетельствующий о том, что оно было составлено без каких-либо достоверных доказательств. Выявлено, что объективных данных о том, что Смышляев когда-либо примыкал к антипартийным группировкам, нет, он был осужден незаконно по сфальсифицированным материалам.

Ключевые слова: сталинизм, М. М. Смышляев, большой террор, репрессии, НКВД, следственное дело

История репрессий неразрывно связана со всей советской историей: большой и региональной. Исключение не составляет эпоха большого террора (1937–1938 гг.), когда репрессивная политика составляла стержень государственной деятельности, определяла и вектор развития остальных ее сторон: хозяйственной, внешнеполитической, военной и т.д.

Специфика репрессий, их социальная направленность, применяемые методы дознания, жертвы – все это определялось исторической ситуацией, вернее, представлениями о ней, характерными для властной элиты, а также степенью предрасположенности больших социальных групп населения к насильственным методам решения проблем. Чем ближе к войне, тем громче звучат в обществе голоса ненависти, тем более склонны к расправам некогда мирные обыватели. Люди, стесненные в своих поступках, не способные в силу внешних и личных обстоятельств решить свои жизненные проблемы, как правило, крайне восприимчивы к призывам к истреблению внутренних врагов. Более того, они готовы также инициировать такие призывы.

В этих случаях власть не отгораживается идеологией от мнения народного. Она способна на время отвести гнев от одного своего агента, взять под защиту другого, вывести из-под удара третьего, но, в целом, она охотно идет навстречу низовым требованиям: награждает доносчиков, поощряет погромщиков, ограждает их от преследований со стороны местных инстанций.

Тема политических репрессий еще долго будет оставаться злободневной и актуальной для современного общества, тем более, что не прекращаются попытки приуменьшить масштабы репрессий и даже оправдать их.

Методологической основой публикации является концепция тоталитаризма Ханны Арендт [1]. Согласно её тезису, характерные черты тоталитаризма — единая идеология и террор.

В 2000-е гг. стали выходить исследования, посвященные механизму фальсификации политических дел. В частности, на материалах Пермской области, были подготовлены коллективные монографии под редакцией О. Л. Лейбовича и С. А. Шевырина.

Основным источником для данной публикации является архивно – следственное дело Максима Михайловича Смышляева, которое хранится в Пермском государственном архиве социально-политической истории (далее – ПермГАСПИ) и демонстрирует, как в воображении сотрудников НКВД формировалась масштабная контрреволюционная организация, никогда не существовавшая в реальности.

Максим Михайлович Смышляев родился в 1895 г. в деревне Смышляево Пижанского района, расположенного на территории современной Кировской области.

Окончив три группы сельской школы, он стал довольно грамотным человеком для того времени. После революции в 1918 г. М. М. Смышляев работает секретарем районного исполнительного комитета, затем заведует районным отделом народного образования. В 1924 г. он переехал в Пермь, где работал секретарем рабочкома Пермского отделения Уральского государственного строительно-промышленного акционерного общества «Уралпромстрой», заведующим орготдела Ленинского РК ВКП (б), в Пермском горсовете, ответственным секретарем парткома Гознакстроя.

В 1930 г. Пермским народным судом был осужден по статье 111 УК РСФСР за небрежное отношение к возложенным по службе обязанностям. 1 августа 1935 г. Максим Михайлович был назначен директором Кояновской машинно-тракторной станции (далее – МТС). К этому времени у него было уже пятеро детей – старшие сыновья Вальдемар (11 лет) и Августин (8 лет), дочери – Клара (7 лет), Тамара (4 лет) и двухмесячная Галина.

Вопрос о нем рассматривался 20 августа 1937 г. на заседании бюро Пермского горкома партии, которое постановило снять М. М. Смышляева с должности директора Кояновской МТС и исключить из рядов ВКП (б). Вначале в деле фигурирует материал о бесхозяйственности и плохом ведении дел в колхозе, МТС, сельском совете. Используются такие доказательства: тракторы не отремонтированы должным образом, уборка урожая идет не такими быстрыми темпами, как требуется, школа не строится и т.д.

На этом же заседании Бюро горкома партии были приведены конкретные примеры «вредительской работы» Смышляева: «...комбайны не работают, молотилки не подготовлены, тракторные сеялки не отремонтированы...» [2, Л. 4]. Ответ на вопрос: «почему так произошло?» можно найти в тщательно собранных сотрудниками НКВД компрометирующих

материалах на Смышляева. Так зафиксировано следующее его критическое замечание: «...руководство ВКП (б) ведет неправильную политику в отношении крестьянства, и эта политика пустит крестьян по миру. ЦК организует МТС, но не финансирует их, и они влчат жалкое существование...» [2, Л. 4].

Уже 26 августа 1937 г. М. М. Смышляев был арестован Пермским городским отделом НКВД по обвинению в том, что он состоял в «контрреволюционной организации правых, по заданию которой вел контрреволюционную подрывную работу» [2, Л. 1]. Обвинение полагало, что Смышляев, работая директором Кояновской машинно-тракторной станции, по заданию этой организации «способствовал разложению трудовой дисциплины в колхозах, поставил явную угрозу срыва уборки урожая» [2, Л. 7].

МТС имела статус государственного сельскохозяйственного предприятия, включенного в планово-распределительную систему советской экономики. Развитие машиностроительной отрасли в рамках этой экономической модели в тот период создавали ситуацию хронической нехватки техники, запчастей и квалифицированных автослесарей. Следствием чего были частые поломки и простои техники. Приехавшие из Свердловска следственные бригады дали установку на включение всех аварий и поломок техники в список «диверсионных актов» [3, С. 285–286].

Мерой пресечения М. М. Смышляеву было избрано содержание под стражей в Пермской тюрьме по 1-й категории. Первый допрос от 27 августа был посвящен записи всех знакомых. В протоколе допроса от 3 октября Смышляев «подписал» протокол показания о том, что он состоит в контрреволюционной повстанческой организации и возглавляет ее Кояновский взвод. В этот взвод якобы входили Беляев Шариф – председатель сельсовета, Максудов Галимзян – председатель колхоза «Передовик», Степанов – учитель Кояновской школы, Волегов – заместитель директора Кояновской МТС и др. Дело вел следователь НКВД Ф. Г. Лизунов, известный своим участием в допросах Старкова – и.о. заместителя председателя Горсовета г. Перми. Методы воздействия на подследственного были уже отработаны. Методика ведения допросов похожа на методику допросов мусульманского духовенства: «Вопрос: Приступите к изложению Вашей практической подрывной работе по заданию организации правых? Ответ: На меня возлагалась задача организации правых:

а) добиться развала работы МТС;

б) Срывать всеми путями обслуживание колхозов машинотракторной станцией.

в) Сорвать предстоящее строительство помещения для машино-тракторной мастерской, с целью задержки ремонта тракторов.

И основная задача подбор и изучение кадров для вербовки их в организацию правых»[2, Л. 21].

Следующий допрос состоялся 19 октября 1937 г. «Вопрос: Вам предлагается сообщить следствию о всех известных Вам контрреволюционных повстанческих силах, находящихся в распоряжении Пермского повстанческого округа. Ответ: Всех повстанческих сил и боевых соединений в Пермском повстанческом округе я назвать не могу, так как непосредственного участия в руководящем повстанческом штабе я не принимал. Но мне известно от СТАРКОВА, одного из активных участников этого повстанческого штаба, что в Перми по решению областного повстанческого штаба утвержден повстанческий округ, а для руководства всеми повстанческими силами создан специальный повстанческий штаб в гор. Перми.

Вопрос: Вам называл СТАРКОВ руководящий состав этого повстанческого штаба?

Ответ: В одном из разговоров в кабинете СТАРКОВА он мне заявил: «организация правых поставила своей прямой задачей свергнуть существующее руководство в стране вооруженным путем, и для того, чтобы это осуществить, в Перми создан повстанческий штаб, в состав которого входят:

ДЬЯЧКОВ – б[ывший]/секретарь Пермского ГК ВКП(б),

ПОЛЯНСКИЙ – командир дивизии РККА,

КАНДАЛИНЦЕВ – б/управляющий Камского речного пароходства,

ГОЛЫШЕВ – б/секретарь Пермского ГК ВКП (б),

ЯНСОН – б/заведующий Пермским горпланом, и он, СТАРКОВ,

и что начальником этого штаба назначен ДЬЯЧКОВ, а командующим всеми повстанческими силами ПОЛЯНСКИЙ. Также СТАРКОВ мне говорил, что областным повстанческим штабом руководят: КАБАКОВ, ПШЕНИЦЫН И ГОЛОВИН» [2, Л. 24–28].

Каким образом было добыто это «признание», можно узнать из письма, написанного в 1956 г. супругой М. М. Смышляева Верой Александровной Смышляевой прокурору Пермской области. Она писала: «В 1937г. из тюрьмы № 1 к нам пришел освободившийся молодой человек, который сообщил нам, что М. М. Смышляева, моего мужа, держали 20 суток в карцере и в момент допроса наставляли в рот дуло пистолета, чтобы он подписал обвинительный лист. Он же передал письмо от него на тонкой папиросной бумаге. Письмо было следующего содержания: «Здравствуйте, мои дорогие жена и мои детки! Я нахожусь в тюрьме № 1. Я мыслить не мог, в чем меня обвиняют. Наглая ложь и выдумка. Вырастила меня советская власть и великая партия, сделала меня из пастуха, батрака большим человеком. Доверяла мне все ответственные посты, я честно выполнял их. Ты остаешься одна с пятерыми детьми, тебе тяжело, у людей хоть есть что продать, а у нас с тобой ничего. Ох! Если бы не малые мои крошки, то было бы не так. Я вынужден был подписать обвинительный лист. Верусь! Не падай духом. Я докажу свою невиновность». Это письмо было послано в

1939 г. вместе с заявлением о пересмотре дела т. Вышинскому, но ответ не был получен [4, С. 95].

17 января 1938 г. в Свердловске состоялось закрытое судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР. Смышляев виновным себя не признал, рассказал, что все его признания были добыты следователями под давлением. Последним его словом было – «невиновен». В 18.30 коллегия вынесла свой вердикт: «Приговорить ... к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества» [2, Л. 47]. В тот же день приговор был приведен в исполнение.

Семье же было объявлено, что Смышляев осужден на 10 лет «без права переписки». Жена Максима Михайловича и его дети ждали и надеялись 18 лет, писали письма в разные инстанции. В уже упомянутом письме от 1956 г. Вера Александровна писала прокурору Пермской области: «Нам ничего не известно о нем. Убедительно просим вас, тов. прокурор пересмотреть дело о виновности нашего отца и мужа» [4, С. 95]. 20 июля 1957 г. Верховный суд СССР вынес определение о полной реабилитации Смышляева Максима Михайловича «за отсутствием состава преступления» [2, Л. 116].

Массовые репрессии 1937 г. до сих пор остаются беспрецедентным феноменом, прочно укорененным в нашей исторической памяти. А все феноменальное, казалось бы, не нуждается в истолковании, поскольку оно само истолковывает. Едва ли будет преувеличением сказать, что для всего старшего поколения словосочетание «1937 год» является символом – ключом к пониманию сути сталинского режима, а значит, неизбежно относится к области мифологического. Сталинские репрессии – это действительно драматическая страница отечественной истории; еще в большей степени – это драма живой человеческой личности. Рассмотренный материал, который составляет лишь часть имеющихся в архивных фондах документах, дает основание для ряда выводов.

Судебно-следственные дела эпохи «большого террора» однотипны по срокам и методам ведения следствия, характеру обвинений, содержанию приговоров. Некоторые различия определялись составом обвиняемых, местной спецификой (национальной, социально-экономической и др.).

Объективных данных о том, что М. М. Смышляев когда-либо примыкал к оппозициям, антипартийным группировкам, не имеется. Таким образом, анализ документов показывает, что директор Кояновской машинно-тракторной станции был осужден незаконно по сфальсифицированным материалам.

Библиографический список

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева и др. Под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. Архивно – следственное дело Максима Михайловича Смышляева // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13706. 132 л.
3. «...Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / Отв. ред. О. Л. Лейбович. Пермь: Перм. гос. техн. ун-т., 2006. 327 с.
4. Топография террора: история политических репрессий / сост. С. А. Шевырин. Санкт-Петербург: Маматов, 2012. 240 с.

TERROR 1937TH. THE CASE OF MAXIM MIKHAYLOVICH SMYSHLYAEV

Arestov Vladimir Andreevich

Perm State University, 15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia, arestovvladimir@yandex.ru

In the article the history of political repressions in the pre-war USSR is considered on the example of the investigative case of M. M. Smyshlyaev-the Director of the Koyanov machine-tractor station operating in the village of Koyanovo in the Perm region. A detailed analysis of the case was conducted, indicating that it was drawn up without any reliable evidence. It is revealed that there is no objective evidence that Smyshlyaev ever joined anti-party groups, he was convicted illegally on falsified materials.

Keywords: stalinism, M. M. Smyshlyaev, big terror, repression, NKVD, investigation case

References

1. *Arendt Kh.* Istoki totalitarizma / Per. s angl. I. V. Borisovoy, Yu. A. Kimeleva, A. D. Kovaleva, Yu. B. Mishkenene, L. A. Sedova Poslesl. Yu. N. Davydova. Pod red. M. S. Kovalevov, D. M. Nosova. M.: TsentrKom, 1996. 672 p.
2. Arkhivno – sledstvennoedelo Maksima Mikhaylovicha Smyshlyaeva // PermGASPI. F. 641/1. Op. 1. D. 13706. 132 p.
3. «... Vklyuchenvoperatsiyu». MassovyyterrorvPrikam'ev 1937–1938 gg. / Otv. red. O. L. Leybovich. Perm: Perm. gos. tekhn. un-t., 2006. 327 p.
4. Topografiya terrora: istoriya politicheskikh repressiy / Sost. S. A. Shevyrin. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Mamatov», 2012. 240 p.

«ИНСТРУКЦИЯ ПО ПОТРЕБЛЕНИЮ»: ЖУРНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС О ПОЗДНЕСОВЕТСКОМ КОНСЬЮМЕРИЗМЕ

Фадеева Анастасия Сергеевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15, fdvnsts@gmail.com

В статье рассматривается ряд советских периодических изданий с целью выявления специфики потребительского дискурса в СССР середины 1960-х – 1980-х гг. Он рассматривается как поле, используемое для создания и поддержания смыслов и идей, связанных с моделью советского консьюмеризма. На материалах журналов «Советская торговля», «Ровесник», «Крокодил» и «Работница» показаны транслируемые стратегии потребления в условиях дефицита, способы репрезентации и образы повседневных потребительских практик.

Ключевые слова: потребление, советская периодика, повседневность, дефицит, потребительские практики.

Введение

Культура потребления позднего советского общества представляет интерес с точки зрения выявления особенностей экономической системы в СССР и потребительских возможностей населения. Советское потребление сталкивалось с проблемой разрыва между возрастающим повседневным спросом и нехваткой ассортимента. В эпоху «оттепели» правительство обратило внимание на особенности потребительской культуры советского человека и разработало ряд предложений для решения проблемы повседневного потребления. Само это понятие в большей степени ассоциируется с рыночной экономикой и капиталистическим укладом. Однако ряд исследователей характеризуют период 1960–х гг. как начало становления в СССР «общества потребления».

Потребление неразрывно связано с понятиями «потребительство», консьюмеризм, «вещизм», которые возникли в начале XX в. для обозначения типа общественного или индивидуального сознания, которое конструирует процесс реализации интересов потребителя в сфере приобретения материальных благ. Концепт «общества потребления» активно разрабатывался философом Ж. Бодрийяром, для которого потребление представляло общественной практикой, знаковой системой межличностного общения, отражающей и, вместе с тем, формирующей реальность. Предаваясь потреблению, человек наделяет вещь новыми смыслами, превращает её в знак, предмет различения [8, с. 102].

В СССР при исследовании советской повседневности важно учитывать идеологический контекст. В 1970–1980-х гг. доминирующей идеологемой, активно пропагандируемой

режимом, было понятие «социалистического образа жизни». Под ним понимались «правильные» практики взаимоотношений, в том числе и в связи с потреблением материальных благ. Согласно означенной идеологии материальное потребление благ и услуг характеризовалось понятиями «рациональность», «практичность», «простота», «оправданность».

Основу источниковой базы данного исследования составляют периодические издания позднего советского общества. Журнальный дискурс конструирует модель советского потребительства, и, одновременно, отражает его существующие формы. Корпус журналов «Советская торговля», «Ровесник», «Крокодил» и «Работница» за 1965–1985 гг. позволяет проанализировать потребительский дискурс с разных точек зрения – официальной, молодежной, сатирической и женской соответственно. Общество потребления базируется на экономике предложения, то есть на производстве продукции с коротким жизненным циклом и постоянной потребности в ней. Власть – неизбежная часть процесса современного производства. Новая система создания материальных ценностей целиком и полностью зависит от мгновенной связи и распространения данных, идей, символов, то есть от системы массовых коммуникаций. Эти централизованно разработанные образы, идеи, символы, внедряемые в массовое сознание средствами массовой информации, рекламой, способствовали стандартизации нужного поведения для индустриальной эпохи.

Образы стандартов и практик потребления

Потребление в советском обществе было трудоемким и изощренным занятием, и даже пресса это не скрывала. Очередь могла быть чересчур медленной, но это была лишь часть более сложного процесса, который мог включать в себя «прочесывание» магазинов на наличие необходимых товаров, поездки в другой город в расчете на неожиданную возможность приобрести что-то ценное. Идеальный советский потребитель был подобен молодому пионеру, девиз которого был «Всегда готов!». К началу 1980-х гг. около половины всех семей, имеющих сбережения, держали их на «непредвиденные расходы», что подчеркивало непредсказуемость советской розничной торговли.

В 1974 г. сатирический журнал «Крокодил» предложил своей аудитории две карикатуры с очень разными взглядами на потребление в советском обществе. На первой изображены две группы демонстрантов: одна несет знак «Группа А» (товары тяжелой промышленности), а другая – плакат «Группа Б» (потребительские товары). «Группа А» продвигается вперед и призывает «Группу Б» наверстать упущенное (рис. 1).

Рис.1. «Ваша группа отстает... Подтянитесь!»// Крокодил. № 12. 1974.

Карикатура иллюстрирует обещание правительства Л. И. Брежнева увеличить темпы производства товаров народного потребления, чтобы в конечном итоге догнать тяжелую промышленность. Однако всего несколько недель спустя «Крокодил» опубликовал еще одну карикатуру, изображающую счастливого, одетого в ковбойские украшения, лениво лежащего на диване. Мать на картинке обращается к отцу: «Придется тебе устроиться еще на полставки»: бутылка алкоголя, счета за ресторан и штрафы в руках матери ясно показывают, что материальное потребление – это порок (рис. 2).

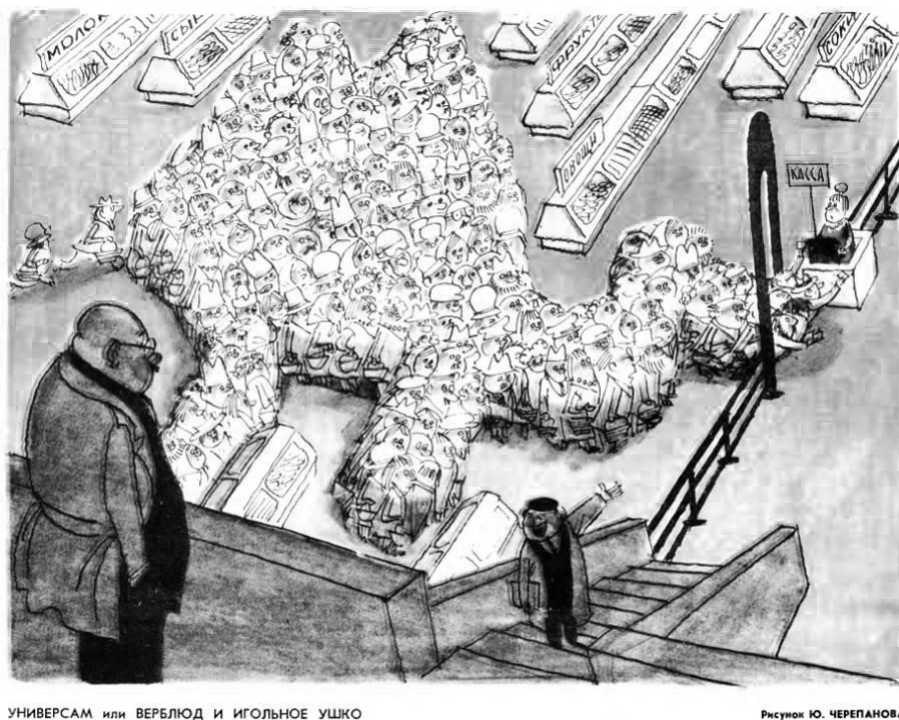
Рис. 2. «Придется устроиться еще на полставки: ребенок вырос: потребностей у него стало больше...»// Крокодил. №17. 1974.

Эти два контрастных образа были типичны для амбивалентности, которая пронизывала общественные дискуссии брежневской эпохи вокруг материальных благ. Забота о личном материальном комфорте воспринималась как вызов советской идеологии. На втором рисунке мальчик, изображенный как представитель советского потребителя: для удовлетворения его растущих потребностей патерналистское государство должно работать намного усерднее, но этот «ребенок» не напоминает человека, соответствующего «Моральному кодексу

строителей коммунизма». Необходимо было принять меры для минимизации негативных последствий потребления. В результате граждане получили неоднозначные сигналы от властей. Так официально было заявлено, что постоянное улучшение материального благосостояния граждан является главной задачей Коммунистической партии. Наряду с общественным вниманием к успехам и неудачам потребительской индустрии, эти сигналы со стороны власти узаконивали стремление к лучшей материальной жизни. Однако эти устремления одновременно ставились под сомнение тем, как в прессе, пропаганде, кино и литературе потребление характеризовалось как питательная среда для вещизма и множества других аморальных качеств.

Необходимость модернизации сферы услуг, торговли и бытового обслуживания рассматривалась на высшем государственном уровне, о чем свидетельствуют материалы партийных съездов и пленумов, а также и специальные решения правительства. Они ставили вопросы о доступности, качестве и комфорте пользования торговой сферой. Третья программа партии содержала статьи, в которых главной задачей развития торговли виделась экономия времени при посещении мест общепита и торговли; облегчение быта советского человека. [19, с. 125] Официальный журнал Министерства торговли «Советская торговля» с этой точки зрения достаточно информативно показывает основные темы, относящиеся к вопросам торговли. Так, например, в одном из материалов сообщалось о том, что в городских магазинах появляются отделы по продаже полуфабрикатов. Введение продуктов быстрого приготовления в торговую базу значительно уменьшало затраченное время на приготовление и прием пищи. Но чего хотели потребители? Очевидно, что организации торговли должны были знать ответ. На страницах этого издания регулярно публиковались материалы по изучению потребительских предпочтений населения.

В начале 1980-х гг. социологи выявили, что потребители тратят от 30 до 40 % своего времени на покупку потребительских товаров (часто – в очередях за ними) [16, с. 50]. Очереди за покупками занимали у женщин больше времени, чем уход за детьми. Проблема очереди отражена во всех журнальных источниках. Этому посвящены многие фельетоны и карикатуры журнала «Крокодил». Так фельетон «Ради жены» рассказывает о покупке подарка в универсаме, которая превращается во «взятие Трои» [7], а карикатура под названием «Универсам, или Верблюд и угольное ушко» изображает бесконечную очередь в кассу (рис. 3).

УНИВЕРСАМ или ВЕРБЛЮД И ИГОЛЬНОЕ УШКО

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Рис. 3. «Универсам, или Верблюд и угольное ушко» // Крокодил. 1973. №2. С. 6.

Разносторонне представлена тема дефицита на страницах журнала, «Работница», ориентированного на женскую аудиторию. В одной из публикаций, например, говорилось: «Кому придет в голову покупать одну пачку порошка, если отстоял за ней очередь и нет уверенности, что через неделю порошок не исчезнет снова? Бери больше. Про запас...». [13]

Второй постоянной темой были бытовые вопросы. Так к концу 1970-х почти треть номера была посвящена рецептам, выкройкам, статьям о моде, т.е. возможностям не растрачивать свой труд на «стояния в очереди».

Ощущение того, что потребительские стандарты претерпели изменения, прочно утвердилось к середине 1970-х годов. Журнал «Работница» в 1975 г. писал, что десять лет назад жизнь требовала количественного роста товаров, приоритет отдавался количеству, а не качеству товаров и услуг. Тогда как к середине семидесятых ситуация изменилась: «Сейчас, когда есть много всего, когда есть выбор, потребитель становится все более требовательным и избирательным». [15] Промышленность регулярно не оправдывала требования и ожидания потребителя. К 1980-м гг. публичные дискуссии показали, что на «потребительском фронте» дела идут не очень гладко. В 1981 г. журнал «Советская торговля» признал: «В последние годы обострилась проблема удовлетворения потребительского спроса на товары повседневного потребления». Речь шла о нарастающем дефиците, который стал не просто экономическим затруднением, но базовой характеристикой кризиса системы: «Дефицит находится в фундаментальном противоречии с объективными законами социализма» [4]

Изображение западного потребления и импортных товаров

В условиях дефицитной советской торговли невольно вставал вопрос о возможностях приобретения импортных товаров и их качестве, об особенностях потребления на Западе. Такие темы достаточно часто поднимаются в журнальных источниках. Хвалебный контекст относительно импортных товаров появляется там, где речь идет о товарах из социалистических стран, зачастую являвшихся предметами и символами комфорта и достатка. Характерное отношение к товарам из стран социализма звучало так: «Он получил аванс за свой роман и купил шикарную югославскую спальню» [14].

При брежневском режиме процветала специализированная отрасль спекуляций потребительскими товарами – фарцовка. Иностранные гости в СССР и «профессиональные» фарцовщики не обладали монополией на внерозничную торговлю импортными товарами. Они столкнулись с растущей конкуренцией не только со стороны официального импорта, объем которого увеличился с начала 1970-х гг., но и со стороны растущего числа советских граждан, выезжающих за границу либо на работу, либо в отпуск, которые нередко сдавали купленные там товары в комиссионные магазины. Случай с комиссионными магазинами показывает, как границы между легальными и нелегальными магазинами, законными и незаконными экономическими практиками существовали в позднем советском обществе. Использование комиссионки для продажи вещей, привезенных из-за рубежа с намерением заработать деньги, осуждалось властями, а информирование продавцами клиентов о таких поступлениях или удержание таких товаров считалось противозаконным. Западные товары, продающиеся на барахолках, становились атрибутами «преступников», которые не одобрялись обществом, но чья деятельность пользовалась большим спросом.

В журнале «Крокодил» приводится следующий рассказ потребителя: «У меня шесть пар обуви: одна пара импортная и пять пар отечественного производства. К импортной паре у меня никаких претензий нет. Зато остальные пять пар постоянно портят мне настроение. То вдруг в самое неподходящее время отвалится подошва, то вдруг вылезает гвоздь, то неожиданно оказывается, что прочные на вид, непотопляемые, словно современные ракетноносцы, осенние туфли начинают течь от попадания даже в самую незначительную лужицу [...] В чем же тогда выход? Наверное, в том, чтобы предприятие и морально, и материально было заинтересовано в выпуске высокопрочных, непотопляемых, непромокаемых, в конце концов, просто нормальных башмаков» [18].

Советская пресса формировала интерес граждан к зарубежной культуре. Периодические издания и средства массовой информации рассматривались властью в качестве каналов трансляции официальной идеологии. Журнал «Ровесник» строился на явных противопоставлениях и дихотомии «свой – чужой». Чаще всего сравнивалась

повседневная жизнь жителей США/Англии и СССР. Молодежь считалась особенно важной целью анти-потребительской риторики. Критика «нездоровой» озабоченности вещами – «вещизма», была ее неременной частью.

Нарративы о массовой культуре и нравах, о западном или «нездоровом» потреблении должны были разоблачать «истинные» цели капиталистического общества. Образ западной потребительской культуры противопоставлялся советской. В журнале «Ровесник», ориентированном на молодежь, разговоры о западном образе жизни строились вокруг массовой культуры – популярной музыки, комиксов и фильмов. Музыка и «популярные идолы» в понимании редакции журнала «Ровесник» служили инструментами экономической эксплуатации и влияния на политическую культуру молодежи: «Крупная буржуазия и ее идеологи пропагандируют теорию, согласно которой наша эпоха якобы проходит под знаком «конфликта поколений» борьбы между новым и старым поколениями. Цель этого – отвлечь молодых людей от борьбы против монополий». Западная молодежная культура противопоставлялась советской системе ценностей, в которой не должно было быть места конфликтам поколений. Конфликт поколений часто определяется как столкновение между материализмом и «старыми» духовными ценностями. Вещизм в прессе характеризовался не только как экономическая эксплуатация, но и с точки зрения бесполезности для молодежи потребляемого продукта, когда западные капиталисты «на одной только губной помаде с изображением Пресли заработали 45 миллионов долларов». [20] Это довольно типичная характеристик западного общества как «общества массового потребления». Его одержимость вещами трактовалась с точки зрения повреждения человеческих отношений и распространением других пороков – наркотиками, алкоголизмом и т.д. [10]

Начиная с середины 1970-х гг. журнал «Ровесник» меняет дискурс о потреблении в нейтральную сторону, в частности относительно западной поп-музыки, ранее бывшей главной целью журнальной критики. В новом десятилетии журнал откликается на запросы читателей, сожалеющих в своих письмах в редакцию о том, что публиковалось недостаточно материалов о музыкальных группах, популярных среди молодежи [21]. Частотность публикаций о потреблении снижается в несколько раз. Журнал становится более ориентированным на ожидания читателей.

Заключение

Советское потребление постоянно сталкивалось с проблемой разрыва между возрастающим повседневным спросом и нехваткой ассортимента. Потребительские практики, возникавшие на таком фоне, находят свое отражение в позднесоветском журнальном дискурсе. Газеты и популярные журналы были полны историй о конфликтах, подпитываемых потребительством, на страницах изданий формируется

идеологическая риторика о границах между западным и советским потреблением. Образы, связанные с недостатками советской экономики и системы торговли, становились частью публичного дискурса, что усиливало процессы коррозии позднесоветской идеологической системы.

Библиографический список

1. Ваша группа отстает... Подтянитесь! // Крокодил. 1974. № 12.
2. Мама хозяйственная, папа интеллигентный. Квартира просторная. Согласен, женюсь! // Крокодил. 1974. №10. С. 5.
3. Придется устроиться еще на полставки: ребенок вырос: потребностей у него стало больше...// Крокодил. 1974. №17.
4. Торговля – важное звено экономической политика партии // Советская торговля. 1981. № 4. С. 4–5.
5. Универсам, или Верблюды и угольное ушко // Крокодил. 1973. №2. С. 6.
6. *Самсин А.* Роль торговли в развитии социалистического образа жизни // Советская торговля. 1976. № 9. С. 38.
7. *Баринов Ю.* Ради жены // Крокодил. 1966. № 6. С. 2–3.
8. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М., 2006.
9. *Лопаткин В.* «Роль торговли в развитом социалистическом обществе» // Советская торговля. 1976. №3. С. 6–9.
10. *Рель В.* На краю «общества благосостояния» // Ровесник. 1970 г. №2. С. 24–25.
11. *Синютин В.* Проблемы моды // Советская торговля. 1972. №8. С. 55.
12. *Е. Груздеева, Э. Чертихина.* Женщина в общественном производстве// Советская торговля. 1976. №3. С. 31 – 34.
13. *Исакова. Е.* За спиной дефицита // Работница. 1981. № 2. С. 22.
14. Крокодил. 1976. № 8. С. 1.
15. *Орлова Л.* Равняться на спрос // Работница 1976. №5. С. 13.
16. *Николаев В. Г.* Советская очередь как среда обитания: социологический анализ. М., 2000.
17. *Перцев В. А.* Разработка и реализация в советском государстве концепции общества потребления в 1950–1960-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 110–113
18. *Поляков В.* Необыкновенное чудо // Крокодил. 1976. № 7. С. 7.
19. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Госполитиздат. 1961.
20. Ровесник. 1967. №5. С. 8–9.

21. Ровесник. 1980. №9. С. 28–29.

22. Грызанов Ю. Пятилетка, год пятый // Советская торговля. 1980. № 1. С. 2.

“INSTRUCTION FOR CONSUMPTION”: MEDIA DISCOURSE ABOUT LATE SOVIET CONSUMERISM

Fadeeva Anastasia Sergeevna

Perm State University, 15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia, fdvnsts@gmail.com

The article considers the space of Soviet periodicals in order to identify the specifics of consumer discourse. In connection with this goal, media discourse is considered as a field used as a way to create and maintain meanings and ideas related to the model of Soviet consumerism. On the example of soviet journals “Sovetskaia torgovlia”, “Rovesnik”, “Krokodil”, and “Rabotnitsa” showcase the deficit consumption strategies to be broadcast, the ways in which they are represented, and the images of everyday consumer practices.

Key words: consumption, Soviet press, everyday life, “defitsit”, consumer practices.

References

1. Vasha gruppa otstaet... Podtyanites, Krokodil. 1974. №12.
2. Mama hozyajstvennaya, papa intelligentnyj. Kvartira prostornaya. Soglasen zhenyus! // Krokodil. 1974. № 10. P. 5.
3. Pridetsya ustroit'sya eshche na polstavki: rebenok vyros: potrebnosti u nego stalo bol'she // Krokodil. 1974. № 17.
4. Torgovlia – vazhnoe zveno ekonomicheskoi politiki partii // Sovetskaia torgovlia. 1981. № 4. P. 4–5.
5. Universam, ili Verblyud i ugol'noe ushko // Krokodil. 1973. №2. P. 6.
6. Samsin A. Rol' torgovli v razvitii socialisticheskogo obraza zhizni // Sovetskaia torgovlia. 1976. № 9. P. 38.
7. Barinov Iu. Radi zheny' // Krokodil. 1966. № 6. P. 2–3.
8. Bodriyar Zh. Obshchestvo potrebleniya. Moscow. 2006.
9. Lopatkin V. Rol' torgovli v razvitom socialisticheskom obshchestve // Sovetskaia torgovlia. 1976. №3. P. 6–9.
10. Ryol' V. Na krayu «obshchestva blagosostoyaniya» // Rovesnik. 1970. № 2. P. 24–25.
11. Siniutin V. ‘Problemy mody’ // Sovetskaia torgovlia. 1972. № 8. P. 55.
12. Gruzdeeva E, Chertihina Eh. Zhenshchina v obshchestvennom proizvodstve // Sovetskaia torgovlia. 1976. №3. P. 31–34.
13. Isakova E. Za spinoj deficit // Rabotnitsa. 1981. № 2. P. 22.
14. Krokodil. 1976. № 8. P. 1.
15. Orlova L. ‘Ravniat'sia na spros’ // Rabotnitsa. 1975. № 5. P. 13.

16. *Nikolaev V. G.* Sovetskaya ochered' kak sreda obitaniya: sociologicheskii analiz. Moscow. 2000.
17. *Percev V. A.* Razrabotka i realizaciya v sovetskom gosudarstve koncepcii obshchestva potrebleniya v 1950-1960- e gg. // Obshchestvo filosofiya istoriya kultura. 2017. № 8. P. 110–113
18. *Polyakov. V.* Neobyknovennoe chudo // Krokodil. 1976.№ 7. P. 7.
19. Programma Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza. Moscow: Gospolitizdat, 1961.
20. Rovesnik. 1967. № 5. P. 8–9.
21. Rovesnik. 1980. № 9. P. 28–29.
22. *Gryzanov Iu.* 'Piatiletka, godpiaty' //Sovetskaiatorgovlia. 1980. № 1. P. 2.

ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

УДК 316.614

СЕРИАЛЫ КАК МЕХАНИЗМ ВТОРИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФЕМИНИЗМА И ПРАВ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Зеленина Анастасия Вячеславовна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15, nastya-210396@mail.ru

Молодежь представляется наиболее активным реципиентом, способным усваивать нормы, ценности, и она способна трансформировать политическое сознание, а также давать импульс направленности в развитии общества. Предметом данного исследования является влияние сериалов на формирование ценностей, норм и убеждений у молодежи, связанных с вопросом о феминизме и правах женщин. На примере проведенного социологического опроса было выявлено, что большинство респондентов присваивают сериалам чисто развлекательную функцию, не считая их эффективным инструментом для распространения идей о ценности прав женщин, однако выделяя социализирующую роль сериалов в целом. Кроме того, сериалы о феминизме и правах женщин не пользуются особой популярностью у опрошенных. Единственной подтвердившейся гипотезой является то, что появление феминизма в общественно-политической сфере предшествует актуализации данных вопросов в кинематографическом измерении.

Ключевые слова: политическая социализация, сериалы, молодежь, ценности постмодерна, феминизм, права женщин.

Многие исследователи давно отмечают связь политики и массовой культуры [8, 9, 16,17]. В этой области впоследствии появляется и сериал, как культурный продукт, предназначенный для массового потребителя. Существование сериалов положило начало новой главы в истории массовой культуры. Сериалы могут оказывать серьезное воздействие на зрителя, даже не затрагивая политических тем. Киноиндустрия имеет внешне развлекательный характер, но она представляется механизмом, воздействующим на массовое политическое сознание, выполняя функцию социализации и формирования общественного мнения [15]. Сериал также является таким инструментом, который может влиять на массовое политическое сознание. В той или иной мере любой сериал способствует формированию и поддержанию социализации, в том числе и политической [4].

Данная тема актуальна и в связи с тем, что многие исследователи в той или иной мере затрагивают вопросы о влиянии продуктов современного телевидения на массовое политическое сознание. Одни полагают, что киноиндустрия стала явлением, которое

способствовало процессам демократизации общества и консолидации его членов, интенсивному развитию социокультурной сферы в целом [2]. Другие утверждают, что создание и развитие кино и других форм экранной культуры спровоцировало масштабную деградацию и в сфере социальной коммуникации и социализации, и в других сферах жизни общества [2]. С помощью простых приемов кинематограф формирует те или иные социальные установки у молодежи, а формированию подвержено социокультурное пространство в целом [15]. Молодежь представляется наиболее активным реципиентом, способным усваивать нормы, ценности, и она способна трансформировать политическое сознание, а также давать импульс направленности в развитии общества [6].

Социализация является процессом становления и развития личности, проявляющимся в освоении и принятии ею образцов поведения, культурных и социальных ценностей, способствующих ее интеграции и существованию в данном обществе. Происходит описываемый процесс исключительно в тесном взаимодействии индивида с другими, не менее значимыми субъектами. Они интерпретируют различную информацию, поддерживая, таким образом, ретрансляцию между индивидом и окружающим миром. Интерпретация информации опирается на элементы социализации такие, как освоение языка, аппарата легитимации, мотивационных схем, моделей и образов поведения. Результатом первичной и вторичной социализации в определяемой концепции выступает формирование релевантной идентичности человека [3]. Сериалы являются одним из инструментов вторичной социализации, поскольку она представляет собой интернализацию институциональных или институционально обоснованных “подмиров”, поддающихся изменению. Следовательно, сериалы интернализируют институциональные представления и несут функцию объективации, формируя смысловые поля и семантические зоны, впоследствии усваиваемые молодежью.

Молодежь легко усваивает установки, транслируемые киноиндустрией, и некоторые исследователи отмечают функцию социализации молодого поколения, которая присуща современному киноискусству [15]. Кроме того, именно кинематограф стал играть важную роль в социализации молодежи в современной России, ввиду снижения значимости таких социальных агентов, как семья и система образования в 1990-е годы [11]. В подростковом возрасте возрастает влияние агентов вторичной социализации (при уменьшении роли агентов первичной, например, семьи), в частности, средств массовой коммуникации, в числе которых и сериалы [7].

В последнее время производится огромное количество российских и западных сериалов, в том числе, и таких, в которых затрагиваются проблемы женской дискриминации и феминизма [10]. В связи с поднимаемой в сериалах проблематикой, они могут являться важным механизмом социализации молодежи в вопросах отношения к правам женщин.

Социализация молодого поколения и усвоение вопроса о правах женщин находят отражение в концепции Р. Инглхарта. В работах этого социолога говорится о переходе к ценностям постмодерна, с его ориентацией на нематериальные ценности самовыражения, гарантии прав и свобод человека и т. д. Постматериалисты акцентируют внимание на качестве жизни, а не на экономической эффективности, поскольку постматериалистское общество, как правило, характеризуется высоким достатком. Согласно данной концепции, ценностные ориентации складываются в возрасте, предшествующем совершеннолетию. Поэтому при наличии такого фактора, как экономическая безопасность, среди молодого поколения приобретают значимость постматериальные ценности. Такое общество, по Инглхарту, характеризуется большей толерантностью и терпимостью, одобрительным отношением к феминизму, толерантностью к иммигрантам, терпимостью к сексуальным меньшинствам. Переход к такому порядку учений связывает, в первую очередь, с экономическими и культурными переменами [5].

Все выше сказанное делает актуальным вопрос о том, как сериалы влияют на политическую социализацию молодежи в современной России на примере восприятия феминизма и прав женщин. В поисках ответа был составлен следующий ряд гипотез:

1. Сериалы связаны с повышением ценности прав женщин у российской молодежи;
2. Большая осведомленность в области постмодернистских ценностей приводит к возникновению большего интереса к сериалам, затрагивающим проблематику феминизма;
3. Появление феминизма в общественно-политической сфере предшествует актуализации данных вопросов в кинематографическом измерении (в сериалах).

Методологической базой данного исследования является теория политической социализации П. Бергера и Т. Лукмана, позволяющая сделать выводы о процессе вторичной социализации [3]. Кроме того, используется теория постматериалистической политической культуры (в частности, теория межгенерационной перемены ценностей) Р. Инглхарта [5], позволяющая рассматривать усвоение постматериальных (в том числе и феминистских) ценностей молодежью.

Для решения поставленных задач применен следующий метод: опрос в форме анкетирования, выборка – возрастная (респонденты до 35 лет). Данный метод позволит проанализировать, каким образом сериалы воздействуют на политическое сознание и политическую социализацию молодежи и создают те или иные установки. В проводимом исследовании отмечается, что сериал может служить косвенным механизмом вторичной социализации, позволяющим усваивать ценности нецеленаправленно [3]. В опросе также

учитывается, какие именно ценности усваивает молодежь через сериалы, в каком возрасте, и как она относится к проблемам прав женщин в целом.

Согласно российскому законодательству молодежью являются лица от 14 до 30 лет включительно, но в некоторых странах верхняя граница молодежи поднята до 35 лет, и конференции ЮНЕСКО по вопросам молодежи поднимали вопрос об изменении границ этой когорты [14]. Согласно Распоряжению Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» «молодежь» – социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, – до 35 и более лет, имеющих постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом (граждане Российской Федерации и соотечественники [1]).

Опрос проводился среди молодежи в возрасте от 14 до 35 лет, всего было опрошено 114 человек. Респондентам было предложено ответить на 30 вопросов, связанных непосредственно с просмотром сериалов, восприятием феминизма как такового, а также с тем, насколько важно это явление в сериалах. Основным респондентом является молодежь от 19 до 23 лет (общий массив – 78 человек из 114). Для данного опроса используются зарубежные сериалы, поскольку 67% молодых людей в возрасте 18–35 лет являются их основной аудиторией, тогда как российские сериалы более популярны среди представителей старшего поколения [12].

Учитывался пол респондентов. 55 человек из выборки – мужчины, 59 – женщины. Стоит отметить, что особых различий в восприятии феминизма среди данных категорий не слишком много, но среди женщин чаще встречаются приверженцы феминизма, а среди мужчин больший процент давал ему негативные комментарии. Хотя нередко женщины негативно высказывались о феминизме, а мужчины его поддерживали.

Блок вопросов, касающихся непосредственно сериалов и исключаящий вопросы феминизма и прав женщин, показывает следующее. Во-первых, формат сериалов является предпочтительным методом досуга у молодежи. На вопрос «Как часто вы смотрите сериалы?» «каждый день» дали ответ 31,6% (36) респондентов, а вариант «несколько раз в неделю» указали 37,7% (43). Встречаются варианты ответа «как есть время», «редко» и др. Данный вопрос позволяет выяснить, как часто сериалы присутствуют в жизни молодых людей, и, следовательно, есть ли у сериалов возможность влиять на процесс социализации. Если сериал является важным элементом проведения ежедневного досуга, то это говорит о его большом

потенциале относительно возможности влияния на социализацию, поскольку фактор времени является одним из определяющих элементов воспитания (до 1990-х гг. формирование ценностных ориентаций происходило в условиях повседневного воздействия родителей и учебных учреждений на подростков) [11]. Рутинизация норм и практик, предполагающая постоянное воздействие, приводит к их институционализации [3].

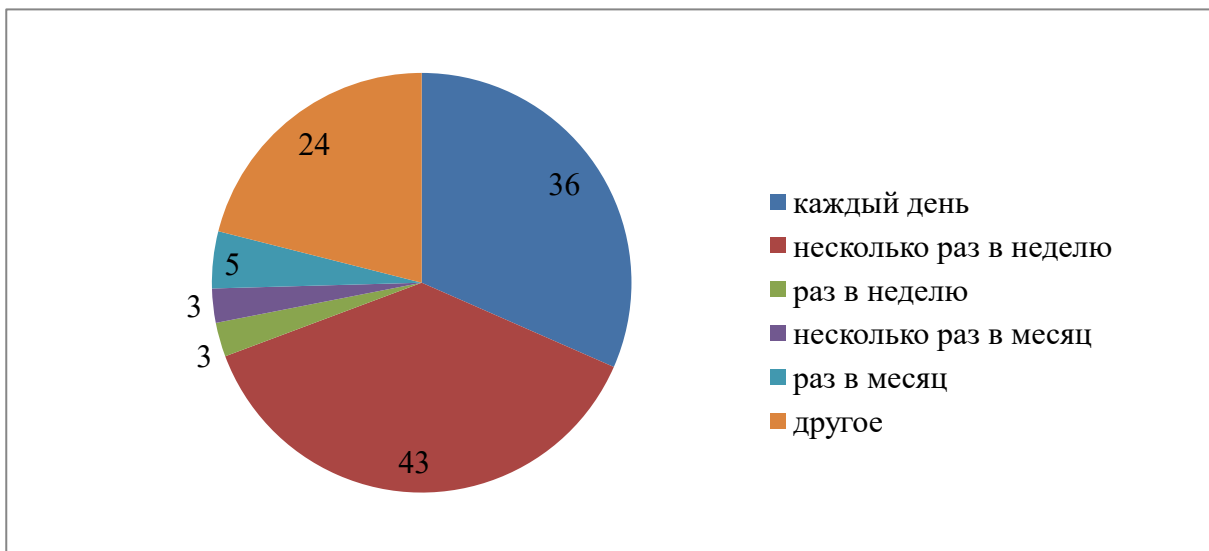

Рис. 1. Вопрос 2. «Как часто вы смотрите сериалы?»

На вопрос «С какого возраста смотрите сериалы?» однозначного ответа нет. Большинство респондентов ответили, что с 14–16 лет, но встречаются варианты от 3-х до 19-ти лет включительно. Иначе говоря, сериалы респонденты начинали смотреть примерно с подросткового возраста. Эти данные можно соотнести с предыдущим вопросом в том, что молодежь является активным потребителем сериалов, поскольку 69,3% (79) респондентов смотрят сериалы часто (см. вопрос №2), и начинают в основном с 14–16 лет, что приходится как раз на подростковый возраст, когда социализация происходит наиболее активно. Это подтверждает тезис о том, что в этом возрасте возрастает влияние агентов вторичной политической социализации, в том числе средств массовой коммуникации [7].

На вопрос «Какую цель вы преследуете при просмотре сериала?» более трети респондентов (45 человек или 39,5%) отметили вариант «развлечение», чуть меньше, 21,9% (25) ответили – «провести свободное время» и 16,7% (19) – «получение эмоций, недостающих в жизни». Гораздо меньшее число респондентов указали на сериал как на способ получения новой информации – 4,4% (5) или средство духовного удовлетворения – 7% (8). Вопрос 6 свидетельствует о том, что для большинства респондентов развлекательная функция сериала выступает основной (акцентируется внимание на визуальных эффектах сериала и его сюжете). Но при этом часть респондентов указывают на духовную составляющую, а также отмечают пункт о сериалах как носителях гуманистических ценностей. Это подтверждает тезис о том, что вторичная политическая социализация происходит не целенаправленно, а с помощью

косвенных каналов [3]. Культура является инструментом, при помощи которого происходит постепенный переход к признанию ценностей постмодерна [5].

Рис. 2. Вопрос 6. «Какую цель Вы преследуете при просмотре сериала?»

«Какие ценности и ориентации Вы усваиваете при просмотре сериалов?» – здесь разброс мнений еще шире, нежели в предыдущих вопросах. В качестве наиболее распространенных вариантов, не сумев определить что-то одно, в вопросе с множественным ответом респонденты отметили сразу 6 пунктов. Наиболее популярным вариантом стал ответ «Интерес к общечеловеческим проблемам», который выбрали 52,6% (60). Следом идет «Стремление к интеллектуальному развитию», выбранное 50,9% (58) респондентов. «Уважение прав, достоинства и свобод других людей» выбрали 47,4% (54). 40,4% (46) поставили в качестве значимого «Гуманное отношение к людям». «Уважительное отношение к семье» и «Толерантность» выбрали 36,8% (42) и 34,2% (39) респондентов соответственно. Важно отметить, что, в отличие от предыдущего вопроса, респонденты фактически не использовали вариант «другое», что может свидетельствовать о том, что список ценностей является исчерпывающим и значимым для респондентов. Вопрос позволяет утвердиться в значимости влияния агентов вторичной политической социализации [7], а также отметить, что нематериальные постмодернистские ценности (толерантность, уважение к меньшинствам, равноправие женщин и т.д.) становятся ключевыми и актуализируются посредством культуры [5].

Рис. 3. Вопрос 11. «Какие ценности и ориентации Вы усваиваете при просмотре сериалов?»

56 (49%) респондентов отмечают, что стали усваивать ценности постмодерна в возрасте 12 – 16 лет, примерно в том же возрасте, когда начали смотреть сериалы (встречаются и более «ранние» (с рождения) и «поздние» (20 лет) варианты). Ни один респондент не отметил, что даже не начал их усваивать или не усвоил. Изменения в базовых ценностях тесно переплетены с изменением поколений [5], можно предположить, что ценности постмодерна более легко воспринимаются и усваиваются молодежью.

Ответы на вопрос о том, откуда респонденты узнали о таком явлении, как феминизм, свидетельствует, что основным источником информации служит общественно-политическая сфера (отметили 47,4% (54) респондентов). Кино, сериалы отметили 26,3% (30) или более четверти опрошенных. Значимость ценностей постмодерна для ряда респондентов – зрителей телесериалов прослеживается по ответам на вопрос № 11: они отметили толерантность и другие постмодернистские ценности [5]. С помощью косвенных механизмов – средств массовой коммуникации – происходит вторичная политическая социализация [3].

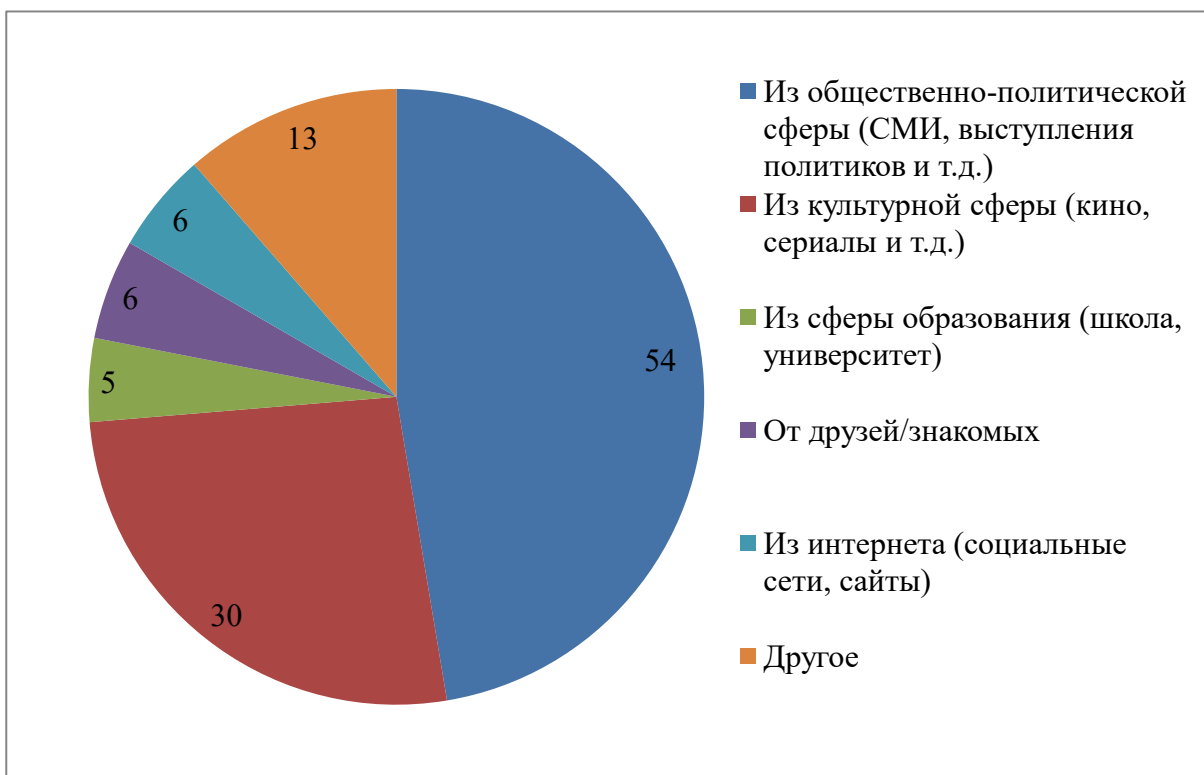

Рис. 4. Вопрос 14 «Откуда Вы впервые узнали о феминизме?»

На вопрос «Оказали ли влияние сериалы на изменение Вашего отношения к феминизму и правам женщин? Если да, то какое?» 92 респондента (80,7%) дали ответ «Нет» или «Никак не оказали». Это говорит о том, что в целом восприятие данной проблематики не зависит от сериалов и не связано с ними. Изменения отношения у большинства респондентов нет, следовательно, и сериалы не оказали на это влияния. Кроме того, вопрос № 6 уже позволил отметить, что большинство респондентов использует сериал как средство развлечения, а значит, для них сериал не выступает в качестве аттрактора. Но вопрос № 11 продемонстрировал интерес к общечеловеческим проблемам и важность для большинства респондентов идей толерантности. Это снова подтверждает взгляд на то, что вторичная политическая социализация происходит посредством косвенного воздействия. Вторичная политическая социализация имеет более «искусственный» характер, чем первичная. Именно поэтому интернализации, приобретенные в процессе вторичной политической социализации, восприимчивы к изменениям и через другие каналы [3].

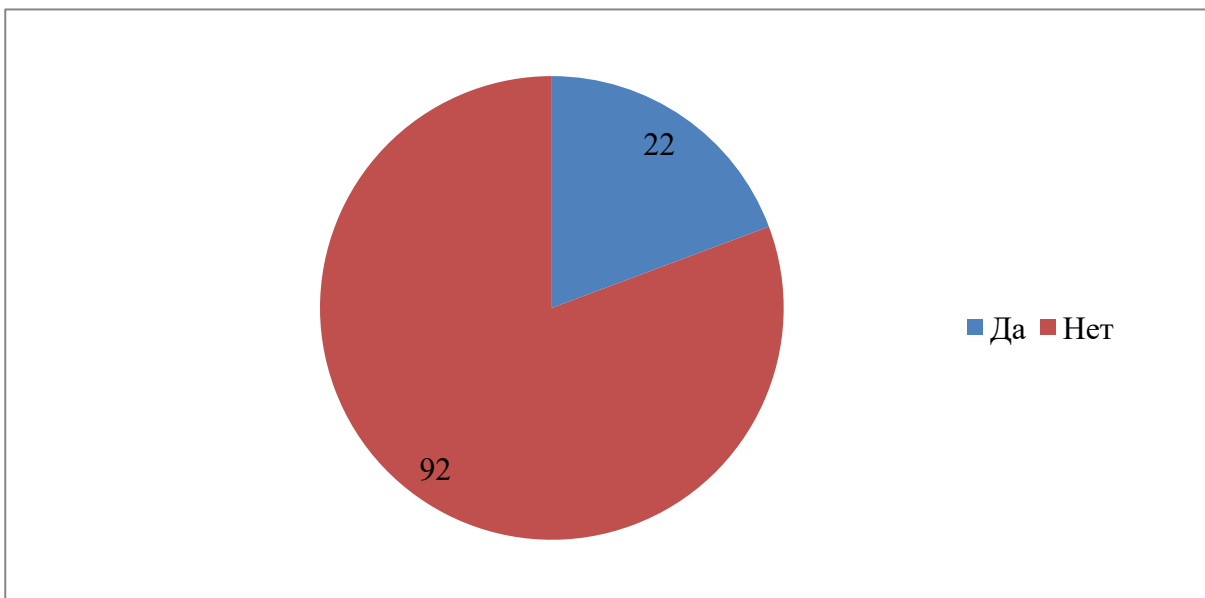

Рис. 5. Вопрос 17 «Оказали ли влияние сериалы на изменение Вашего отношения к феминизму и правам женщин?»

«Считаете ли вы тему феминизма важной для отражения в сериалах?». Мнения по поводу этого вопроса разделились почти поровну, хотя 53,5% (61) респондентов ответили «Нет». Вопросы 17 и 18 позволяют проверить высказанную гипотезу – сериалы сами по себе не связаны с повышением ценности прав женщин среди молодежи, но косвенное, неосознанное усвоение этих взглядов происходит [3]. В частности, в подростковом возрасте, в 14 – 16 лет (вопрос 3).

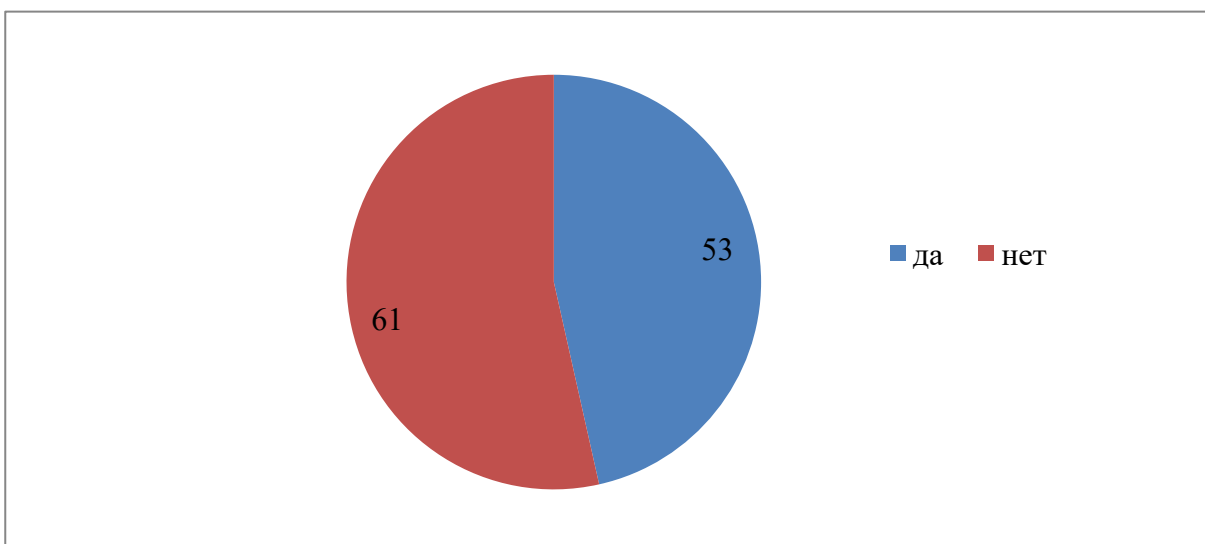

Рис. 6. Вопрос 18 «Считаете ли Вы тему феминизма важной для отражения в сериалах и кино?»
Подводя итог, соотнесем результаты исследования с ранее высказанными гипотезами.

Во-первых, сериалы связаны с повышением ценности прав женщин среди молодежи. Несмотря на то, что сама тема феминизма и прав женщин востребована и понятна респондентам, сериалы воплощают для них исключительно развлекательную функцию. Абсолютное большинство респондентов не считает, что сериал является предпочтительным

методом получения информации о правах женщин. Значительная часть респондентов считает, что в целом отражение в сериалах данной темы нецелесообразно, однако для 47% респондентов эта тема в сериалах вполне допустима.

Во-вторых, осведомленность молодежи в вопросах постмодернистских ценностей пробуждает интерес к сериалам, затрагивающим проблематику феминизма. Эта гипотеза также не подтвердилась, поскольку, несмотря на то, что ценности были усвоены респондентами в 12–16 лет, сериалы, в которых затрагиваются темы прав женщин, российская молодежь не смотрит. Однако около трети респондентов демонстрируют понимание ситуаций в сериалах, касающихся проблем дискриминации женщин.

В-третьих, появление проблематики феминизма в общественно-политической сфере предшествует актуализации данных вопросов в сериалах. Эта гипотеза подтверждается: более 47% респондентов отметили, что получали первичное знание о феминизме из СМИ и выступлений политиков.

Несмотря на противоречивость результатов, можно отметить, что сериалы, как часть средств массовой коммуникации, оказывают влияние на процессы вторичной социализации [7], [11]. Респонденты (26%) отмечали культурную сферу (закодированную в опросе как «сериалы и кино») в качестве источника информации о постмодернистских ценностях, о правах женщин, и получали они ее, в основном, в подростковом возрасте (12–16 лет). Более 90% респондентов разделяют названные ценности, но на данный момент большинство из них не признают влияния сериалов на их социализацию. С учетом того, что сериалы респонденты начали смотреть чуть позже, чем усваивать ценности постмодерна – с 14–16 лет, можно сделать вывод, что влияние сериалов на социализацию, есть, но оно ощущается с чуть позднее. Это можно объяснить тем, что вторичная политическая социализация в данном случае происходит за счет косвенного воздействия СМК [3].

На примере проведенного исследования было выявлено, что большинство респондентов присваивают сериалам чисто развлекательную функцию, не считая их эффективным инструментом для распространения идей о ценности прав женщин, но выделяют социализирующую роль сериалов в целом. Сериалы о феминизме и правах женщин не пользуются особой популярностью у опрошиваемых. Единственной подтвердившейся гипотезой является предположение о том, что появление феминизма в общественно-политической сфере предшествует актуализации данных вопросов в кинематографическом измерении.

Сериалы являются лишь частью СМК, абсолютизировать их воздействие на политическую социализацию российской молодежи не стоит, поскольку есть и другие механизмы социализации. Сами сериалы могут быть не только средством производства

социальных образцов и норм поведения, но лишь отражением социальных процессов и уже усвоенных ценностей. Они могут показывать то, что было уже усвоено молодежью в раннем возрасте (у данных респондентов – с 12 лет). Это подтверждается не только данным, но и рядом других исследований, показывающих двойственность сериалов: они одновременно просто отражают происходящие в обществе изменения и помогают в усвоении ценностей [12], [13].

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (дата обращения: 2.05.2018).
2. *Ажимова Л. В.* Место кино в системе средств социальной коммуникации. // *Философские исследования.* 2012. С. 170–191.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323с.
4. *Браун М. Е.* Мыльные оперы и женская болтовня. SagePublications, 1994.
5. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. URL: http://www.polisportal.ru/files/File/publication/Starie_publicacii_Polisa/I/1997-4-2-Ingleheart_Postmodern.pdf (дата обращения: 29.04.2018).
6. *Кушхова К. А., Шогенова Ф. З.* Ценностные ориентации современной молодежи: особенности и тенденции. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=18253> (дата обращения: 27.04.2018).
7. *Лапишин В. А.* Политическая социализация молодежи. URL: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/youth/126-politicheskaya-soc.html> (дата обращения: 07.05.2018).
8. *Маклюэн М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. URL: https://royallib.com/book/heyzinga_yohan/v_teni_zavtrashnego_dnya.html (дата обращения: 30.04.2018).
9. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства. URL: <https://fil.wikireading.ru/81638> (дата обращения: 30.04.2018)
10. *Павлов А. В.* Стратегии феминизма на больших экранах. URL: <https://id.hse.ru/data/2015/04/21/1105961569/Павлов-текст1.pdf> (дата обращения: 25.04.2018).

11. *Полуэхтова И. А.* Американские фильмы как фактор социализации молодежи в России 90-х годов. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/642/680/1219/003.POLUEKHTOVA.pdf> (дата обращения: 19.04.2018).
12. *Пономарев Д. А.* Зарубежный сериал как социокультурный феномен. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32483/1/klo_2015_55.pdf (дата обращения: 11.06.2018)
13. *Попова Л. О., Ромах О. В.* Феномен телевизионных сериалов в современной массовой культуре. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/fenomen-televizionnyh-serialov-v-sovremennoy-massovoy-kulture-1> (дата обращения: 11.06.2018).
14. *Радченко А. Ф.* Молодежь и ее возрастные границы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/molodezh-i-ee-vozzrastnye-granitsy> (дата обращения: 2.05.2018)
15. *Резаков Я. О.* Кино как инструмент социализации современной молодежи в эпоху глобализма. URL: http://essuir.sumdu.edu.ua/bitstream/123456789/30651/1/Rezakov_Kino.pdf (дата обращения: 2.05.2018)
16. *Хёйзинга Й.* Homo ludens. Человек играющий. URL: <http://mymap-life.ru/wp-content/uploads/2013/09/Йохан-Хёйзинга---Человек-играющий.pdf> (дата обращения: 30.04.2018).
17. *Хёйзинга Й.* В тени завтрашнего дня. URL: https://royallib.com/book/heyzinga_yohan/v_teni_zavtrashnego_dnya.html (дата обращения: 30.04.2018)

SERIALS AS A MECHANISM OF SECONDARY POLITICAL SOCIALIZATION WITHIN THE CONTEXT OF FEMINISM AND WOMEN'S RIGHTS IN MODERN RUSSIA

Zelenina Anastasia Vyacheslavovna

Perm State University, 15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia, nastya-210396@mail.ru

Youth is the most active recipient is able to internalize the norms, values, and it is able to transform political consciousness, and also give a boost of focus in the development of society. The subject of this study is the impact of series on the formation of values, norms and beliefs among young people related to the issue of feminism and women's rights. On the example of the conducted sociological survey it was revealed that the majority of respondents assign a purely entertaining function to the TV series, not considering them an effective tool for the dissemination of ideas about the value of women's rights, but highlighting the socializing role of the series as a whole. In addition, the series about feminism and women's rights are not very popular among respondents. The only confirmed hypothesis is that the emergence of feminism in the socio-political sphere precedes the actualization of these issues in the cinematic dimension.

Key words: Political socialization, serials, youth, postmodern values, feminism, women's rights.

References

1. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.11.2014 N 2403-r "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj molodezhnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda".URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (date accessed: 2.05.2018)
2. *Azhimova L. V.* Mesto kino v sisteme sredstv social'noj kommunikacii. // *Filosofskie issledovaniya*. 2012. P. 170–191.
3. *Berger P., Lukman T.* Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. M.: Medium. 1995. 323 p.
4. *Braun M. E.* Myl'nye opery i zhenskaya boltovnnya. SagePublications. 1994.
5. *Inglhart R.* Postmodern: menyayushchiesya cennosti i izmenyayushchiesya obshchestva. URL: http://www.polisportal.ru/files/File/pubvlication/Starie_publicacii_Polisa/I/1997-4-2-Ingleheart_Postmodern.pdf (date accessed: 29.04.2018).
6. *Kushkhova K. A., Shogenova F. Z.* Cennostnye orientacii sovremennoj molodezhi: osobennosti i tendencii. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=18253> (date accessed: 27.04.2018).
7. *Lapshin V. A.* Politicheskaya socializaciya molodezhi. URL: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/youth/126-politicheskaya-soc.html> (date accessed: 7.05.2018)
8. *Maklyuen M.* Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka. URL: https://royallib.com/book/heyzinga_yohan/v_teni_zavtrashnego_dnya.html (date accessed: 30.04.2018).
9. *Ortega-i-Gasset H.* Degumanizaciya iskusstva. URL: <https://fil.wikireading.ru/81638> (date accessed: 30.04.2018).
10. *Pavlov A. V.* Strategii feminizma na bol'shikh ekranah. URL: <https://id.hse.ru/data/2015/04/21/1105961569/Pavlov-tekst1.pdf> (date accessed: 25.04.2018).
11. *Poluekhtova I. A.* Amerikanskije fil'my kak faktor socializacii molodezhi v Rossii 90-h godov. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/642/680/1219/003.POLUEKHTOVA.pdf> (date accessed: 19.04.2018).
12. *Ponomarev D. A.* Zarubezhnyj serial kak sociokul'turnyj fenomen. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32483/1/klo_2015_55.pdf (date accessed: 11.06.2018).
13. *Popova L. O., Romah O. V.* Fenomen televizionnyh serialov v sovremennoj massovoj kul'ture. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/fenomen-televizionnyh-serialov-v-sovremennoj-massovoy-kulture-1> (date accessed: 11.06.2018).
14. *Radchenko A. F.* Molodezh' i ee vozrastnye granicy. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/molodezh-i-ee-vozrastnye-granitsy> (date accessed: 02.05.2018).

15. *Rezakov Ya.* O. Kino kak instrument socializacii sovremennoj molodezhi v epohu globalizma. URL: http://essuir.sumdu.edu.ua/bitstream/123456789/30651/1/Rezakov_Kino.pdf (date accessed: 2.05.2018).
16. *Hyojzinga J.* Homo ludens. Chelovek igrayushchij. URL: <http://mymap-life.ru/wp-content/uploads/2013/09/Johan-Hyojzinga---Chelovek-igrayushchij.pdf> (date accessed: 30.04.2018).
17. *Hyojzinga J.* Vteni zavtrashnego dnya. URL: https://royallib.com/book/heyzinga_yohan/v_teni_zavtrashnego_dnya.html (date accessed: 30.04.2018).

**ФЕНОМЕН ТЕРИАНТРОПОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
ЗООАНТРОПОМОРФНЫХ СУБКУЛЬТУР:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И СУЩНОСТЬ ЯВЛЕНИЯ**

Федоровский Павел Павлович

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15, Frid_Fedorovsky@mail.ru

Среди современных субкультурных образований особое место занимают те, что базируются на «зооантропоморфизме», то есть на приписывании животным черт человека и/или сочетании их черт. Это субкультуры фурри, териантропы, «азеркины» и т.д. В статье анализируется субкультура териантропов, приводится её характеристика, дается краткая историческая справка, описывается её положение в современной России. Производится выявление различий между териантропами, фурри и «азеркинами».

Ключевые слова: неототемизм, зооморфизм, субкультура, териантропы, фурри, азеркины, фенотип.

С момента своего появления в середине XX в. феномен молодёжной субкультуры получил значительное развитие в виде широкого многообразия форм. Закономерным следствием процесса эволюции субкультурных образований стали попытки создать единую классификацию, вариантов которых на сегодняшний момент насчитывается уже более десятка [1].

В частности, типология Т. Латышевой [2, с. 96] выделяет субкультурные направления «металл», «dark-культура», «альтернатива» и «гламур». Основанием для данной классификации служат два критерия – гендерная принадлежность и главный системообразующий признак.

Однако рассматриваемая классификация не является полной. В современном спектре субкультурных образований обособленно представлены те из них, объединяющей чертой которых является наличие «зооантропоморфного» аспекта, т.е. сочетания черт человека и животного в творчестве или любой иной сфере. Речь идёт в первую очередь о фурри (от англ. *Furry* – пушистый, покрытый мехом), «азеркинах» (или «озеркинах» / «иных») (от англ. *Other* – другой, *Kin* – род), к которым можно отнести драконов, вервольфов и вампиров, а также о териантропах. Каждая из перечисленных субкультур так или иначе связана либо с ощущением человеком себя «зверем» или животным, либо с увлечением творчеством, в ходе которого создаются произведения с зооантропоморфными существами в главной роли (фурри-арт, фурсыюты, фанфикшены и т.д.). Предметом рассмотрения в настоящей статье

являются териантропы (иначе терианы, терри), как представители одной из наименее изученных в настоящий момент в отечественной историографии субкультур.

Публикации о них малочисленны. Внимание териантропам уделяет в своём исследовании А. Арнаутова, где терианы рассматриваются в качестве видовой субкультуры (вместе с «собственно пушистыми» и «ворофилами») относительно родового явления фурри, а также приводится их общее описание [3, с. 35]. Упоминания о них содержатся в работах И. Храмовой [4, с. 183], В. Коровушкина [5, с. 84].

Прежде чем перейти непосредственно к анализу субкультуры териантропов, целесообразно раскрыть сущность их наименования. Так «териантропия» (от греч. *θηρίον* – *зверь*, и *ἄνθρωπος* – *человек*) в самом широком смысле понимается как возможность человека превращаться в животное, иными словами, выступает синонимом слова «оборотничество» (также «ликантропия»). Однако в данном случае (для представителей одноимённой субкультуры) под «териантропией» следует понимать «бытие зверем», то есть образ жизни, который предполагает ощущение близости человека к тому или иному животному или полную ассоциацию себя с этим животным [6]. Это обстоятельство роднит териантропов с рядом других субкультур, также отличающихся видоизменённым мироощущением – «азеркинами» (к которым в том числе относят и териантропов, по крайней мере, составители тематического интернет-ресурса фурри «WikiFur» [7]), к которым относят вампиров, драконов, эльфов, оборотней и др. [8]

Рассматриваемое значение термин «териантропия» приобрёл в начале 1990-х гг.в, когда 16 ноября 1992 г. в компьютерной сети Usenet была сформирована группа «alt.horror.werewolves», считающаяся отправной точкой для истории формирования субкультуры. Группа была создана как площадка для обсуждения оборотней в культуре (кинематограф, фольклор и др.), «физическом» и «духовном» аспекте «териоморфов» и их философии в повседневной жизни, однако, судя по всему, переросла в нечто большее. Так один из авторов группы приводит описание «сознания волка» (в оригинале – «MindofaWolf»), акцентируя внимание на том, что физическое перевоплощение в оборотня скорее всего невозможно, а также отмечает, что для «оборотней» их восприятие себя «зверем» не игра, а реальный факт [9].

Важно подчеркнуть, что фурри самостоятельно заявляют о себе примерно в тот же временной промежуток [10, с. 105]. Что позволяет сделать вывод о том, что териантропы являются автономным субкультурным образованием, а не производным от фурри.

Вопрос о том, когда териантропы появляются в России, на сегодняшний момент остается дискуссионным. Сложность определения точки отсчёта заключается в дифференцированности сообщества, наличии нескольких отдельных групп, не связанных

друг с другом. Поскольку социальное взаимодействие представителей териантропов происходит, главным образом, в ресурсах сети Интернет (в том числе через социальные сети) и крупных ежегодных мероприятий / встреч. Одни из таких встреч – «Восьмая луна» (проходит на восьмую полную луну каждого года, однако какого-то сакрального смысла эта дата в себе не несёт [11]) и «Вой». Дату зарождения субкультуры в России имеет смысл определять по времени создания тематических сайтов и форумов. Условно можно выделить три вероятные даты: 2003 г. – начало работ над тематическим сайтом therianthropy.ru; 3 мая 2004 г. – появление в рамках интернет-платформы LiveJournal сообщества «RussianTheriansinLJ» [12]; 2002 г.– обособление териантропов от фурри (MoonWanderer) [13].

Разрозненный и отчасти закрытый характер социума териантропов создаёт трудности не только при установлении времени их возникновения как сообщества, но и при определении половозрастного состава и численности участников. Потому ограничимся общим описанием, которое можно дать на основании анализа списка пользователей и разделов форума «Пуща» и сайта therianthropy.ru на момент обращения. Так возраст участников форума «Пуща» варьируется от 17 до 36 лет, количество зарегистрированных аккаунтов на форуме 84 [14]. В случае с сайтом therianthropy.ru определить возрастные рамки не представляется возможным (если верить администраторам сайта, на форуме присутствуют, в основном, «звери среднего и старшего возраста»), а количество аккаунтов на момент обращения составляет 12 [13]. Можно предположить, что териантропы в России по своей численности существенно уступают фурри – основанием для гипотезы служит озвученная численность пользователей форумов, количество массовых мероприятий и информации о субкультуре в открытых русскоязычных источниках.

Та же особенность обусловила специфику субкультуры – отсутствие как таковых канонів и единой позиции по вопросу о том, кого считать терианом: «Соберите вместе десять териан, и вы получите одиннадцать определений териантропии» [6]. Разнятся и отношение отдельных групп к фурри, другим «азеркинам», териантропам и посторонним лицам, не являющимся териантропами вообще. Например, официальная позиция therianthropy.ru к перечисленным группам характеризуется цитатой пользователя MoonWanderer («пушистые» / «нео-хиппи» здесь – фурри): «На Западе териантропия около 10-и лет существовала параллельно пушистости, пока не начался период упадка нео-хиппи. Тогда пушистые ринулись к териантропам ..., а те, по доброте душевной, приняли их. В итоге териантропия там сейчас представляет собой еще один вариант обычной пушистой тусовки, а настоящих зверей уже давно не видно и не слышно. В России сейчас происходит то же самое. И произойдет в итоге, это неизбежно. Но в этом месте этого не произойдет. Именно

поэтому закрытость от всех остальных, кроме териантропов и жесткие меры. Должно же хоть одно место остаться, куда смогут приходить звери, когда придет черед, в свое время, стыдно называться териантропом?» [13] Противоположная ситуация на форуме «Пуща» – наименование интернет-ресурса является подтверждением этому факту. Той же позиции придерживаются и создатели форума одного из немногих мероприятий / встреч териантропов «Восьмая луна», куда допуск разрешён всем желающим [11].

Несмотря на многообразие групп, териантропы, как и любое субкультурное образование, в своей основе имеет несколько общих признаков, ключевым из которых является идея фенотипа (также «териотипа») или «териостороны» (от англ. *therioside*). Териотип, по словам А. Арнаутовой, это вид животного, с которым ассоциирует себя териантроп как физически, так и психически [3, с. 35]. Определение тематического сайта сообщества вампиров подтверждает эту позицию: «Тип териантропа/озеркин, с которым он отождествляет себя, обычно это вид или группа видов» [15]. Тот же самый смысл вкладывается в понятие «териостороны» пользователями крупного англоязычного форума териантропов «TheWerelist» [16]. Стоит отметить, что наличие фенотипа не является абсолютно уникальной чертой териан, оно присуще и «азеркинам» с той лишь разницей, что для териантропов важно животное начало (это ограничивает круг вероятных фенотипов), и не имеет значения, с каким животным они себя ассоциируют. «Териотип», по сути, является главной отличительной чертой териантропов по отношению к фурри.

Хотя фурри имеют сходную по содержанию идею «фурсоны» («Личный персонаж» [17], в которой А. Агасян выделяет «духовность» [18], её психический аспект), отождествлять «фурсону» с «териотипом» не вполне корректно. Терианы вкладывают в свой «териотип» несколько иной смысл, они воспринимают себя как «животных, запертых в теле человека» [19]. В качестве иллюстрации можно привести слова териана BalamFelis (авторская орфография и пунктуация сохранены): «Мы отличаемся от фуррей тем, что мы неосознано являемся другими. Я узнал о себе, когда мне несколько дней подряд снился один и тот же сон, в нем за мной бежал оборотень, но когда он подходил ближе, он менялся, становился человеком, который хотел что-то сказать мне» [6]. Вот что об этом же сказано на theriantrophy.ru: «Мы — разумные звери в человеческих телах. Жуткая ошибка Природы, которая поместила нас в чуждые нам тела и чуждый нам мир, но при этом дала нам всю мощь человеческого интеллекта» [13]. Подобные идеи можно проследить и у других «азеркинов» (яркий тому пример – «драконность» [20]). Стоит, тем не менее, обратить внимание на то, что «фурри-лайфстайлеры» (представители субкультуры фурри, которые «проявляют звериные черты в бытовой сфере», т.е. переносят свою «фурсону» в реальный

мир [3, с. 37]) в этом отношении могут быть довольно близки к териантропам, хотя в их поведении, вероятно, превалирует характер игры.

Некоторые объединения териантропов не считают себя субкультурой, стремятся дистанцироваться от других групп [13]. Для ответа на вопрос, являются ли современные терианы субкультурным образованием, необходимо уточнить, что понимается под понятием «субкультура». А. Арнаутова определяет ее как особую устойчивую социально-культурную и духовную форму существования социума, отражающую его обособление от системы ценностей традиционной культуры. Она же приводит три подхода к изучению субкультур: 1) «антрополого–социологический», 2) типологический и 3) аксиологический [3, с. 34]. Иными словами, «субкультура» – это такая форма культуры, которая существует внутри господствующей культуры, но видоизменяет или дополняет её. С этой точки зрения териантропы субкультурой являются, поскольку представляют из себя социальную общность, характеризующуюся единым мировоззрением, восприятием себя, обладающую некоторыми общими моделями поведения (копирование части элементов поведения животных [14] и другие действия [3, с. 37]) и социолектом.

Что касается социолекта, помимо «териотипа» важное место в жизни териантропов занимает термин «шифтинг» (от англ. *Shifting–смещение*). «Шифтинг» представляет из себя медитативную практику или психотехнику, позволяющую терианам почувствовать себя своей «териостороной» [13]. Под самим «шифтом» понимается изменённое состояние, когда териан максимально приближен к своему «териотипу» [14]. Также встречаются упоминания о «пробуждении» [15] и «шейпшифтинге» [3, с. 35]. Последнее является гипотетической возможностью изменения формы собственного тела, однако вероятность осуществления подобной практики некоторыми териантропам ставится под сомнение.

Отрицается представителями субкультуры и связь с тотемизмом [13], о которой в контексте фурри упоминают в своих работах А. Агасян [18, с. 87], А. Арнаутова [3, с. 35] и А. Чубур. Последний из упомянутых авторов проводит параллель между архаичными тотемистическими культами и современными фурри и делает вывод: «Приблизительно такова самоидентификация многих фурри, воспринимающих себя одновременно и человеком, и животным определённой видовой принадлежности. Самоидентификация ведёт к изменению восприятия окружающего мира или такое изменение восприятия приводит к самоидентификации – для нас не суть важно» [10, с. 113]. В случае с фурри мы имеем дело скорее с «неототемизмом» [21] («неототем» – характерный образ животного, растения или фантастического существа, осознанно избираемый индивидуумом или коллективом для символической презентации себя в публичном пространстве или в рамках определённой

субкультуры), а териантропы, учитывая их отношение к собственному «териотипу», являются примером «тотемизма».

Таким образом, териантропы представляют из себя современную российскую субкультуру, сформированную вокруг идеи «териотипа», включающую «зооантропоморфный аспект». Носители данной субкультуры воспринимают себя «животными в теле человека», что находит отражение в их восприятии мира и может выражаться в специфических моделях поведения. Представители териантропов обладают собственным социолектом, своими ресурсами сети Интернет, мероприятиями–встречами «Восьмая луна» и «Вой», однако они крайне малочисленны, неоднородны и разобщены, о чем свидетельствует большое количество обособленных групп.

Если сравнивать териантропов с другими «зооантропоморфными» субкультурами, то основной отличительной чертой териантропов по отношению к фурри является отсутствие игровой составляющей в понятии «териотипа», а также более жёсткая система ценностей и более строгий подход к отделению «своих от чужих», и, соответственно, к принятию новых участников в ряды своего социума. В случае с «азеркинами» ключевое различие заключается в спектре существующих типажей фенотипов.

Библиографический список

1. Волкова В. В. Типология субкультур общества: критерии и подходы // Вестник Костромского государственного университета. 2013. № 6. С. 166–168.
2. Латышева Т. В. Феномен молодежной субкультуры: сущность и типы // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 93–101.
3. Арнаутова А. Ф. Место субкультуры «фурри» в системе субкультурных образований // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Самара. 2013. С. 32–38.
4. Храмова М. Н. Метаморфозы зооморфных образов в массовой культуре: образ животного и проблема идентификации в молодёжных субкультурах // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. СПб., 2017. С. 177–190.
5. Коровушкин В. П. О субкультуrolингвистике / лингвосубкультурологии // Череповецкие научные чтения. Череповец, 2014. С. 81–85.
6. WikiFur. Териантропия. URL: <https://ru.wikifur.com/wiki/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%8F> (датаобращения: 24.03.2019).
7. WikiFur. Иность. URL: <http://ru.wikifur.com/wiki> (дата обращения: 13.03.2019)

8. *Otherkin.Net*. Harmony and discord. URL: <https://www.otherkin.net/2016/09/what-are-otherkin/> (дата обращения: 24.03.2019).
9. Alt.horror.werewolves.Part 1.URL: <http://www.firelion.org/raven/ahwwfaq/ahwwfaq01.html#part1> (дата обращения: 24.03.2019)
10. Чубур А. А.К вопросу о феномене субкультуры фурри // Folk-Art-Net: Новые горизонты творчества. От традиции к виртуальности. М., 2007. С. 105–116.
11. Восьмая луна – ежегодная встреча териантропов.URL: <http://feralmoon.ru/index.php?action=recent;start=0> (дата обращения: 24.03.2019).
12. *Livejournal*. Russian Therians in LJ. URL: <https://therianthropyru.livejournal.com/> (дата обращения: 24.03.2019).
13. Териантропия.URL: <http://www.therianthropy.ru/> (дата обращения: 24.03.2019)
14. Пуща. Белорусский форум териантропов, оборотней, фуррей etc. URL: <http://odinsforest.4bb.ru/> (дата обращения: 24.03.2019)
15. VampireCommunity. Что такое Териантропия? URL: https://vampirecommunity.ru/a226_what_is_therianthropy.html (дата обращения: 24.03.2019)
16. The Werelist. A Thereanthrope community resource. URL: <http://www.werelist.net/content.php> (дата обращения: 24.03.2019)
17. WikiFur.Фурсона.URL: <https://ru.wikifur.com/wiki/%D0%A4%D1%83%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0> (дата обращения: 02.04.2019)
18. Агасян А. В. «Духовность» как один из важнейших аспектов субкультуры «фурри» и её взаимосвязь с тотемизмом // ФЭН-НАУКА. Белгород, 2011. С. 87 – 89.
19. Therithere 0006.URL: <https://comicslate.org/ru/furry/theri-there/0006> (дата обращения: 24.03.2019)
20. Draconity.com.TheDraconity FAQ. URL: <http://www.tomorrowlands.org/draconity/faq/> (дата обращения: 24.03.2019)
21. Сид И. Тотемократия в русской литературе // Бестиарий антитез (Resetverba). М., 2013. С. 105 – 116.

**THE PHENOMENON OF THERIANTHROPE IN THE CONTEST OF MODERN
RUSSIAN ZOOANTHROPOMORPHOUS SUBCULTURES: COMPARATIVE ANALYSIS
AND ESSENCE OF THE PHENOMENON**

Fedorovsky Pavel Pavlovich

Perm State University, 15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia, Frid_Fedorovsky@mail.ru

Among modern subcultural formations, a special place is occupied by subcultures are based on «zooanthropomorphism», i.e on the attribution of human features to animals and vice versa, also on

the combination of these features. These subcultures are represented by furry, therianthropes, otherkins, etc. The article analyzes the subculture of therianthropes, provides its characteristics and a brief historical background, describes its position in modern Russia. A comparison is made between therianthropes, furies, and otherkins.

Key words: neo-totemism, zoomorphism, subculture, therianthropes, furry, otherkins, phenotype.

References

1. *Volkova V. V.* Tipologiyasubkul'turobshchestva: kriteriipodhody // VestnikKostromskogogosudarstvennogouniversiteta. 2013. № 6. P. 166–168.
2. *Latysheva T. V.* Fenomen molodezhnoj subkul'tury: sushchnost' i tipy // Sociologicheskie issledovaniya. 2010. № 6. P. 93–101.
3. *Arnautova A. F.* Mesto subkul'tury «furri» v sisteme subkul'turnyh obrazovaniy // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. Samara, 2013. P. 32–38.
4. *Hramova M. N.* Metamorfozy zoomorfnyh obrazov v massovoj kul'ture: obraz zhivotnogo i problema identifikacii v molodyozhnyh subkul'turah // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. SPb., 2017. P. 177–190.
5. *Korovushkin V. P.* O subkul'turolingvistike / lingvosubkul'turologii // Cherepoveckie nauchnye chteniya. Cherepovec, 2014. P. 81–85.
6. WikiFur. Teriantropiya. URL: <https://ru.wikifur.com/wiki/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%8F> (date accessed: 24.03.2019).
7. WikiFur. Inost'. URL: <http://ru.wikifur.com/wiki> (date accessed: 13.03.2019)
8. Otherkin.Net. Harmony and discord. URL: <https://www.otherkin.net/2016/09/what-are-otherkin/> (date accessed:24.03.2019)
9. Alt.horror.werewolves. Par 1. URL: <http://www.firelion.org/raven/ahwwfaq/ahwwfaq01.html#part1> (date accessed: 24.03.2019)
10. *Chubur A. A.* K voprosu o fenomene subkul'tury furri // Folk-Art-Net: Novye gorizonty tvorchestva. Ot tradicii k virtual'nosti. M., 2007. P. 105–116.
11. Vos'maya luna – ezhegodnaya vstrecha teriantropov. URL: <http://feralmoon.ru/index.php?action=recent;start=0> (date accessed:: 24.03.2019)
12. Livejournal. Russian Therians in LJ. URL: <https://therianthropyru.livejournal.com/> (date accessed: 24.03.2019)
13. Teriantropiya. URL: <http://www.therianthropy.ru/> (date accessed: 24.03.2019)
14. Pushcha. Belorusskij forum teriantropov, oborotnej, furrej etc. URL: <http://odinsforest.4bb.ru/> (date accessed: 24.03.2019)
15. Vampire Community.Chto takoe Teriantropiya? URL: https://vampirecommunity.ru/a226_what_is_therianthropy.html (date accessed24.03.2019)

16. The Werelist. A Thereanthrope community resource. URL: <http://www.werelist.net/content.php> (date accessed:24.03.2019)
17. WikiFur. Fursona. URL: <https://ru.wikifur.com/wiki/%D0%A4%D1%83%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0> (date accessed: 04.02.2019).
18. *Agasyan A. V.* ««Duhovnost'» kak odin iz vazhnejshih aspektov subkul'tury «furri» i eyo vzaimosvyaz' s totemizmom // FΘN-NAUKA. Belgorod. P. 87 - 89.
19. Theri there 0006. URL: <https://comicslate.org/en/furry/theri-there/0006> (date accessed: 24.03.2019).
20. Draconity.com.The Draconity FAQ. URL: <http://www.tomorrowlands.org/draconity/faq/> (date accessed:24.03.2019).
21. *Sid I.* Totemokratiya v russkoj literature // Bestiarij antitez (Res et verba). M., 2013. P. 105–116.

ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ПЕРМСКИЙ КЕЙС

УДК 94(47).930.3+94(47).084.3

«ПЕРМСКАЯ КАТАСТРОФА» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Винник Алексей Андреевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15, montewar@mail.ru

Понятие «Пермская катастрофа» закрепляется в исторической науке в 1930-х гг., когда формируется культ личности И. В. Сталина, который с Ф. Э. Дзержинским был в составе комиссии ЦК, расследовавшей причины сдачи Перми войскам Колчака. С тех пор точка зрения на события, произошедшие в городе Перми 24–25 декабря 1918 г., поменялась. Многие ранее господствовавшие в историографии характеристики событий тех лет остались в прошлом. Трактовка данных событий как «Пермской катастрофы» сейчас некорректна.

Ключевые слова: «Пермская катастрофа», Пермь, Гражданская война в 1918 г., историография, Урал.

К вечеру 25 декабря 1918 г. после почти двухдневных столкновений город Пермь из рук советской власти перешёл под власть сил Сибирской армии адмирала Колчака. В Перми белые захватили множество пленных, военного имущества, которое их противник не успел эвакуировать. На расследование обстоятельств этого события Ленин отправил комиссию в составе Сталина и Дзержинского, которые должны были разобраться в причинах поражений 3-й армии, оборонявшей Пермь и способствовать восстановлению её боеспособности. В отчёте комиссия назвала это событие катастрофой / крупной военной катастрофой под Пермью.

Исследовательские работы по истории «Пермской катастрофы» можно группировать по разным признакам. Первый вариант – по месту создания, что позволяет отделить книги и статьи, написанные на Урале от тех, что были подготовлены историками в других регионах. Уральские историки, были хорошо знакомы с историей и спецификой края, поэтому их работы отличались проработанностью и большей аналитикой имеющегося материала.

Другой способ группировки работ связан с фокусом внимания к пермским событиям. Одну группу составляют публикации, посвященные непосредственно Гражданской войне в Прикамье и, собственно, «Пермской катастрофе». Другую – труды общего характера по истории Гражданской войны.

Наконец, возможен третий способ классификации (хронологический) когда историография подразделяется на исследования советского и современного

периодов. Публикации советского времени, написанные в рамках формационной теории во многом устарели, так как подаются события идеологически предвзято и однополярно.

Мною выбран хронологический подход к классификации имеющейся литературы о «пермской катастрофе», так как он позволяет отследить эволюцию взглядов историков на пермские события 24–25 декабря 1918 г. в историографии.

Пермские события нашли своё отражение в работах советских историков 1920-х годов. Н. Е. Какурин исследовал и подробно описал стратегическую составляющую Гражданской войны [1, 2]. Этот автор рассматривает действия РККА с военно-стратегической точки зрения, излагает аргументированную версию причин поражения локального характера для 3-й армии под Пермью и настаивает на второстепенности Восточного фронта по отношению к Южному, на котором разворачивались более опасные для советского правительства события.

Их совместная с И. И. Вацетисом публикация довольно трезво характеризует фронтовые события вокруг Перми, однако акцент сделан исключительно на военной части операции. Авторы в общих чертах описывают положение 3-й армии Восточного фронта, не вдаваясь в подробности сражений за город. Работа Н. Е. Какурина и И. И. Вацетиса была переиздана в 2002 году, так как давала наиболее полную и взвешенную версию советской исторической науки на события Гражданской войны в целом и Пермской катастрофы, в частности [3].

В свердловском истпарте (учреждении, занимающимся изучением и преподаванием истории в 1920-х–1930-х гг. в СССР) П. М. Быков сформулировал совершенно противоположную версию событий, которая способствовала созданию положительного образа партии. Автор отмечал, что с потерей Перми можно было говорить о потере всего Урала. Отступление Красной армии описывается автором как едва ли не повальное бегство [4]. Эта версия не соответствует документальным свидетельствам и является, скорее, агитационным материалом партийных органов для идеологического воспитания, чем военно-историческим исследованием.

Куль личности И. В. Сталина наложил на историографию пермских событий сильный отпечаток. Именно в этот период утверждается термин «Пермская катастрофа». Первым, кто упомянул его в хвалебной статье в честь юбилея вождя, был К. Е. Ворошилов [5]. Он абсолютизирует «выдающуюся» роль И. В. Сталина в Гражданской войне, в том числе и в пермских событиях. Автор делает всё, чтобы создать и закрепить миф о безвыходном положении Красной армии, сложившимся после падения Перми, исправить которое смогли лишь умелые действия И. В. Сталина, расследовавшего вместе с Ф. Э. Дзержинским причины сдачи города и поражения 3-й армии.

Другие авторы – А. Гуковский [6], А. М. Фёдоров [7], В. Ф. Воробьёв [8], А. С. Таралов [9], развивают версию о том, что падение Перми — это катастрофа Восточного

фронта, и только выдающиеся качества товарища Сталина помогли исправить гибельное положение.

Характеризуя данные работы, следует сказать, что они отличаются резкой и необъективной критикой Л. Д. Троцкого, описанием несуществующей массы предателей в рядах большевиков, сильной идеологизированностью, чрезмерным возвышением значения Восточного фронта, бывшего осенью – зимой 1918 г., до падения Перми, второстепенным [10], а также преувеличением роли И. В. Сталина, как ликвидатора последствий потери города [11]. В трудах по истории Гражданской войны, опубликованных в годы сталинизма, ответственность за сдачу Перми возлагается исключительно на «врагов народа». Так по мнению одного из авторов, в Перми на всех уровнях власти царили предатели, везде проникли диверсанты Колчака, а в «Пермской катастрофе» обвиняют лично Л. Д. Троцкого, уже тогда желавшего уничтожить советскую власть [12].

Со смертью Сталина постепенно культ его личности сходит на нет. Историки начинают пересматривать события Гражданской войны и переосмыслять роль комиссии Сталина – Дзержинского в этих событиях. Значение действий Сталина связывалось теперь с его реальным организационным вкладом в решение проблем. А. А. Спасский уже менее политически предвзято исследует историю 3-й армии РККА, отмечает доблесть командиров [13]. Ключевая роль в ликвидации последствий поражения отдаётся ЦК партии большевиков во главе с Лениным. Примечательно, что исчезают любые упоминания о Троцком [14].

Суть новых исследований по данной теме [15] можно раскрыть на материалах коллективного труда «История Гражданской войны в СССР 1917–1922» [16]. В нем представлена хорошо знакомая версия совместных действий превосходящих сил интервентов и белогвардейцев против обескровленной 3-й армии, однако роль И. В. Сталина в расследовании обстоятельств падения города больше не абсолютизируется. Напротив, авторы делают попытку показать совместную работу партийных органов в центре и на местах по исправлению ошибок в управлении и снабжении армии с целью возвращения Перми. В данной работе понятие «Пермская катастрофа» не употребляется, однако сохраняется акцент на первостепенности значения Восточного фронта в событиях ноября – января 1918 г. Данный тезис будет опровергнут в историографии незадолго до распада СССР [17].

В период «застоя» был написан ряд монографий и энциклопедических работ [18, 19, 20], которые, несмотря на однополярность изложения событий, использование ярлыков и односторонность используемой формационной теории, дают богатые фактические сведения для исследователей. В публикациях этого периода окончательно сходит на нет употребление

понятия «Пермская катастрофа». Его заменяет термин «Пермская оборонительная операция», устанавливаются её хронологические рамки: 29 ноября 1918 г.– 6 января 1919 г. [20].

Многие публикации по данной теме эпохи перестройки ставили цель переосмыслить события Гражданской войны. Большой частью это были коллективные работы. Они отличаются сравнительной нейтральностью повествования, хотя авторы и придерживаются принципа безусловной правоты советской стороны. Исследователи того периода отказываются от резко негативной окраски противоречивых событий, на страницах их текстов вновь появляется фигура Л. Д. Троцкого, рассматривается его деятельность [21].

Работы, посвященные непосредственно «Пермской катастрофе» и опубликованные в поздний советский период, отличаются разнообразием. Спорной, устаревшей в своих идеологических оценках, однако изобилующей фактами является работа краеведа и бывшего сотрудника пермской отделения ОГПУ Н. Ф. Паздникова, «Борьба за Пермь» [22]. В ней предвзято представлены причины падения Перми, автор апеллирует к крупному офицерскому заговору, массе предателей, оказавшихся в рядах советской власти к декабрю 1918 г.

В противовес такому подходу у историка Пермского университета В. Н. Устюгова сражение за Пермь описано как время драматическое и героическое. Деятельность комиссии Сталина – Дзержинского предстает лишь как частная миссия партии, хоть и принявшая локальные эффективные меры по укреплению боеспособности 3-й армии. Падение Перми видится крупной неудачей, но никак не катастрофой [23].

В современных работах, в большинстве своём представленных статьями, падение большевистской Перми рассматривается как частная военная победа белых и равнозначное частное поражение красных. Некоторые авторы обращаются к пермским событиям, рассматривая их с позиций представителей антибольшевистского лагеря, что не практиковалось в советское время либо использовалось для критики Белой армии [24, 25]. Затрагивается ранее не исследуемая тема политической борьбы в верхах партии большевиков [26].

В монографии краеведа М. Г. Ситникова [27], написанной на основе ряда его статей на данную тему, причинами «Пермской катастрофы» указываются совокупность факторов: недостаточное снабжение и утомлённость солдат 3-й армии РККА, внезапность удара белых, слабость советской власти и неприятие советской власти частью населения города вследствие «красного террора». Изучив множество архивных и эго-документов, М. Г. Ситников ещё раз подтверждает версию о локальности значения сражений за Пермь. Автор производит реконструкцию боёв 24–25 декабря на основе имеющихся источников, что качественно отличает его работу. Ранее таких исследований не проводилось. Однако этот исследователь в

основном оперирует фактами, теоретическая составляющая работы, как и выводы, не самая сильная её часть.

В биографической монографии о А. Н. Пепеляеве томский историк Н. С. Ларьков также приводит версию ситуативного, но яркого морального и военного триумфа белых, которых во время занятия города возглавлял А. Н. Пепеляев, названный автором организатором «Пермской катастрофы». Но вот внимания Р. Гайде, который командовал армией и принимал в тот момент ключевые решения, не уделяется [28].

Термин «Пермская катастрофа» с точки зрения современной историографии является скорее исторической метафорой, используется для привлечения внимания широкой аудитории. Более актуальным и корректным видится термин «Пермская операция», закрепившийся ещё в 1980-х гг. в советской исторической науке. Анализ трансформации взглядов в историографии на эту проблему показал, что первые исследователи (Н. Е. Какурин и И. И. Вацетис), осмыслявшие военные события Гражданской войны, в целом были правы в своих оценках. Несмотря на то, что данная проблема достаточно хорошо исследована, точку в её изучении ставить ещё рано.

Библиографический список

1. *Какурин Н. Е.* Стратегический очерк гражданской войны. М., Л.: Воениздат, 1926. 96 с.
2. *Какурин Н. Е.* Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. М., Л.: Госиздат, 1928. 80 с.
3. *Какурин Н. Е., Вацетис И. И.* Гражданская война. 1918–1921 / под ред. А. С. Бубнова и др. СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2002. 672 с.
4. *Быков П. М.* Красная армия в борьбе за Урал: (по материалам Уралистпарта) / Истпарт Уралобкома ВКП (б). Свердловск: Уралистпарт, 1928. 67 с.
5. *Ворошилов К. Е.* Сталин и Красная армия. 1929. 32 с.
6. *Гуковский А. И.* Ликвидация Пермской катастрофы. М., 1939. 48 с.
7. *Фёдоров А. М.* Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта. М.: Государственное военное издательство, 1939. 191 с.
8. *Воробьёв В. Ф.* Товарищ Сталин – организатор побед на фронтах Гражданской войны. – М.: «Правда», 1949. 39 с.
9. *Таралов А. С.* Материальное обеспечение 3-ей Армии Восточного фронта в период ликвидации пермской катастрофы. (Ноябрь 1918 г. – февраль 1919 г.) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. воен. наук; Воен. акад. тыла и снабжения им. В. М. Молотова. Калинин, 1952. 32 л.

10. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: «Издательство политической литературы», 1970. Т. 50. Изд. 5. 646 с.
11. История и сталинизм / сост. А. Н. Мерцалов М.: Политиздат, 1991. 448 с.
12. *Андреев К. Н.* Борьба Пермской большевистской организации за ликвидацию последствий колчаковщины. Молотов: Молотовгиз, 1951. 96 с.
13. *Спасский А. А.* Третья армия. Пермь: Кн. изд-во, 1958. 152 с.
14. *Спирин Л. М.* Разгром Колчака. М.: Воениздат, 1969. 295 с.
15. *История Гражданской войны в СССР:* в 5 томах. Т. 3: Упрочение советской власти. Начало иностранной военной интервенции и гражданской войны. (Ноябрь 1917 г. – март 1919 г.) / ред.: Найда С. Ф., Обичкин Г. Д., Петров Ю. П., Стручков А. А., Шатагин Н. И. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. 678 с.
16. *Васьковский О. А., Ефремов Б. А., Ниренбург Я. Л.* Революция защищается: взгляд сквозь годы. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. 256 с.
17. *Эйхе Г. Х.* Опрокинутый тыл. М.: Воениздат, 1966. 386 с.
18. *Кацугович И. С.* Прикамье в огне Гражданской войны. Пермь: Пермское книжное издательство, 1969. 132 с.
19. *Гражданская война в СССР: в 2 томах* / под ред. Азовцева Н. Н. Т.1. М.: Воениздат, 1980. Т.2. М.: Воениздат, 1986. 480 с.
20. *Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия* / гл. ред. Хромов С. С. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 703 с.
21. *Васьковский О. А. и др.* Урал в Гражданской войне. Свердловск: Изд-во Урал.ун-та, 1989. 336с.
22. *Паздников Н. Ф.* Борьба за Пермь: Пермские события в гражданской войне. Пермь: Кн. изд-во, 1988. 194 с.
23. *Устюгов В. В.* Гражданская война на Урале и разгром Колчака. Пермь, 1989. 37 с.
24. *Обухов Л. А.* Прикамье в годы Гражданской войны // Гражданская война на Востоке России: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Пермь, 25–26 ноября 2008 г.). Пермский государственный архив новейшей истории. Пермь, 2008. С. 214–221.
25. *Обухов Л. А.* Пермская операция глазами Р. Гайды // Материалы Международной научно-практической конференции «Кыновской завод и его жители в годы Гражданской войны». Пермь. 2010. С. 30–37.
26. *Войтиков С. С.* «Пермская катастрофа» Льва Троцкого и Якова Свердлова // Военно-исторический журнал. 2013. №8. С.19–25.
27. *Ситников М. Г.* Пермь пала. Пермь: «Форвард», 2016. 287 с.

28. *Ларьков Н. С.* Сибирский белый генерал. Томск: изд-во Томского университета, 2017. 312 с.

"PERM CATASTROPHE" IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Vinnik Alexey Andreevich

Perm State University, 15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia, montewar@email.ru.

The concept of "Perm catastrophe" was established in historical science in the 1930s, when the personality of I. V. Stalin was formed, who was with F. E. Dzerzhinsky in the commission of the Central Committee investigating the reasons for the surrender of Perm to Kolchak. Since then, the point of view on the events that took place in the city of Perm from December 24 to 25, 1918, has changed. Now, many paradigms that dominated historiography are in the past. The name of these events "Perm catastrophe" is now incorrect.

Keywords: "Perm catastrophe", Perm, Civil war 1918, historiography, Ural.

References

1. *Kakurin N. E.* Strategicheskij ocherk grazhdanskoj vojny. M., L.: Voenizdat, 1926. 96 p.
2. *Kakurin N. E.* Vosstanie chekhoslovakov i bor'ba s Kolchakom. M., L.: Gosizdat, 1928. 80 p.
3. *Kakurin N. E.* Vacetis I. I. Grazhdanskaya vojna. 1918–1921 / Pod red. A. S. Bubnova i dr. SPb.: OOO «Izdatel'stvo «Poligon», 2002. 672 p.
4. *Bykov P. M.* Krasnaya armiya v bor'be za Ural: (po materialam Uralistparta) / Istpart Uralobkoma VKP (b). Sverdlovsk: Uralistpart, 1928. 67 p.
5. *Voroshilov K. E.* Stalin i Krasnaya armiya. 1929. 32 p.
6. *Gukovskij A. I.* Likvidaciya Permskoj katastrofy. M., 1939. 48 p.
7. *Fyodorov A. M.* Permskaya katastrofa i kontrnastuplenie Vostochnogo fronta. M.: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo, 1939. 191 p.
8. *Vorob'yov V. F.* Tovarishch Stalin – organizator pobed na frontah Grazhdanskoj vojny. M.: «Pravda», 1949. 39 p.
9. *Taralov A. S.* Material'noe obespechenie 3-ej Armii Vostochnogo fronta v period likvidacii permskoj katastrofy. (Noyabr' 1918 g. – fevral' 1919 g.) // Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kand. voen. nauk; Voen. akad. tyla i snabzheniya im. V. M. Molotova.. Kalinin, 1952. 32 p.
10. *Lenin V. I.* Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1970. T. 50, Izd. 5. 646 p.
11. *Istoriya i stalinizm / Sost. Mercalov A. N.* M.: Politizdat, 1991. 448 p.
12. *Andreev K. N.* Bor'ba Permskoj bol'shevistskoj organizacii za likvidaciyu posledstvij kolchakovshchiny. Molotov: Molotovgiz, 1951. 96 p.

13. *Spasskij A. A.* Tret'ya armiya. Perm': Kn. izd-vo, 1958. 152 p.
14. *Spirin L. M.* Razgrom Kolchaka: M.: Voenizdat, 1969. 295 p.
15. *Istoriya Grazhdanskoj vojny v SSSR: v 5 tomah. T. 3. Uprochenie sovetskoj vlasti. Nachalo inostrannoj voennoj intervencii i grazhdanskoj vojny. (Noyabr' 1917 g. – mart 1919 g.) / Red.: Najda S. F., Obichkin G. D., Petrov Yu. P., Struchkov A. A., Shatagin N. I. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958. 678 p.*
16. *Vas'kovskij O. A., Efremov B. A., Nirenburg Ya. L.* Revolyuciya zashchishchaetsya: vzglyad skvoz' gody. Sverdlovsk: Sred.– Ural. kn. izd-vo, 1989. 256 p.
17. *Ejhe G. H.* Oprokinutyj tyl. M.: Voenizdat, 1966. 386 p.
18. *Kapcugovich I. S.* Prikam'e v ogne Grazhdanskoj vojny. Perm': Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969. 132 p.
19. *Grazhdanskaya vojna v SSSR: v 2 tomah / pod red. Azovceva N. N. T.1. M.: Voenizdat, 1980. T.2. M.: Voenizdat, 1986. 480 p.*
20. *Grazhdanskaya vojna i voennaya intervenciya v SSSR: enciklopediya / gl. red. Hromov S. S. M.: Sov. Enciklopediya, 1983. 703 p.*
21. *Vas'kovskij O. A. i dr.* Ural v Grazhdanskoj vojne. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. Un-ta, 1989. 336 p.
22. *Pazdnikov N. F.* Bor'ba za Perm': Permskie sobytiya v grazhdanskoj vojne. Perm': Kn. izd-vo, 1988. 194 p.
23. *Ustyugov V. V.* Grazhdanskaya vojna na Urale i razgrom Kolchaka. Perm', 1989. 37 p.
24. *Obuhov L. A.* Prikam'e v gody Grazhdanskoj vojny // *Grazhdanskaya vojna na Vostoke Rossii: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Perm', 25–26 noyabrya 2008 g.). Permskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii. Perm', 2008. pp. 214–221.*
25. *Obuhov L. A.* Permskaya operaciya glazami R. Gajdy // *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Kynovskoj zavod i ego zhiteli v gody Grazhdanskoj vojny» Perm'. 2010. pp. 30–37.*
26. *Vojtikov S. S.* «Permskaya katastrofa» L'va Trockogo i YAkova Sverdlova // *Voenno-istoricheskij zhurnal. 2013. №8. P. 19–25.*
27. *Sitnikov M. G.* Perm' pala. Perm.: «Forward», 2016. 287 p.
28. *Lar'kov N. S.* Sibirskij belyj general. Tomsk: izd-vo Tomskogo universiteta, 2017. 312 p.

ОБЩЕСТВО «СВЕТЛАЯ ЮНОСТЬ»: ПЕРВЫЙ ОПЫТ ДЕТСКОГО КОЛЛЕКТИВНОГО ВОСПИТАНИЯ В ПЕРМИ

Александрова Дарья Ивановна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15, aleksdasha_12@mail.ru

На рубеже XIX – XX вв. в связи с процессами модернизации актуализируется проблема детского дошкольного воспитания. В статье представлена история возникновения и деятельности в Перми общества «Светлая Юность» и общества содействия физическому воспитанию детей, которые ставили перед собой передовые для изучаемого периода задачи по воспитанию детей. Благодаря этим обществам распространяется новое понимание сущности дошкольного воспитания, основанное на совмещении физического и умственного труда, необходимости его проведения на коллективных началах и его значимости в общей системе образования

Ключевые слова: Детский досуг, дошкольное воспитание, детский сад, летние площадки, «Светлая юность», модернность.

Процессы урбанизации, технологические, экономические и культурные изменения, характерные для XIX в., развитие промышленности, разграничение сфер труда и отдыха повлекли за собой формирование массового общества и возникновение понятия досуга как «времени отдыха». На этом фоне актуализируется вопрос о детском дошкольном воспитании. Возникновение и становление внешкольной работы с детьми как самостоятельной сферы педагогической деятельности происходит на рубеже XIX и XX вв. В 1890-е гг. усиливается внимание к внешкольной работе с детьми со стороны общественности, разрабатываются и апробируются различные формы педагогической деятельности, появляются первые устойчивые детские объединения, и, наконец, зарождаются основы теории внешкольной работы с детьми [1, с. 224].

Эти общероссийские процессы затронули и российскую провинцию. В частности, в 1912 г. в Перми – столице Пермской губернии – появляются два общества, которые ставят своей целью физическое и духовное воспитание детей: «Общество содействия физическому воспитанию детей» и общество «Светлая юность».

Причиной актуализации этого вопроса в Перми мог быть рост числа самоубийств среди учащихся. В 1910 г. по всей России прокатилась волна школьных самоубийств. В Перми было семь случаев насильственной смерти среди учащихся [2, л. 6.]. Дети бедных родителей были предоставлены сами себе, их развитие происходило в уличной обстановке, где присутствовали «алкоголь, карты, низменные инстинкты, самоубийства» [2].

Большую роль в привлечении внимания к этой проблеме пермской общественности сыграла Олимпиада Максимовна Варфоломеева – основательница общества «Светлая юность». Она родилась в 1866 г. в городе Соликамске Пермской губернии, получила начальное образование в Чердынском 2-х классном училище. В 1886 г. она окончила Пермскую женскую гимназию и стала преподавать в Чердыни. Всю жизнь Варфоломеева занималась деятельностью, которая была направлена на помощь людям в получении образования. В Чердыни она организовала общество трезвости, в Добрянке (еще одном городе Пермской губернии) – кружки самообразования, участники которых устраивали спектакли и литературные чтения. Важным фактором, повлиявшим на последующую деятельность О.М.Варфоломеевой, стала поездка в Крым. Здесь она впервые познакомилась с детскими площадками, дошкольной работой, впервые увидела детский сад. В этот детский сад она специально устроилась на работу, чтобы ближе изучить его устройство, потому как уже тогда «твердо решила пересадить площадки и детские сады в родную Пермскую губернию» [2].

В феврале 1912 г. вышла ее статья «О внешкольном воспитании учащихся», в которой общественность города призывалась к созданию в Перми общества содействия умственно–нравственному и физическому воспитанию детей. В ней говорилось о том, что причиной участвовавших самоубийств является окружающая детей обстановка. «Куда ни взглянешь – везде мало отрадного: пойдешь в театр, там сильные типы разбиваются вдребезги перед чувственными аффектами “Таис-куртизанки”. Заглянешь в Триумф – вся изнанка наружу от “Бездны” Андреева. Если прислушаться к разговорам взрослых, то и здесь мало приятного: тут развелись, там просто разошлись, кто–то изменил, один застрелился, другие отравились» [3, л. 3]. Она пишет, что детский досуг не отделяют от взрослого, и дети на Рождественских каникулах проводят время «на больших балах, на вечерах, театрах, маскарадах с 8 до 3 часов ночи ... в испорченном, пыльном воздухе. Полдня спят и впереди опять бессонная ночь» [Там же]. Руководительница детской площадки «Общества содействия физическому воспитанию детей» писала, что «матери порой приходят в отчаяние от того, что их дети не умеют играть, что их нечем занять» [4, л. 3]. Матери, которые были достаточно обеспеченными, покупали детям игрушки, которые не могли удовлетворить духовных потребностей ребенка.

Уже через месяц после этой публикации в Перми возникла первая общественная организация города по дошкольному воспитанию, получившая название «Светлая Юность». Председателем была избрана О. М. Варфоломеева. Целью общества декларировалось содействие умственному, нравственному и физическому воспитанию детей школьного возраста. Для этого предполагалось устраивать ученические библиотеки, читальни, научные

лекции, чтения с картинами кинематографа или волшебного фонаря, ученические собеседования для развития литературного вкуса и речи, ученические хоры и оркестры. Содействие физическому воспитанию детей предполагалось через «катание на лыжах, коньках, велосипедах, лодках, прогулки пешком». Планировалось создавать катки, площадки, купальни, сады, огороды, мастерские, гимнастические залы, манежи и дачи–колонии [5, л. 2]. Членом общества мог стать любой человек вне зависимости от сословия, пола и состояния. Исключение составляли несовершеннолетние, учащиеся средних и низших учебных заведений, состоящие на военной службе низшие чины и лица, подвергшиеся ограничению прав по суду [5, с.4].

Одной из форм организации детского досуга стали летние детские площадки. История этого движения зародилась в Европе, к концу XIX в. детские площадки успешно действовали во многих странах мира. Первые площадки в Российской империи появились в Москве в 1895 г. Изначально для ребят устраивались в основном подвижные игры, но вскоре педагоги задались целью расширения умственного кругозора детей. К 1915 г. на окраинах Москвы действовало более 30 площадок [6, с. 2].

Московский опыт работы с детьми был с энтузиазмом воспринят во многих провинциальных городах России. Уже в конце XIX в. во многих российских городах достаточно активно развиваются первые формы внешкольной работы с детьми: клубы и кружки, самодеятельные общества учащихся, летние детские колонии, спортивные площадки. В качестве примеров организации внешкольной деятельности детей называют созданные в 60-е годы XIX в. клуб гимназистов (г. Чернигов), клуб юных орнитологов (г. Глухов) [1, с. 227]. Детские площадки в Российской империи являлись наиболее распространенной формой досуга детей низших слоев городского населения. Они учреждались и финансировались в основном на средства благотворительных организаций [7, с. 135].

Открытие первой летней площадки в Перми состоялось летом 1912 г. Она работала каждый день в течение трех месяцев, занятиями руководили местные педагоги и студенты, приехавшие на каникулы. В 1916 г. действовало уже десять таких площадок в Перми и пять – в соседней Мотовилихе. Вход на площадки был бесплатным, и за первое лето их функционирования площадки посетило свыше 6 тыс. детей [8, л.2]. (Рис.1)

На площадках существовало разделение игровых занятий по возрастам: маленькие дети от 2 до 6 лет «играли в песок, качели, мячи». Школьники «играли в круговые, беговые и с пением игры». Старшие дети (от 12 до 16 лет) «играли в русско–итальянскую, вольную лапту» и в лаун–теннис, ходили на экскурсии и писали журналы, устраивали катания на лодках [9, л.3]. Проводились праздники для детей, которые сопровождалась оркестрами и

украшались плакатами «Золотое детство», «Светлая юность». Дети с флагами и музыкой проходили по городу (рис.2,3).

Рис.1. Отчет правления о деятельности общества «Светлая юность» в городе Перми с 16 мая 1912 по 1 марта 1913 г. Пермский краеведческий музей. Отдел фондов, сектор документальных источников. № 16907/55. Л. 4.

Рис.2. Праздник весны, организованный для детей г. Перми благотворительным обществом «Светлая юность» в д. Данилиха Пермского уезда, 1912 г. ГАПК. Ф. 85п. Оп. 85п. Д. 310. Л. 3.

Как утверждала Варфоломеева, на детских площадках регулировались «нравственные начала детей» [10, л. 3], поскольку все дети должны были считаться с правилами игры и учиться работать в коллективе. Она считала, что приобретая привычку быть занятым, хотя бы только игрой, дети приобретают такую черту характера, как желание быть деятельным и активным. Дети начинают быстро соображать, быстро принимать решения, развивают находчивость и остроумие [8].

Обществом «Светлая юность» в ноябре 1912 г. в доме №106 по ул. Пермская был торжественно открыт первый в Перми и на всем Урале детский сад. Здание детского сада было кирпичное, двухэтажное, принадлежало домовладельцу Зорину. Варфоломеевой

пришлось преодолеть большие трудности в поисках средств, подходящего недорогого помещения, специальной детской мебели, оборудования и в поиске воспитательниц. Для этой цели снова была использована местная печать. Она опубликовала несколько статей, разъясняющих важность открытия детских садов, как учреждений, которые готовят детей к школе. Детский сад стремились сделать образцовым учреждением, чтобы он мог служить наглядной агитацией среди населения за внедрение в жизнь новых форм и методов воспитания детей: «Важно было начать, показать такую новую форму дополнительного воспитания на деле, что и удалось выполнить. Очень многие приходили посмотреть на детский сад и даже приезжали из районов и заводов нашей области, и других областей» [9].

Рис. 3. Праздник весны, организованный для детей г. Перми благотворительным обществом «Светлая юность» в д. Данилиха Пермского уезда, 1912 г. ГАПК. Ф. 85п. Оп. 85п. Д. 310. Л. 1.

Руководителя было найти очень сложно – были посланы запросы в столицы, Киев, Ригу, Юрьев, но никто не отозвался. Только случайно проезжавшая мимо Перми «землячка, окончившая Московские Тихомировские педкурсы» – Л. С. Пачгина – спасла ситуацию. Также руководительницами стали А. А. Нидерман и М. И. Террачиано. В среднем ежемесячно посещало детский сад 34 ребенка. Состав детей по материальному состоянию их родителей был разнообразен. Из обеспеченных семей числились дети учительниц и служащих лиц с небольшим окладом.

Занятия в Пермском детском саду велись по фребелевской системе и включали в себя легкие беседы по картинам, по предмету Закона Божия, рисование, вязание, легкие гимнастические упражнения, практические занятия по языкам. С руководительницей – «фребеличкой» дети занимались ручным трудом, беседами по изучению окружающей природы, заучиванием стихотворений, рассказами, играми и пением. Подвижные игры – важный элемент детского сада, с которыми тесно связано пение. Считалось, что

оно «благоприятно действует на расположение духа детей: они занимаются веселее, увереннее и дружнее» [11]. Основой физического воспитания детей была идея о том, что через игру ребенок может получить навыки нахождения в социуме. В Европе эта идея получила большое распространение еще в 30-х гг. XIX в. Основателем первых детских садов, основной целью которых было содействие развитию природных способностей ребенка, был Фридрих Фрѐбель. Его система оказала влияние на развитие дошкольной педагогики и получила распространение в России, где в 70-х гг. XIX в. появились «фрѐбелевские курсы», существовавшие только в Петербурге и Киеве.

Обществом «Светлая юность», кроме прочего, был организован зимний каток и библиотека–читальня учебных пособий. Выполнение всех намеченных уставом задач требовало со стороны самого общества очень больших материальных затрат. Средства общества формировались из членских взносов, общественных ассигнований, из платы учащихся в детском саду, из пожертвований, от сборов с гуляний, спектаклей, катка и площадки [11].

Помимо общества «Светлая юность», которое занималось и умственно–нравственным, и физическим развитием детей, существовало «Общество содействия физическому воспитанию детей». Оно было создано также в 1912 г. и ставило перед собой цель «культивировать систематические игры детей, организовывать просветительскую деятельность в поправление популяризации сведений об играх, их методики, их оздоровляющем значении для тела и психики» [12, л. 19].

Огромную роль в продвижении детского воспитания сыграла О. М. Варфоломеева. Во многом благодаря Олимпиаде Максимовне, все больше людей в Перми стало задумываться о необходимости всестороннего развития ребенка. Можно сказать, что в данный период в Перми получает распространение новое понимание сущности дошкольного воспитания, основанное на совмещении физического и умственного труда, необходимости его проведения на коллективных началах, и его значимости в системе образования. В данный период также приходит понимание необходимости формирования в детях культурных ценностей. Внешкольная работа с детьми на детских площадках, катках, в детских садах, библиотеках–читальнях, помимо просветительской функции, была ориентирована на снижение отрицательного влияния окружающей среды через организацию позитивного, творческого, познавательного досуга детей.

Библиографический список

1. *Дейч Б. А.* Внешкольная работа с детьми в России на этапе становления (конец XIX – начало XX веков): историко-педагогический анализ // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 15. С. 224–230.
2. Государственный Архив Пермского Края (Далее – ГАПК). Ф. Р 790. Оп. 1. Д. 2865.
3. О внешкольном воспитании учащихся. // Пермские губернские ведомости (далее – ПГВ). 1912. 12 февраля.
4. Детская площадка. // ПГВ. 1916. 12 июля.
5. Устав Пермского Общества «Светлая юность». Пермь, 1912 // ГАПК. Ф. 60 п. Оп. 60 п. Д. 590.
6. *Тихий А.* Внешкольная работа с детьми в Москве (детские клубы, площадки, экскурсии и колонии) // Школа и жизнь. 1915. № 38. С. 1–5.
7. *Тишкина К. А.* Организация летнего досуга для детей низших слоев населения в Российской Империи. // Российская повседневность XIX–XX вв.: материалы Всерос. науч. конф. Пермь, 2016. С. 129–135.
8. *Кашихин Л. С.* «Варфоломеева Олимпиада Максимовна (1866 - 1960 гг.)». Аннотация для «Свода памятников истории и культуры Пермской области» и др. материалы. // ГАПК. Ф. Р3. Оп. 6. Д. 364.
9. *Варфоломеева О. М.* «История дошкольного образования и воспитания в г. Перми-Молотово и Урало-Камском крае с 1912 по 1944 гг.». Статья, машинопись. // ГАПК.Ф. Р1595. Оп. 1. Д. 864
10. Бесплатные детские площадки в г. Перми общества Светлой Юности. // ПГВ. 1915. 8 мая.
11. Отчет правления о деятельности общества «Светлая юность» в городе Перми с 16 мая 1912 по 1 марта 1913 г. // Пермский краеведческий музей. Отдел фондов, сектор документальных источников. № 16907/55.
12. Дело об отводе площадки для велодрома в общественном саду для игр и физических упражнений учащихся средних учебных заведений г. Перми. // ГАПК. Ф.35. Оп. 1. Д. 151.

«SVETLAYAYUNOST» ASSOCIATION:

THEFIRSTEXPERIENCEOFCHILDREN'SCOLLECTIVEEDUCATIONINPERM

Aleksandrova Darya Ivanovna

Perm State University, 15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia, aleksdasha_12@mail.ru

At the turn of the 19th and 20th centuries there is a modernization of society, there is a separation of the spheres of labor and recreation and separation of children's leisure time from adults. In this regard, the problem of children's preschool education is actualized. The article presents the history of the emergence and activity of the "Svetlaya yunost" association and the association of assistance to the physical upbringing of children in Perm, which set the advanced, for the Russian provincial city of the turn of the century, tasks on the upbringing of children in the physical and spiritual plan. Thanks to these associations, a new understanding of the essence of preschool education is spreading, based on the combination of physical and mental labor, the need for it on a collective basis, and its importance in the general education system, comes the understanding of the need to develop cultural values in children.

Key words: Children's leisure, pre-school education, kindergarten, summer playgrounds, «Svetlaya yunost», modernity.

References

1. *Dejch B. A.* Vneshkol'naya rabota s det'mi v Rossii na etape stanovleniya (konec XIX – nachalo XX vekov): istoriko-pedagogicheskij analiz // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2012. № 15. P. 224–230.
2. Gosudarstvennyj Arhiv Permskogo Kraja (Dalee – GAPK). F. R 790. Op. 1. D. 2865.
3. Ovneskol'nomvospitaniyuuchashchihsya. // Permskiegubernskievedomosti (dalee – PGV). 1912. 12 fevralya.
4. Detskaya ploshchadka. // PGV. 1916. 12 iyulya.
5. Ustav Permskogo Obshchestva «Svetlaya yunost'». Perm, 1912 // GAPK. F. 60 p. Op. 60 p. D. 590.
6. *Tihij A.* Vneshkol'naya rabota s det'mi v Moskve (detskie kluby, ploshchadki, ekskursii i kolonii) // SHkola i zhizn'. 1915. № 38. P. 1–5.
7. *Tishkina K. A.* Organizaciya letnego dosuga dlya detej nizshih sloev naseleniya v Rossijskoj Imperii. // Rossijskaya povsednevnost' XIX–XX vv.: materialy Vseros. nauch. konf. Perm', 2016. P. 129–135.
8. *Kashihin L. S.* «Varfolomeeva Olimpiada Maksimovna (1866 - 1960 gg.)». Annotaciya dlya «Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury Permskoj oblasti» i dr. materialy. // GAPK. F. R3. Op. 6. D. 364.
9. *Varfolomeeva O. M.* «Istoriya doskol'nogo obrazovaniya i vospitaniya v g. Permi-Bolotove i Uralo-Kamskom krae s 1912–1944 gg.». Stat'ya, mashinopis'. // GAPK. F. R1595. Op. 1. D. 864
10. Besplatnye detskie ploshchadki v g. Permi obshchestva Svetloj Yunosti. // PGV. 1915. 28 maya.
11. Otchet pravleniya o deyatelnosti obshchestva «Svetlaya yunost'» v gorode Permi s 16 maya 1912 po 1 marta 1913. // Permskij kraevedcheskij muzej. Otdel fondov, sektor dokumental'nyh istochnikov. № 16907/55.

12. Delo ob otvode ploshchadki dlya velodroma v obshchestvennom sadu dlya igr i fizicheskikh uprazhnenij uchashchihsya srednih uchebnyh zavedenij g. Permi. // GAPK. F.35. Op. 1. D. 151.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ СРАВНЕНИЯ ГОРОДОВ ПЕРМИ И КУДЫМКАРА)

Ганищева Ксения Игоревна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15, ksusha.ganitseva.11@mail.ru

Социальный капитал является мощным источником развития не только на индивидуальном уровне, но и в рамках региона. Особой составляющей социального капитала региона является такая категория населения, как молодежь, поскольку именно эта группа способна в значительной мере влиять на его состояние. В этом контексте важно знать и понимать состояние социального капитала молодежи, способы его формирования и влияющие на него факторы. Основной исследовательский вопрос представленного исследования заключался в характеристике социального капитала молодежи городов Пермь и Кудымкар через такие индикаторы, как ценностные ориентации, уровень доверия, включенность в различные организации и социальные сети. По итогам исследования выявлено, что молодежь Перми и Кудымкара не обладает достаточно высоким уровнем социального капитала. Тем не менее, некоторые показатели элементов социального капитала оказались выше у респондентов из столицы Коми-пермяцкого округа.

Ключевые слова: социальный капитал, регион, молодежь, элементы социального капитала, ценности, социальные сети, включенность в организации, доверие.

В настоящее время социальный капитал все в большей степени, чем материальные ресурсы, является источником конкурентных преимуществ в масштабах таких крупных социальных образований, как регион. «При этом важно для управленческой элиты так выстраивать региональную политику, так определять стратегию развития, чтобы она отвечала целям и задачам не только бюрократических и олигархических групп, но и большей части населения» [1, с. 4]. В этом случае появится возможность решать сложные социальные задачи. Именно в связи с этим, особого внимания требуют возможности и условия, необходимые для формирования, накопления, развития социального капитала региона, соотношение позитивных и негативных эффектов социального капитала, потенциал управления социальным капиталом.

Особой составляющей социального капитала региона является такая категория населения, как молодежь, поскольку именно эта группа населения способна в значительной мере влиять на его состояние. Молодежь по сравнению с другими социальными группами общества имеет более высокий потенциал социальной активности, молодые люди в основном находятся в состоянии социального перемещения, идейного, нравственного и профессионального становления и выбора, поиска своего места в системе общественных

отношений, форм и способов включения в них, что может характеризовать уровень развития региона.

Задавшись вопросом о состоянии социального капитала Пермского края, было предпринято исследование, которое должно было ответить на исследовательский вопрос об определении и сравнительной характеристике состояния социального капитала молодежи двух крупнейших городов региона – Перми и Кудымкара через такие индикаторы, как ценностные ориентации, уровень доверия, включенность в различные организации и социальные сети (анализ социальных ценностей как условия создания социального капитала молодежи; анализ общего, личного и институционального доверия молодежи, как условия наращивания социального капитала; исследование форм участия молодежи в жизни общества, как вклада в формирование ее социального капитала; анализ социальных сетей молодежи как источника социального капитала).

Социологическое исследование охватывало Пермь и Кудымкар и проводилось методом онлайн-анкетирования. Выборку составляли мужчины и женщины от 18 до 35 лет. За основу инструментария была взята методика Н. И. Лапина и Л. А. Беляевой по составлению социокультурного портрета региона [2], а также подходы А. Н. Татарко, Н. М. Лебедевой, В. А. Федотовой и Ш. Шварца по изучению социального капитала различных групп населения и ценностных ориентаций соответственно [3, 4, 6]. Выборочная совокупность исследования составила 180 человек в равных пропорциях относительно Перми и Кудымкара. Для ее формирования применялась целенаправленная квотная выборка по возрасту и территории проживания.

Для обработки полученных данных, их последующего анализа и проверки гипотез создавались базы данных на основе SPSS Statistics и Microsoft Office Excel. При анализе данных использовались описательная статистика, частотный анализ, построение таблиц сопряженности и поиск связи между признаками, а также сравнение средних, регрессионный и факторный анализы.

Общий уровень доверия рассчитывался через среднее арифметическое значение полученных ответов на вопросы «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять или что нужно быть осторожным с людьми?» и «Считаете ли вы, что большинство людей при малейшей возможности будут использовать вас в своих целях или они будут относиться к вам по-честному?», позволяющих оценить, насколько индивид склонен доверять другим людям. Уровень обобщенного доверия молодежи городов измерялся по 7-бальной шкале и установился на отметке 3,46 и 3,67 для Перми и Кудымкара соответственно, что говорит о среднем уровне доверия к обобщенному другому. Значение коэффициентов доверия студенческой молодежи как Перми, так и Кудымкара находится на среднем уровне, 3,4 и 3,1

соответственно. Схожий результат показал уровень доверия работающей молодежи, который равен 3,2 в Перми и 3,3 в Кудымкаре. Можно сделать вывод о том, что уровень доверия студенческой и работающей молодежи как в Перми, так и в Кудымкаре одинаков и находится на среднем уровне.

Уровень институционального доверия (к местным органам власти, а также профсоюзам, полиции прокуратуре, суду и СМИ) молодежи остается низким, как в Перми, так и Кудымкаре. По рейтингу институционального недоверия респондентов, представленному в таблице 1 (не очень доверяю + совсем не доверяю), видно, что респонденты г. Перми более критично относятся к рассматриваемым институтам и чаще выражают свое недоверие.

Таблица 1

Уровень институционального недоверия молодежи гг. Пермь и Кудымкар

Институциональное недоверие	В Перми (%)	В Кудымкаре (%)
Политические партии	72,3	55,5
Законодательное собрание дума региона	61,1	46,7
СМИ (печать, радио, телевидение)	57,6	48,9
Муниципальные, местные органы управления	55,8	55,6
Правительство региона	45,5	43,9
Полиция	43,4	42,2
Прокуратура	42,1	37,8
Суд	34,5	37,8
Губернатор	32,1	36,7
Профсоюзы	28,9	39,3

Далее анализировалась широта социальных связей данной группы населения посредством частотного анализа ответов на вопрос «Как Вы думаете, сколько людей (за исключением родственников) вспомнят о Вашем дне рождения?». Условно было выделено четыре степени «широты» социальных связей человека: от 0 до 5 – низкий уровень; от 6 до 15 – средний уровень; от 15 до 25 – выше среднего от 26 и выше – высокий уровень. Данный индикатор характеризует «широту» социальных связей субъекта на основе эмоциональных взаимоотношений. В большей мере данный элемент социального капитала имеет средние показатели как в Перми, так и в Кудымкаре. Однако студенческая молодежь Кудымкара имеет более широкие социальные связи, нежели студенческая молодежь г. Перми, что можно проследить по данным из таблицы 2.

Степень широты социальных связей молодежи

Город	Варианты ответов	%
Студенты		
Кудымкар	От 0 до 5.	23,5
	От 6 до 15.	47,1
	От 16 до 25.	11,8
	От 26 и выше.	17,6
Пермь	От 0 до 5.	37,5
	От 6 до 15.	57,5
	От 16 до 25.	5,0
	От 26 и выше.	0
Работающая молодежь		
Кудымкар	От 0 до 5.	39,2
	От 6 до 15.	45,1
	От 16 до 25.	11,8
	От 26 и выше.	3,9
Пермь	От 0 до 5.	15,2
	От 6 до 15.	67,4
	От 16 до 25.	17,4
	От 26 и выше.	0

При анализе состояния сильных и слабых сетей в Кудымкаре и Перми было выявлено, что они находятся на примерно одинаковом уровне. Абсолютное большинство опрошенных среди пермской молодежи отметило близость с семьей – 100% (в то время как этот же показатель в Кудымкаре равен 96,7%) и близость с друзьями (85% и 89% в Перми и Кудымкаре соответственно), что говорит о наличии крепких сильных связях молодежи рассматриваемых городов.

Важным показателем реализации социального капитала на функционально-организационном уровне выступает участие людей в деятельности различных общественных организаций. Для проверки влияния включенности в различные сообщества и организации на объем и качество социального капитала молодежи Перми и Кудымкара было проанализировано участие в ряде следующих сообществ и организаций:

- религиозные или церковные организации;

- спортивные организации или организации, связанные с проведением досуга;
- организации, связанные с искусством, творчеством или образованием;
- профсоюзы;
- политические партии или группы;
- экологические организации;
- профессиональное объединение;
- гуманитарные или благотворительные организации;
- организация по защите прав потребителей;
- организации по защите животных.

Для подтверждения или опровержения влияния данного фактора на социальный капитал был рассмотрен факт наличия или отсутствия связи между участием в тех или иных организациях или сообществах и такими показателями социального капитала, как уровень обобщенного доверия, широта связи, составляющими объем социального капитала и измеряемыми по выше описанным вопросам. Шкалы, которые позволяют измерить эти признаки, имеют порядковый и номинальный характер. Следовательно, для выявления наличия или отсутствия связи к признакам, представленным с помощью порядковой шкалы, можно применить коэффициент ранговой корреляции Спирмена. После построения таблиц сопряженности и вывода соответствующих коэффициентов удалось выявить, что для коэффициента Спирмена асимптотическая значимость превышает 0.05, как по ответам респондентов Перми, так и Кудымкара. Следовательно, связь между признаками не является статистически достоверной. Для выявления связи между качеством социального капитала и вступлением в организации был проведен анализ с помощью коэффициента Лямбда, поскольку шкалы измерения признаков имеют номинальный характер. Анализ так же подтвердил отсутствие указанной связи, поскольку приближительная значимость оказалась больше 0,05. Таким образом, анализ включенности молодых людей в различные организации позволил прийти к выводу о том, что данный фактор не влияет на состояние социального капитала молодежи сравниваемых городов.

Не менее значимой составляющей социального капитала являются социальные ценности, поскольку они выступают в качестве условий его формирования. Для изучения особенностей ценностных ориентаций молодежи Перми и Кудымкара была выдвинута гипотеза: «Молодежь ориентирована в большей мере на ценности развлечения, успеха и новизны и в меньшей – на ценности традиции и конформности». Для последующей интерпретации с помощью факторного анализа был выдвинут перечень ценностей из первой части опросника Ш. Шварца [6], предназначенного для изучения ценностей, идеалов и убеждений, оказывающих влияние на личность.

Согласно результатам факторного анализа, в массовом бессознательном молодежи Перми выделяются три латентных ориентации на данные базовые ценности, выступающие в качестве руководящего принципа:

Первый фактор включает такие ценности, как влияние, принятие жизни, здоровье, удовлетворение своих желаний, наслаждение жизнью, успех, чистоплотность имидж (ориентация на себя). Описательная сила фактора – 35,8%

Второй фактор – сдержанность, верность, целеустремленность, толерантность, скромность, уважение старших, собственные цели, исполнительность, благочестивость, ответственность («нравственность»). Описательная сила фактора – 35,1%

Третий фактор – склонность прощать. Описательная сила фактора – 5,5%

В массовом бессознательном молодежи Кудымкара выделяются две латентных ориентации на данные базовые ценности, выступающие в качестве руководящего принципа:

Первый фактор – самодостаточность, сдержанность, целеустремленность, толерантность, скромность, защита окружающей среды, принятие жизни, исполнительность, полезность для общества, наслаждение жизнью, удовлетворение желаний. Описательная сила фактора – 49%.

Второй фактор – влияние, благочестие, имидж. Описательная сила фактора – 25,5%.

В результате сравнения выделенных факторов обозначились следующие характеристики: в сознании молодежи Кудымкара преобладает ориентация на общество и окружающую среду, в то время как пермская молодежь в большей мере ориентирована на себя, что может свидетельствовать о более высоком уровне социального капитала по данному показателю в Кудымкаре.

Социальные условия, в которых формируется социальный капитал, например, социально-экономическое развитие города или условия для самовыражения и самореализации разного рода, не только сказываются на накоплении социального капитала, но могут стать причиной его угасания.

В ходе исследования была выдвинута следующая гипотеза: «Молодёжь, обладающая большим объемом и качественно более высоким уровнем социального капитала, в большей степени стремится уехать из родного города, поскольку не удовлетворена условиям для трудовой и творческой самореализации и развития». Для проверки данной гипотезы был проведен анализ, направленный на поиск связи через коэффициент Спирмена. В результате ни в ответах респондентов из Перми, ни в ответах респондентов из Кудымкара подобной связи выявлено не. Следовательно, большой объем и качественно более высокий уровень

социального капитала не влияет на стремление уехать из родного города из-за неудовлетворенности условиями для самореализации.

Еще одним показателем социального капитала является брачное положение человека. Как показало исследование, большинство респондентов обоих городов не состоят в официальном или гражданском браке. То же можно сказать и о проценте респондентов, состоящих в браке. Если в Перми 11.1% участников опроса состоят в официальном браке и 8,9 % – в гражданском, то в Кудымкаре – 25,5 % и 18,8 % соответственно. Однако в Перми показатель социального капитала выше и составляет 73,3 %, в то время как в Кудымкаре – 53.3 %.

Стоит обратить внимание и на то, что наличие в семье детей потенциально увеличивает ее социальный капитал, однако этого нельзя сказать о респондентах города Пермь, поскольку из всех ответивших лишь 8,9 % имеют одного ребенка, а у 91,1% детейнет. Другая картина описывает ситуацию в Кудымкаре: в этом городе 2,4% представителей молодежи воспитывают 3 и более детей, 8.9 % – 2 детей, и 24,4 % – 1 ребенка. Поэтому присутствие детей в семьях можно рассматривать как позитивное условие для развития социального капитала молодежи Кудымкара.

Таким образом, молодежь городов Пермь и Кудымкар обладает невысоким объемом социального капитала, однако он выше среди ответов респондентов из Кудымкара. Возможно этот факт связан с тем, что в Кудымкаре меньше обезличенного взаимодействия между людьми, так как социальные связи у них теснее за счет личного знакомства жителей маленького города друг с другом. Имеет значение и преобладание во многих семьях традиционной модели семейных отношений, которая диктует патриархальные ценности, в том числе формирует у молодежи ориентиры на доверие к людям в целом.

Библиографический список

1. *Гужавина Т. А.* Социальный капитал региона как фактор модернизации // Проблемы развития территории. 2016. № 1(81). С. 130–144.
2. *Лапин Н. И., Беляева Л.А.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М., МФРАН, 2010. 135 с.
3. *Лебедева Н. М., Татарко А. Н.* Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 527 с.
4. *Федотова В. А.* Ценности, экономические установки и социальный капитал представителей Перми и Пермского края. Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2017. 160 с.

5. *Немировский В. Г.* Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края. Красноярск: Сибирский федеральный университет. 2011. 159 с.
6. Методика Ш. Шварца (Ценностный опросник (ЦО) Шварца. / Тест ценности Шварца). URL: <http://psycabi.net/testy/322-test-tsennosti-shvartsa-tsennostnyj-oprosnik-tso-shvartsa-metodika-shvartsa> (дата обращения: 10.12.18).

SOCIAL CAPITAL OF YOUTH (ON THE EXAMPLE OF COMPARISON OF PERM AND KUDYMKAR)

Ganitseva Ksenia Igorevna

Perm State University, 15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia, ksusha.ganitseva.11@mail.ru

Social capital is a powerful source of development not only at the individual level, but also within such entities as the region. A special component of the social capital of a region is such a category of the population as youth, since it is this group that is able to significantly influence its condition, and therefore it is important to understand the state of social capital, the ways of its formation, and the factors influencing it. The main research question is to determine and compare the state of the social capital of young people from Perm and Kudymkar through indicators such as value orientations, level of trust, involvement in various organizations and social networks. According to the results of the study, it can be said that the youth of both cities does not have a sufficiently high level of social capital. However, some indicators of elements of social capital were higher among respondents in Kudymkar.

Key words: social capital, region, youth, elements of social capital, values, social networks, involvement in organizations, trust.

References

1. *Guzhavina, T. A.* “Regional social capital as a modernization factor”, *Problemy razvitiya territorii*. [Problems of territory’s development] 2016. № 1(81), p. 130–144.
2. *Lapin N.I., Beljaeva, L. A.* Programma i tipovoj instrumentarij “Sociokul'turnyj portret regiona Rossii” (Modifikacija – 2010). [Program and standard tools “Socio-cultural portrait of the region of Russia” (Modification - 2010)] MFRAN. Moscow. Russia. 2010. 135 p.
3. *Lebedeva N. M., Tatarko A. N.* Tsennosti kul'tury i razvitie obshhestva. SU HSE. Moscow. Russia. 2007. 527 p.
4. *Fedotova V. A.* Tsennosti, ekonomicheskie ustanovki i social'nyj kapital predstavitelej Permi i Permskogo kraja [Values, economic attitudes and social capital of the representatives of Perm and the Perm Region], SibAK, Novosibirsk, Russia. 2017. 160 p.
5. *Nemirovskij V. G.* Social'naja struktura i social'nyj kapital naselenija Krasnojarskogo kraja [Social structure and social capital of the population of the Krasnoyarsk region]. Siberian Federal University, Krasnojarsk. Russia. 2011. 159 p.

6. Methodology of Schwartz Schwartz (Valuationquestionnaire (CO). / Schwartzvaluetest).URL: <http://psycabi.net/testy/322-test-tsennosti-shvartsa-tsennostnyj-oprosnik-tso-shvartsa-metodika-shvartsa> (dateaccessed: 10.12.2018).

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

УДК 314.6

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В НУКЛЕАРНОЙ И РАСШИРЕННОЙ СЕМЬЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Жуланова Елена Александровна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15, zhulanova121@gmail.com

Традиционно семья передавала молодому поколению те гендерные нормы, роли и ценности, которые способствовали укреплению института семьи и брака. Сейчас, вследствие кризиса семьи, этот социальный опыт передается не в полной мере, что только делает положение семьи еще более сложным, что придает изучению этого феномена большую значимость. В статье рассматриваются итоги качественного исследования по данной проблематике с опорой на метод глубинного интервью. Выборка состояла из 8 человек: юношей и девушек в возрасте от 18 до 30 лет, которые воспитывались в расширенных и нуклеарных семьях. При анализе качественных данных была использована обоснованная теория Б. Глейзера и А. Страуса. Были сделаны следующие выводы: гендерная социализация в нуклеарной и расширенной семье имеет как сходства, так и различия. Гендерные нормы, роли, ценности и стереотипы у юношей и девушек из нуклеарных и расширенных семей различаются. Полученные данные говорят о большей подвижности гендерных норм и стереотипов относительно женщины и девочки, а вот по отношению к мужчинам и мальчикам общество настроено более консервативно.

Ключевые слова: гендер, гендерная социализация, гендерные стереотипы, нуклеарная семья, расширенная семья.

Гендерная социализация – сложный, многосторонний процесс, начинающийся с рождения ребенка, где семья выступает в качестве главного первичного агента социализации. Именно от родителей в большей степени зависит, насколько успешно пройдет гендерная самоидентификация ребенка, с последующим его включением в общество.

В настоящее время институт семьи переживает кризис вследствие происходящих в обществе изменений: так, по мнению Вильяма Гуда [2], урбанизация и индустриализация отрицательно отразились на семье, поскольку общественные институты частично берут на себя функцию воспитания и социализации детей. Тем самым семейная структура становится все более дезорганизованной, то есть возрастает количество конфликтных ситуаций в семье, что приводит к росту разводов. Меняется тип семьи: на первый план выходит нуклеарная семья, замещая собой расширенную, это приводит к утрате традиционных семейных ценностей, которые ранее обеспечивали стабильность общества. Процесс нуклеаризации семьи усиливается, вырастает поколение, которое сформировалось в нуклеарных семьях и

получило в этой связи специфический опыт. Поэтому проблемой является то, что современной семье все сложнее обеспечивать полноценную социализацию, в том числе и гендерную, и в полной мере передавать все необходимые гендерные нормы, роли и ценности подрастающему поколению, что, в свою очередь, приводит к усилению кризиса института семьи и брака.

Для расширенной семьи характерны: ориентация на традиционные гендерные роли и ценности; авторитарный тип воспитания; игнорирование природных особенностей ребенка; обеспечение государства определенным гендерно-социализированным типом граждан. Для нуклеарной семьи характерны: недостаточность гендерной социализации; изменение гендерных моделей поведения; сглаживание полоролевых различий мужчины и женщины; предоставление свободы выбора гендерной идентичности ребенку; учет индивидуальных особенностей; отсутствие давления на психику ребенка при традиционно «недопустимом» гендерном поведении; игнорирование гендерных стереотипов.

Подходы к определению понятия социализации как социального феномена различны. С точки зрения Т. Парсонса, социализацию следует рассматривать как интернализацию культуры общества, в котором родился ребенок. А. В. Мудрик понимает ее как развитие и самореализацию человека на протяжении всей его жизни в процессе усвоения и воспроизводства культуры общества. П. Бергер и Т. Лукман рассматривали социализацию как конструирование социальной реальности. О. А. Воронина – как процесс присвоения «гендерной субкультуры» индивиду. Значительный вклад в изучение этого феномена внесли психологи Ч. Х. Кули, Дж. Мид, З. Фрейд, которые рассматривали процесс социализации «изнутри», исходя из процессов, происходящих в человеке, представив теории развития личности, «зеркального я», «обобщенного другого», комплексы «Эдипа и Электры». В психологии также были разработаны концепция гендерной социализации и ее этапов (Дж. Мид, З. Фрейд и Э. Эриксон).

На этой теоретической базе мною было проведено качественное исследование гендерной социализации в современных традиционных и нуклеарных семьях. Поскольку сейчас происходит процесс нуклеаризации, все большее количество семей стремятся жить отдельно от своих родителей, они разделяют современные семейные ценности, пересматривают традиционное распределение гендерных ролей. Объектом исследования были выбраны юноши и девушки, которые воспитывались в традиционных и нуклеарных семьях, для того, чтобы сравнить присущие им гендерные нормы, роли и ценности. Цель исследования состояла в выявлении особенностей гендерной социализации юношей и девушек, которые воспитывались в традиционных и нуклеарных семьях. Предполагалось,

что гендерная социализация в семье влияет на гендерные установки, роли, нормы и ценности.

В качестве метода сбора информации использовалось глубинное интервью. Выборка состояла из 8 юношей и девушек в возрасте от 18 до 30 лет, которые воспитывались в расширенных и нуклеарных семьях. При работе с данными была использована обоснованная теория (восхождение к теории) Б. Глейзера и А. Страуса.

По итогам проведенного исследования был сделан ряд выводов о различиях в гендерной социализации в названных типах семей. Так в расширенной семье девушки в меньшей степени помогают по дому, в отличие от девушек из нуклеарной семьи, которые имеют больше опыта в уборке, стирке и глажке, поскольку выросли без помощи и заботы бабушек. В нуклеарных семьях оба родителя уделяют много времени работе, и у них не остается сил и желания на домашние хлопоты, поэтому они перекладывают часть этих дел на своих детей. Но, стоит отметить, что все четыре девушки упомянули, что работа по дому им не приносит удовольствия, что они с радостью бы ее не делали «(1.72) *я не люблю прибираться*», «(7.35) *я вообще не хотела все это делать*», «(8.36) *гладить и готовить до сих пор не люблю*».

Мальчиков вовлекают и в традиционно «мужские» виды работ, и в традиционно «женские», причем мальчики занимаются чаще «женскими» домашними делами: уборка, стирка и готовка. Предполагалось, что в расширенной семье мальчики в основном будут помогать папе и дедушке в «мужской» работе по дому: починить мебель, помочь в ремонте машины или в строительстве, а «женские» виды работ они будут выполнять в меньшей степени. Но как оказалось, и в расширенной семье, и в нуклеарной мальчиков приучали к обоим видам работ. Они помогали папе в строительстве и ремонте, а маме помогали с уборкой и готовкой. Кроме того, особого нежелания выполнять домашнюю работу никто из юношей не высказывал, в отличие от девушек, даже более того, они чаще говорили о любви к готовке.

Информанты из расширенных семей придерживаются традиционного распределения гендерных ролей, информанты из нуклеарных придерживаются равноправия и равного распределения обязанностей. Традиционное распределение гендерных ролей предполагает, что мужчина является главой семьи, вносит в семью большой денежный вклад, думает в большей степени о своей карьере, а не о семье, он старше жены, в свою очередь женщина должна заниматься домашним хозяйством, воспитывать детей.

Среди семейных ценностей у юношей и девушек из расширенных семей преобладают взаимопонимание, любовь, доверие, комфорт и дети, у юношей и девушек из нуклеарных семей – комфорт, взаимопонимание и деньги. Гендерные нормы у обеих групп схожи, но

имеют различия: юноши и девушки из нуклеарных семей более лояльно относятся к разводам, абортам, чайлдфри и считают, что вступать в брак стоит в чуть более позднем возрасте. В среднем количество желаемых детей в обеих группах – трое.

Далее рассмотрим отношение к гендерным стереотипам. В нуклеарных семьях и у юношей, и у девушек меньше гендерных стереотипов. Большинство информантов из расширенных семей согласились со стереотипами о том, что женщины более эмоциональны, чем мужчины, и о том, что мужчина должен больше зарабатывать. В нуклеарных семьях информанты в большей степени либо отвергали стереотипы, либо рассматривали их с двух сторон, уточняя, что нельзя однозначно сказать, соглашаться ли со стереотипом или нет. Все информанты не согласились со стереотипом, что увлечения и хобби должны иметь гендерную дифференциацию.

Помимо различий бы выявлены сходства в сценариях гендерной социализации:

В расширенных семьях родители, с одной стороны, стараются научить дочек быть девочками «(1.65) *часто мама говорила о том, что ты же девочка, ты должна носить юбки*», «(2.35) *У меня было очень много платьев, мне мама покупала постоянно*». С другой стороны родители проявляют лояльность и предоставляют им свободу в выборе увлечений и игр. Они поддерживают своих дочек, если они выбирают «девчачьи» игры «(2.65) *с сестрой играли в посудку, например, домики строили*», либо выбирают игры для мальчиков «(1.132) *не любила барби, я любила машинки*», «(1.133) *мне подарили на день рождение пистолет*». В таких семьях стараются научить девочек быть девочками, но делают это мягко, направляя, подсказывая, учитывая их интересы и увлечения.

К мальчикам относятся не так лояльно. Запреты более категоричны, в отличие от девочек, которым преподносили гендерные образцы поведения в форме рекомендаций. В расширенных семьях мальчиков учили не плакать, быть смелыми и сильными. Им часто говорили, что «(3.63) *парни не должны плакать*», «(3.63) *ты мальчик, ты мужик, не плачь*».

В нуклеарных семьях родители лояльно относятся к дочерям, они не навязывают им модели и образцы поведения, а отталкиваются от интересов самого ребенка: «(8.57) *Мне никогда не говорили, что машинки для мальчиков, я могла спокойно выбирать любые игры*», «(8.54) *Мне нравилось играть в куклы или в игры на улице, догонялки*». С одной стороны, это может говорить о нежелании родителей навязывать своим дочерям традиционные, иногда стереотипные модели поведения, чтобы не ограничивать их, предоставляя относительную свободу выбора и действий. С другой стороны, это может говорить о недостатке времени у родителей на воспитание своего ребенка. Им проще разрешить что-либо, чем объяснить, почему девочки не должны так себя вести.

Мальчиков же воспитывают в определенной строгости, их также учат не плакать и быть сильными и мудрыми, как и в расширенной семье, но при этом относятся с пониманием: «(6.43) *довольно мудро подходили*», «(6.42) *меня не критиковали, понимали*», «(6.71) *папа мне, не то чтобы запрещал, критиковал за это*». Несмотря на то, что мальчик может равнодушно относиться к играм для мальчиков, родители принимают его таким, не навязывали то, что ему не нравится «(6.60) *активные игры мне не особо нравилось*», «(6.60) *Я не любил футбол. Очень не любил*».

Таким образом, в расширенных и нуклеарных семьях передают традиционные гендерные модели поведения, при этом мальчикам транслируют эти модели в более жесткой и бескомпромиссной форме, нежели девочкам. В нуклеарных семьях родители в большей степени учитывают интересы ребенка, но для мальчиков все равно есть свод правил, к которым их родители стремятся приучить.

Еще одним аспектом гендерного воспитания является выбор будущей профессии. Существует привычное разделение на «мужские» и «женские» профессии. Традиционно мужскими считаются профессии, связанные с тяжелым физическим или умственным трудом, например, шахтер, электрик, руководитель предприятия. К женским чаще всего относят такие профессии, как продавец, учитель, уборщица. Мы предполагали, что в нуклеарных семьях гендерное разделение профессий не будет оказывать сильного влияния на отношение к выбору будущей профессии ребенком, и, соответственно, в расширенных семьях родители будут негативно относиться к профессиям, которые, по их мнению, не подходят их ребенку.

В выборе будущей профессии ребенка родители в расширенной семье отталкиваются от традиционного разделения профессий. Юношей убеждают выбирать более высоко оплачиваемые профессии, девушек в выборе сильно не ограничивают, поскольку они и так часто выбирают «женские» профессии. В нуклеарных семьях родители предоставляют свободу выбора профессии как девочкам, так и мальчикам. Но мальчикам чаще дают советы и рекомендации, направляя их.

Что касается представлений об идеальных типах мужчины и женщины, то в расширенных семьях преобладает традиционное представление: мужчина – сильный, мужественный, ответственный, обеспечивает семью, умеет сдерживать свои эмоции; женщина – красивая, добрая, домашняя, спокойная, хозяйственная. В нуклеарных семьях: мужчина – любящий, надежный, верный, смелый, учитывает мнение женщины; женщина – заботливая, эмоциональная, хозяйственная, любящая, порядочная.

Юноши и девушки из расширенных семей, которые соглашались со стереотипами «женщины более эмоциональны, чем мужчины» и «мужчина должен больше зарабатывать», выделяли следующие женские качества: «эмоциональная» и «хозяйственная», а среди

мужских – «сдерживает свои эмоции» и «обеспечивает семью». У юношей и девушек из нуклеарных семей такую связь проследить не удалось, поскольку они в большей степени отвергают гендерные стереотипы, и, называя типичных в своем представлении мужчину и женщину, уточняли, что каждый человек уникален и является неповторимой личностью, поэтому тот собирательный образ, который они выстраивали – это их личное идеализированное представление.

Таким образом, гендерная социализация в нуклеарной и расширенной семье имеет больше сходства, чем различий. Но гендерные нормы, роли, ценности и стереотипы у юношей и девушек из нуклеарных и расширенных семей различаются. Полученные данные говорят о большей подвижности гендерных норм и стереотипов относительно женщины и девочки, а вот по отношению к мужчинам и мальчикам общество настроено более консервативно.

Библиографический список

1. *Бем С.* Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 336 с.
2. *Гурко Т. А.* Теоретические подходы к изучению семьи: 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт социологии РАН, 2016. 210 с.
3. *Гурко Т. А.* Особенности развития личности подростков в различных типах семей//Социологические исследования. №3. 1996. С. 81–90.
4. *Ильин Е. П.* Пол и гендер. СПб.: Питер, 2010. 688 с.

PECULIARITIES OF GENDER SOCIALIZATION IN NUCLEAR AND EXTENDED FAMILY: A COMPARATIVE ANALYSIS

Zhulanova Elena Aleksandrovna

Perm State University, 15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia, zhulanova121@gmail.com

Traditionally, the family passed on to the younger generation those gender norms, roles and values that contributed to the strengthening of the institution of family and marriage. Now, due to the crisis of the family, this social experience is not fully transmitted, which only makes the situation of the family even more difficult, therefore the study of this phenomenon is so necessary. A qualitative study was conducted. In-depth interview was used as a method of collecting information. The sample consisted of 8 people: boys and girls aged from 18 to 30 years old who were brought up in extended and nuclear families. In the analysis of qualitative data, the well-grounded theory of B. Glaser and A. Straus was used. The following conclusions were made. Gender socialization in the nuclear and extended family has both similarities and differences. Gender norms, roles, values and stereotypes among young men and women from nuclear and extended families differ. The data obtained indicate a greater mobility of gender norms and stereotypes regarding women and girls, but society is more conservative with respect to men and boys.

Keywords: gender, gender socialization, gender stereotypes, nuclear family, extended family.

References

1. *Bem S.* Transformatsija vzgljadov na problemu neravenstva polov. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2004. 336 p.
2. *Gurko T. A.* Teoreticheskie podhody k izucheniju sem'i. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2016. 210 p.
3. *Gurko T. A.* "Features of the development of the personality of adolescents in various types of families" // Sociological Studies. 1996. №3. P. 81–90.
4. *Ilyin E. P.* Poligender. St. Petersburg: Peter, 2010. 688 p.

ЖЕНСКОЕ VS МУЖСКОЕ: ДОМАШНЕЕ ДВОРЯНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Михайлова Анна Александровна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15, mihailovaanna1312@yandex.ru

Домашнее дворянское образование в первой половине XIX века постепенно прижилось на российской почве. В настоящей статье рассматривается феномен домашнего дворянского образования и его отличия от предыдущего столетия в плане гендерного образования. Характерными чертами домашнего образования стало растущее число дворянок, интересующихся личностным развитием, что способствовало росту популярности женских мемуаров, которые становятся важным источником в изучение истории домашнего дворянского образования.

Ключевые слова: дворянское домашнее образование, гувернеры, гувернантки, первая половина XIX века, гендерное образование.

Такое явление как «российское домашнее дворянское образование» прочно укрепилось на национальной почве в первой половине XIX века. При относительно большом массиве государственных и частных образовательных институций дворянское сословие предпочитало обучать детей дома. XVIII век требовал от дворянина не столько проявлений индивидуальности, сколько соответствия определенной модели личности. Следующее столетие внесло коррективы в характер обучения: детям помимо образования стремились дать хорошее воспитание, правила светского этикета были заложены в умы юных дворян и дворянок с малого возраста [1]. Буквально за полвека в России (с 1800 по 1850-е гг.) произошли существенные изменения в женском дворянском образовании. В качестве воспитателей и учителей у дворянских детей появляются гувернеры и гувернантки разного профиля, меняется отношение к домашнему образованию. Этому вопросу посвящено немало исследований (публикации М. А. Барашева [2], В. М. Боковой [3], В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой [4], А. И. Филиной [5], Р. Г. Резакова и М. А. Мазаловой [6]).

Основой источниковой базы и главным подспорьем в исследовании являются источники личного происхождения, к которым относятся мемуары, записки, воспоминания. Это субъективные источники, которые, тем не менее, отражают типичную картину своей эпохи. Подробный нарратив современников о женском домашнем образовании присутствует в воспоминаниях А. К. Лелонг [7], А. П. Керн [8], Е. Н. Водовозовой [9], Н. А. Тучковой-Огаревой [10]. Описание мужского домашнего дворянского образования также находит

место в записках современников (мемуары С. М. Волконского [11], Д. В. Веневитинова [12], А. М. Фадеева [13]).

Методологическую основу работы составляют транснациональные и социокультурные подходы (концепция культурных трансферов, культурных поворотов [14]). Транснациональный подход нацелен на изучение новых форм и практик межкультурного взаимодействия, которое пытается стереть национальные и политические границы. Само исследование межкультурных коммуникаций и взаимодействий такого рода позволяет сформировать представления о социокультурном феномене транснационального, воплощающем себя в новых культурных практиках, идентичностях, новых агентах культурных трансформаций и деятельностных контекстах [15]. Благодаря транснациональному подходу были изучены формы взаимного влияния культур друг на друга, в частности европейской и русской (теория культурного трансфера) [16]. Диалогу культур в контексте истории уделила внимание Л. П. Репина в исследовании «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.» [17]. Обращая внимание на «культурные трансферы», межкультурные контакты, Лорина Петровна говорит о том, что «понятие «диалог культур» подразумевает не только пространственную, языковую, этническую, социальную, но и темпоральную, историческую дистанцию между коммуникантами» [17, с. 270].

Влияние гувернеров на подопечных можно считать партнерским взаимодействием. Зачастую было так, что европейцы, сами того не подозревая, «внедряли» свои манеры и свой этикет в российское общество. Тем самым происходила рецепция иностранных культурных норм, которые адаптировались к местным условиям. Но был и обратный эффект, и российская культура, пусть и фрагментарно, проникала в «умы» иностранцев.

Рассмотрим ситуацию в образовательной среде первой половины XIX в. Французская революция дала толчок к развитию идеи всеобщего и бесплатного начального образования. Концепция народного образования, способствующего формированию образованных и воспитанных граждан, была воспринята многими представителями высшего сословия. Педагогические идеи этого времени, пополненные концепциями французской революции о народном образовании, составили прогрессивное направление педагогической мысли России в начале XIX века [18, с. 10].

В первой половине XIX в. домашнее образование было «частным учением», которым увлекалось лишь дворянское сословие. Дворяне были недовольны качеством преподавания в государственных учреждениях, многие поместья зачастую находились вдали от образовательных центров, наконец, в связи с необходимостью приобретения чинов, дворянство стремилось к «укороченному образованию» [19]. Негативное отношение к домашнему дворянскому образованию сложилось у А. С. Пушкина, утверждавшего: «В

России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное. Ребенок окружен одними холопами, видит гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается знанием двух-трех языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-либо нанятым учителем» [21,с. 44]. Близким к этому суждению было мнение В. Ф. Одоевского – домашнее образование он называл «часто нелепым и всегда односторонним», следы которого «остаются большей частью неизгладимыми» [22,с. 120]. И все же несмотря на минусы домашнего образования, из среды просвещенного дворянства в первой половине XIX века вышло немало тех, кто был действительно хорошо образован и воспитан.

В середине XIX в. женщины начинают бороться за доступ к высшему образованию, что было связано с ростом уровня самооценки женщин, с их растущим интересом к делам общества, с формированием потребности служить и работать на благо интересов людей. Тогда как в начале XIX в. домашняя образовательная среда для женщин была недостаточно развитой, хотя встречались и исключения. Иногда девушки могли получить образование такого уровня, что даже публичные мужчины той поры могли бы им позавидовать. Очень многое в этом вопросе зависело от выбора гувернера / гувернантки. Например Г. С. Винский, учитель пятнадцатилетней Натальи Сергеевны Левашовой из Уфы свидетельствовал, что она за два года обучения освоила французский язык; могла перевести без словаря произведения французских мыслителей Гельвеция, Руссо, Мабли; грамотно писала письма; в сферу ее интересов входила древняя и новая история, география и мифология [20].

Цели и качество обучения зависели в равной мере как от учителей, так и от установок на образование в семье. Например, Прасковья Осипова (урожденная Вындомская) воспитывала своих дочерей в имении так, что они стали литературно образованными людьми, владеющими французским и английским языками.

Практически в жизнь каждого дворянина или дворянки в обучение детей внесли свою лепту родители. Так по воспоминаниям композитора Юрия Карловича Арнольда, с малых лет его воспитанием занимались родители и тетушки [23, с. 198]. На первоначальном этапе родители всегда пытались самостоятельно обучить детей, но из-за отсутствия знаний и опыта, поручали образование своих детей тем, у кого была соответствующая квалификация. Елизавета Николаевна Водовозова, вспоминая детство своих братьев, пишет о том, что одному из них мать дала отличное образование: «Своего любимца Николая она оставила дома и дала ему блестящее, по понятиям того времени, первоначальное образование, для чего на первом плане требовалось усвоение нескольких иностранных языков. Сама же лично

она более всего старалась привить ему страстную любовь ко всему польскому и к чтению книг. Она вполне достигла своей цели» [9, с. 12].

Алексей Николаевич Вульф, говоря о том, как его воспитывала мать, пишет обратное, утверждая, что методы в обучении, которые она применяла, были неправильны и бесполезны. Она не имела образования, необходимых знаний, которые могли бы способствовать в действенном обучении: «Что же может выйти хорошего, когда мы, вместо постепенного, систематического учения, занимаемся разными предметами на выдержку, как на счастье берут лотерейные нумера? Так было и со мною. Я учился, учился и только, без отдыха, без пользы» [24, с. 26]. Домашнее обучение полностью отбило у юноши интерес к учебе, он отказывался видеть в нем какую-то пользу.

Льва Николаевича Толстого воспитание матери не коснулось, она умерла в раннем возрасте. Но его старшим братьям мать пыталась дать знания, которыми обладала сама: «Жизнь матери проходила в занятиях с детьми, в вечерних чтениях вслух романов для бабушки и серьезных чтениях, как “Эмиль” Руссо для себя и рассуждениях о читанном, в игре на фортепиано, в преподавании итальянского одной из теток, в прогулках и домашнем хозяйстве» [25, с. 25]).

Каковы были существенные отличия в обучении юных дворян и дворянок, характерные признаки образования юного поколения? Первое, на что стоит обратить внимание, это то, что, во многих семьях был сделан упор на военное дело. В отличие от женского воспитания, где, особенно в бедных семьях, девочек обучали шитью и рукоделию, учение юношей «базировалось на строго патриархальной основе, сопряженной с христианскими ценностями» [26, с. 45]. Так, например, происходило в семье Н. Н. Муравьева. Дети с ранних лет усваивали значение обрядов и догматов Православной Церкви. В их семье существовал обычай, повторяющийся из поколения в поколение – хождение на Святое Причастие родителей вместе с детьми. В системе воспитания Н. Н. Муравьева присутствовала главная триада – уважение наук, стремление к самосовершенствованию и любовь к труду. Дети воспитывались в строгих правилах, не привыкая к роскоши и богатству, довольствовались самой обычной пищей. Когда Н. Н. Муравьев оказался у великого князя Константина Павловича, то потом отметил: «...Обычная праздная жизнь их не соответствовала нашим понятиям об обязанности и трудолюбии, в коем были воспитаны...» [27, с. 54]. Такое жесткое воспитание помогало привыкнуть к военной службе, к испытаниям во время военных действий. Мальчиков также обучали светскому этикету, правилам хорошего тона, танцам и музыке.

В семье Муравьевых дети получили по тем временам хорошее образование. Упор был сделан на математические и военные дисциплины с уклоном на естественнонаучное

направление. Н. Н. Муравьев обучал детей алгебре, геодезии, фортификации, тактике, картографии, баллистике, истории. В семье также проживал гувернер-француз Гато, преподававший латынь, арифметику, геометрию и географию. Помимо него в дом приглашались учителя, которые вели занятия по астрономии, физике, химии, экономике, статистике, правоведению. Гувернер англичанин Э. Лоост учил английскому, с отдельными учителями дети совершенствовались в родном языке, а также во французском и немецком [26, с. 44; 28, с. 162]. Широкий спектр дисциплин говорит о действительно достойном уровне образования в данном семействе, которое можно сравнить с преподаванием в государственных учреждениях.

Представляется, что главное отличие в гендерном домашнем воспитании дворян заключалось в преподавании дисциплин, связанных с военным делом, формирование в молодых людях мужественности, храбрости. Остальные предметы не отличались от тех, которым обучали женщин: юношам преподавалась и музыка, и танцы. Для дворян это было веянием моды. Это было типично на протяжении всего XIX в. В танцклассах юные дворяне и дворянки обучались не только этикету, манерам, но и искусству флирта [29, с. 19].

Образование девушек было все же более поверхностным и значительно чаще, чем для юношей, домашним. В основном в перечень обязательных, по мнению родителей, дисциплин входило изучение иностранных языков (чаще всего французского или немецкого), хорошее умение применять их в своей среде, а также начальные знания по истории, географии, словесности и мифологии, а также танцы, рисование, пение, музыка. Иногда с началом выездов девушек в свет обучение прекращалось.

Культурные трансферы являются главным импульсом роста числа образованных дворянок. Популярность гувернеров и гувернанток, распространение просветительских идей послужили основными факторами развития гендерного дворянского образования. Иностранные гувернёры и гувернантка прививали своему воспитаннику нормы, свойственные их собственной национальной культуре. Поэтому черты российской культуры в дворянских семьях уходили в тень. В тех семьях, где было несколько учителей, воспитанник в процессе аккультурации заимствовал черты, характерные для нескольких культур.

Библиографический список

1. Царикаева С. С. Рождение дворянской благовоспитанности и домашнее воспитание русского дворянина в XVIII-XIX вв. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2008. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rozhdenie-dvoryanskoy-blagovospitannosti-i-domashnee-voospitanie-russkogo-dvoryanina-v-xviii-xix-vv> (дата обращения: 05.04.2019).

2. *Барашев М. А.* Домашнее воспитание в русской дворянской семье второй половины XVIII–начала XIX вв. // Вопросы образования. 2010. № 1.
URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13920101> (дата обращения: 02.04.2019).
3. *Бокова В. М.* Отроку благочестие блюсти...: Как наставляли дворянских детей. М., 2010. 248 с.
4. *Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б.* Русское женское образование в XVIII – начале XX вв.: приобретения и потери // Мир истории. Электронный журнал. 2000. № 6.
URL: <https://www.studsell.com/view/154722/> (дата обращения: 05.04.2019).
5. *Филина А. И.* Особенности воспитания в дворянских семьях XVIII–XIX века // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 2. URL: <http://human.snauka.ru/2017/02/16739> (дата обращения: 16.04.2019).
6. *Резаков Р. Г., Мазалова М. А.* Развитие идей воспитания элиты в семейной педагогике XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. 2012. № 1. С. 97–105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17993460> (дата обращения: 01.04.2019).
7. *Лелонг А. К.* Воспоминания // Русский архив, 1913, № 6. С. 802–833.
8. *Керн А. П.* Воспоминания. Дневники. Письма. М., 1989. С. 10–29.
9. *Водовозова Е. Н.* На заре жизни. М., 1987. С. 5–27.
10. *Тучкова-Огарева Н. А.* Воспоминания. М., 1959. С. 21–37.
11. *Волконский С. М.* Мои воспоминания: В 2 т. М., 1992. С.16–34.
12. *Веневитинов Д. В.* Полное собрание сочинений. СПб., 1862. С. 9–31.
13. *Фадеев А. В.* Воспоминания. 1790–1867 гг. В 2 ч. Одесса, 1897. С. 8–35.
14. *Алексеева Т. А.* Химеры страны Оз: «культурный поворот» в теории международных отношений // Международные процессы. 2012. № 3. С. 4–19.
URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19060550> (дата обращения: 20.04.2019).
15. *Островская Е. А.* Транснациональные пространства глобальных межкультурных взаимодействий: методология социологического изучения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 2. С. 168–188.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transnatsionalnye-prostranstva-globalnyh-mezhkulturnyh-vzaimodeystviy-metodologiya-sotsiologicheskogo-izucheniya> (дата обращения: 25.04.2019).
16. *Дмитриева Е.* Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 302–313. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/dm16.html> (дата обращения: 01.04.2019).

17. *Ретина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 270 с.
18. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М., 1987. 560 с.
19. *Сергеева С. В.* Домашнее образование в России в первой половине XIX в. М., 2003. 447 с.
20. *Винский Г. С.* Записки Г. С. Винского // Русский архив, 1877. Кн. 1. С.76-123.
21. *Пушкин А. С.* О народном воспитании // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1949.
22. *Одоевский В. Ф.* Избранные педагогические сочинения. М., 1955. 366 с.
23. *Арнольд М. К.* Воспоминания. (1819-1833) // Голос минувшего. 1917. № 2. С. 194-224.
24. *Вульф А. Н.* Дневники (любовный быт Пушкинской эпохи). Ред. и вступит, статья П. Е. Щеголева. М., 1929. 448 с.
25. *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1. М., 1996.
26. *Кропотов Д. А.* Жизнь Графа М.Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. СПб., 1874. 554 с.
27. *Муравьев-Карский Н. Н.* Записки // Русский архив. 1885. № 9.
28. *Муравьев А. Н.* Сочинения и письма. Иркутск, 1986. 448 с.
29. Ушедшая Москва. Воспоминания современников о Москве второй половины XIX века. М., 1964. 430 с.

WOMENVERSUSMEN: HOMENOBLEEDUCATION IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Mihailova Anna Aleksandrovna

Perm State University, 15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia, mihailovaanna1312@yandex.ru

In the first half of the 19th century, the noblemen's education at home gradually took root on Russian soil. This article examines the phenomenon of home schooling and its differences from the previous century in terms of gender education. A large number of noblewomen interested in personal development became the characteristic features of home education, which contributed to the increase of women's memoirs, which make an invaluable contribution to the history of home noble education.

Key words: noble home education, governors, governess, the first half of the XIX century, gender education.

References

1. *Tsarikaeva S. S.* Rozhdenie dvoryanskoi blagovospitannosti i domashnee vospitanie russkogo dvoryanina v XVIII-XIX vv// Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo. 2008. № 9.URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/v/rozhdenie-dvoryanskoy-blagovospitannosti-i-domashnee-vospitanie-russkogo-dvoryanina-v-xviii-xix-vv> (data accessed: 05.04.2019).
2. *Barashev M. A.* Domashnee vospitanie v russkoi dvoryanskoi sem'e vtoroi poloviny XVIII–nachala XIX v. // *Voprosy obrazovaniya*. 2010. № 1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13920101> (data accessed: 02.04.2019).
 3. *Bokova V. M.* Otroku blagochestie blyusti...: Kak nastavlyali dvoryanskikh detei. M., 2010. 248 p.
 4. *Ponomareva V. V., Horoshilova L. B.* Russkoe zhenskoe obrazovanie v XVIII – nachale XX vv.: priobreteniya i poteri// *Mir istorii. Elektronnyi zhurnal*. 2000. № 6. URL: <https://www.studsell.com/view/154722/> (data accessed: 05.04.2019).
 5. *Filina A. I.* Osobennosti vospitaniya v dvoryanskikh sem'yah XVIII – XIX veka // *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 2017. № 2. URL: <http://human.snauka.ru/2017/02/16739> (data accessed: 16.04.2019).
 6. *Rezakov R. G, Mazalova M. A.* Razvitie idei vospitaniya elity v semeinoi pedagogike XIX veka// *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*. 2012. № 1. P. 97–105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17993460> (data accessed: 01.04.2019).
 7. *Lelong A. K.* Vospominaniya // *Russkii arhiv*. 1913. № 6. P. 802–833.
 8. *Kern A. P.* Vospominaniya. Dnevnik. Pis'ma. M.: Pravda, 1989. S.10–29.
 9. *Vodovozova E. N.* Na zare zhizni. M., 1987.S.5–27.
 10. *Tuchkova-Ogareva N. A.* Vospominaniya. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoi literatury. 1959. P. 21–37.
 11. *Volkonsky S. M.* Moi vospominaniya: V 2 t. M.: Iskusstvo, 1992. P. 16–34.
 12. *Venevitinov D. V.* Polnoe sobranie sochineniy. St. Petersburg, 1862. P. 9–31.
 13. *Fadeev A. M.* Vospominaniya. 1790–1867 gg. V 2 ch. Odessa, 1897. P. 8–35.
 14. *Alekseeva T. A.* Himery strany Oz: “kul'turnyi povorot” v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy // *Mezhdunarodnye processy*. 2012. № 3. P. 4–19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19060550> (data accessed: 20.04.2019).
 15. *Ostrovskaya E. A.* Transnatsional'nye prostranstva global'nykh mezhkul'turnykh vzaimodeystviyakh: metodologiya sociologicheskogo izucheniya//*Zhurnal sociologii i social'noi antropologii*, 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transnatsionalnye-prostranstva-globalnyh-mezhkul'turnykh-vzaimodeystviy-metodologiya-sotsiologicheskogo-izucheniya> (data accessed: 25.04.2019).

16. *Dmitrieva E.* Teoriya kul'turnogo transfera i komparativnyy metod v gumanitarnykh issledovaniyakh: oppozitsiya ili preemstvennost'? // *Voprosy literatury*. 2011. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/dm16.html> (data accessed: 01.04.2019).
17. *Repina L. P.* Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug, 2011. 270 p.
18. *Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii pervoi poloviny XIX v.* Moscow: Pedagogika, 1987. 560 p.
19. *Sergeeva S. V.* Domashnee obrazovanie v Rossii v pervoi polovine XIX v. // *Pedagogika*. 2003. 447 p.
20. *Vinskii G. S.* Zapiski G. S. Vinskogo // *Russkiy arhiv*, 1877. Kn. 1. P.76–123.
21. *Pushkin A. S.* O narodnom vospitanii // *Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.* T. 2. M., 1949.
22. *Odoevskiy V. F.* Izbrannye pedagogicheskie sochineniya. M., 1955. 366 p.
23. *Arnol'd M. K.* Vospominaniya. (1819-1833) // *Golos minuvshogo*. 1917. № 2. P. 194–224.
24. *Vulf A. N.* Dnevnik (lyubovnyi byt Pushkinskoi epohi). Red.i vstupit, stat'ya P. E. Shchegoleva. M., 1929. 448 p.
25. *Tolstoi L. N.* Sobranie sochinenii v vos'mi tomah. T. 1. M., 1996.
26. *Kropotov D. A.* Zhizn' Grafa M.N. Murav'eva v svyazi s sobyitiyami ego vremeni i do naznacheniya ego gubernatorom v Grodno. St. Petersburg., 1874. 554 p.
27. *Murav'ev-Karskiy N. N.* Zapiski // *Russkii arhiv*. 1885. № 9.
28. *Murav'ev A. N.* Sochineniya i pis'ma. Irkutsk, 1986. P.162. 488 p.
29. *Ushedshaya Moskva. Vospominaniya sovremennikov o Moskve vtoroi poloviny XIX veka.* M., 1964. 430 p.

ИЕРАРХИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: КОНФЛИКТ ИДЕОЛОГИЙ ФЕМИНИЗМА И АНТИФЕМИНИЗМА

Якутова Евгения Викторовна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15, yakutova1995@mail.ru

Традиционный гендерный порядок носит иерархический характер, что выражается в доминирующей позиции мужчины в обществе. Вместе с тем, по мере развития общества привычный иерархический уклад жизни подвергается изменениям, в котором гендерные роли и статусы оспариваются и пересматриваются. Такой пересмотр является не только результатом артикуляции и удовлетворения требований феминизма, но и зеркальных по отношению к нему требований антифеминистов. В статье обсуждается вопрос о содержании и логике развертывания идеологического конфликта между этими течениями. Феминизм (и как движение, и как идеология) рассматривается в качестве причины появления, формирования и развития антифеминистских настроений в современном обществе. Исследуются достижения последней волны феминизма и дальнейшие перспективы их развития. Рассматриваются пути выхода из кризиса, в котором на сегодняшний день находятся эти течения.

Ключевые слова: феминизм, антифеминизм, гендерное равенство, гендерные исследования, гендерная проблематика.

Вопросы гендерного равенства и социально-экономических и политических прав женщин являются значимым элементом повестки женского (феминистского) движения на протяжении многих десятилетий. Речь идет, например, о таких вопросах как представительство женщин в органах власти, уровень зарплаты женщин, гендерный контракт работающей матери, гендерные стереотипы и дискриминация женщин в сфере трудовых отношений и в семье. Перечисленные вопросы обусловлены иерархией, исторически сложившейся в обществе. Именно иерархический уклад взаимоотношений между мужчиной и женщиной становится отправной точкой конфликта, переросшего со временем в полноценные женские и мужские движения за свои права. По мере изменения и усложнения общественных отношений изменялась и повестка феминизма. Так, на начальном этапе развития этого социально-политического движения (в 1840-е–1920-е гг.) феминистки требовали равного доступа к получению образования и равных политических прав [5, 2]. На середину XX века приходится подъем второй волны феминизма, ключевую роль в которой сыграли идеи Симоны де Бовуар. В книге «Второй пол» она показала ретроспективу угнетения женщин. Данная работа стала катализатором новой волны феминизма, которой сопутствовали процессы деколонизации мира, появление различных субкультур, которые пропагандировали свою независимость от доминирующей культуры и сексуальная

революция. Основными требованиями второй волны феминизма стали преодоление дискриминации на рынке труда и в семейных отношениях. Центральным в наборе требований был вопрос о праве на равную для женщин и мужчин оплату труда. Примером политической акции такого рода является забастовка сотрудников завода «Форд» (Дагенхэм, Великобритания) в 1968 году [3]. Феминизм эпохи 1960-х – 1970-х гг. стали право на занятие женщинами должностей на рынке труда наравне с мужчинами, установление пособий по уходу за ребенком, расширение прав и свобод, касающихся репродуктивного здоровья (право на аборт, прежде всего), создание центров психологической поддержки для жертв домашнего насилия, признание этой проблемы в качестве общественно значимой.

Если содержание повестки феминизма третьей волны в общем и целом созвучно повестке второй волны, то контекст актуализации феминистских требований в 1990-х годах отличен. В работе «Образ женщины в женской англоязычной музыкальной культуре» показано влияние музыки на развитие феминизма. Riot Grrrl – феминистское движение, возникшее в инди-/панк-роке 1990-х гг., нашедшее своё выражение, с одной стороны в панк-роке, с другой – в политической активности. Тема взаимоотношения полов рассматривается с радикальных позиций [6]. Особенно выделяется движение Riot Grrrl [17], названное в честь музыкальной группы, которое было выстроено вокруг эстетики не только освобожденной, но и наделенной властью женщины, способной быть самодостаточной, талантливой, лидирующей в социальном мире — превосходящей мужчин [1]. Идеологи третьей волны продолжают настаивать на необходимости достижения и обеспечения гендерного равенства, при котором привилегии и положение в обществе не должны определяться на основании гендерной принадлежности. Современный феминизм постулирует в качестве основополагающих принципов взаимоотношений между мужчиной и женщиной ненасилие, гуманизм, эгалитаризм, партнерство, толерантность и признание различий при равных социальных возможностях [7].

Реакцией на феминизм и его требования стал антифеминизм. Изначально он трактовался как движение мужчин против стремления женщин к гендерному равенству, как оппозиция женскому сексизму. Первые антифеминисты появились еще на рубеже XIX–XX вв., выступая против избирательного права для женщин, против гендерного равенства в сфере образования. В целом они агитировали за сохранение прежних устоев в обществе, которые провозглашали верховенство мужского начала. При этом антифеминизм антифеминизм не был изначально организованной силой, институционализированным движением и не носил массового характера [8]. Более «слышимым» он стал в конце XX века. Речь идет о таких антифеминистских организациях как «Голос в поддержку мужчин» [10], «Возвращение королей» [17], «MGTOW» [15] и др. Эти организации появились и имеют

штаб–квартиры в США, однако их последователи есть и в других странах. Наиболее яркими представителями / лидерами современного антифеминистского движения являются Шлэфли Филлис, организатор консервативного общественного объединения «Форум орлов» («EagleForum»), Уорен Фаррелл, автор книги «Мифы о власти мужчин», и основатель движения «Голос в поддержку мужчин» Пол Элам.

В период первой и второй волн феминизма его противники настаивали на том, что обществу необходимо сохранять традиции и устои, в которых мужчина доминирует во всех сферах общества. На сегодняшний день риторика антифеминистов изменилась. Избирательные права, равная оплата труда и протест против женского сексизма со временем утрачивают свою актуальность среди проблематики, которую поднимают антифеминисты. Они акцентируют внимание, например, на проблеме ценности жизни мужчины, утверждая, что современное общество, оценивая жизнь женщины выше, обесценивает жизнь мужчины. Последние становятся «расходным материалом» для общества. Свою позицию они аргументируют следующим образом: во время эвакуаций в морских, авиа и иных катастрофах первые, кому оказывают помощь, это женщины и дети. В большинстве стран военная служба – обязанность (а не право!) мужчин. Спасатели, шахтеры, строители и другие профессии, представляющие повышенную опасность для жизни, в основном заняты мужчинами. И по некоторым статистическим данным до 94% смертельных случаев на работе – это смерти мужчин [10]. Таким образом, делают вывод антифеминисты, женщины обладают неоспариваемой привилегией «защиты».

Дискурс ценности жизни женщины действительно является доминантным в современном обществе. Например, в 2012 г. террористы из организации «Боко Харам» (Нигерия) похитили и убили 46 студентов. Все похищенные студенты были мальчиками. В СМИ новость позиционировали как сообщение об убийстве 46–ти человек [16], не указывая на пол студентов. Данная ситуация не вызвала у общественности практической никакой реакции и протестных действий. Данный случай был не единственным и похищения продолжились. В 2013 г. похитили девушек, которые впоследствии были отпущены на свободу. Однако в новой ситуации позиция СМИ изменилась: бегущие строки новостных каналов, газеты, общественность, представители политической элиты, а также многие знаменитые публичные фигуры выступили с протестом и призывом к террористической организации «отпустить наших девочек». Акция «Bringbackourgirls» [11] прошла во многих странах мира, США, Россия и страны Европы выступили в поддержку акций. Принято использовать понятие «насилие» только в отношении женщин и девочек, в то время как в отношении мужчин оно применяется крайне редко. И именно на это обращают внимание идеологи антифеминизма. Они настаивают на том, что насильственные действия должны

рассматриваться в равной степени как для мужчин / мальчиков, так и для девочек / женщин. После событий, произошедших в Нигерии, в Индии – одной из самых густонаселенных стран мира – прошли протесты с лозунгами признания того факта, что мужчины могут подвергаться насилию также, как и женщины [13].

Размышляя далее в этом ключе, стоит обозначить еще одну проблему, которая сложилась в современном обществе. «Жертвы домашнего насилия» – такое высказывание чаще всего ассоциируется с женщинами, которые подвергаются насилию со стороны своих супругов или сожителей. По статистическим данным исследований в области домашнего насилия, 76% от всех случаев такого рода приходится на женщин, в остальных случаях жертвами становились мужчины [9]. Судя по представленным данным, процент от общего числа достаточно велик, но не стоит игнорировать тот факт, что возможно не все мужчины обращаются в правоохранительные органы с заявлением о насилии. Соккрытие фактов насилия, скорее всего, всего продиктовано общепринятыми моральными установками и гендерными стереотипами о мужчинах как о «сильном поле», боязнью мужчин мести со стороны партнерши или их страх потери контакта с детьми [9].

Немало вопросов вызывает у антифеминистов судебная практика по бракоразводным процессам. Антифеминисты указывают на предвзятость в судах в отношении отцов, а также распространение стереотипа о том, что «женщины–матери» больше подходят на роль основного родителя. Большинство детей после разводов родителей остаются с матерями, а отцы теряют каналы контроля над жизнью и воспитанием своих детей. Эта ситуация дополняется еще и тем, что для отцов ограничено время для общения с ребенком или, по решению суда, может выноситься запрет на встречу с детьми.

Современные антифеминисты призывают общественность осознать, что «жертвы» и «злодеи» есть по обе стороны гендерных конфликтов. По мнению Пола Элам, феминизм каким он представляется сегодня, демонизирует мужчин: «Феминизм характеризует мужчин как “врожденно жестоких угнетателей”, настроенных враждебно по отношению к расширению прав женщин во всех сферах общественной жизни» [14]. Катрин Спиллар, основательница организации «Фонд феминистского большинства» [12], говорит о том, что «на данный момент женщины лишь приблизились к равенству с мужчинами», что можно интерпретировать как начало установления равного отношения к обоим полам. Мужчины в полной мере представлены в сфере бизнеса, образования, политики, военной отрасли и спорте, в связи с чем возникает вопрос, почему возрастают антифеминистские настроения в обществе. Причина может заключаться в том, что мужчины видят угрозу в открывшихся перспективах для женщин, так как в дальнейшем им придется конкурировать с большим числом соперников на рынке труда. Антифеминисты озвучивают понимание гибкости

гендерных ролей, которая возможна только при изменении фундаментальных установок современного общества. Изменение отношения к гендерным ролям не предполагает отказа от традиционных парадигм и переход к новому «иному» взгляду на гендерную гибкость общества. Такая возможность переосмысления позволит в дальнейшем исключить конфликты на почве гендерной дискриминации в отношении как женщин, так и мужчин.

Библиографический список

1. *Акимова Л. Н.* Феменизм в представлении современной женщины // *Новости и наука.* 2015. № 11–12. С. 26–31.
2. *Бугашев С. И.* Британский суфражизм в XIX–начале XX в. // *Труды кафедры истории нового и новейшего времени.* 2012. № 8. С. 24–35. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/714690377/?*=%2BHtg98%2BmjV0gJCjVatB7HVAcs0d7InVybCI6Imh0dha6ly9ub3zpc3quaglzdg9yes5zcgj1lnj1l3rydwr5x2thzmvkenkvmdhfmjaxmi8ymdeyxza4x0j1z2fzagv2x1nfsv8tx0jyaxrhbnrawpfc3vmcmf6agl6bv92x1hjwc1uywno ywxlx1hyx3zla2eucgrmiiwid (дата обращения: 17.11.2018)
3. *Колесникова А. Л.* Женское освободительное движение в Великобритании конца 1960-х - начала 1970-х гг. и гендерная политика // *Женщина в российском обществе.* 2013. № 2 (67). С. 93–100.
4. *Коннелл Р. У.* Структура гендерных отношений // *Неприкосновенный запас.* 2012. № 3 (83). С. 11–41.
5. *Крыкова И. В.* Феминистское движение «первой волны»: особенности идеологии и организации // *Вестник Тамбовского университета.* 2009. № 7(75). С. 151–158.
6. *Логина Т. Г., Голубурдо А. И.* Образ женщины в женской англоязычной музыкальной культуре // *Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков.* 2014. № 10. С. 72–77.
7. *Муслумова Т. В.* Феминизм: истоки, этапы развития и основные направления // *Шадринский вестник государственного педагогического института.* 2015. №4 (28) С. 114–120.
8. *Страхова К. А.* Антифеминизм как ответная реакция // *Вестник научных конференций.* 2017. № 5–2 (21). С. 113–114.
9. *Тимко С. А., Тимко В. П.* Мужчина - жертва домашнего насилия: актуальность проблемы в России // *Виктимология.* 2016. № 3 (9). С. 33–39.
10. Avoiceformen. (б.д.). URL: <https://www.avoiceformen.com/> (дата обращения: 17.11.2018)

11. Bring back our girls. (11 май 2013 г.). Vanguard. URL:<https://www.vanguardngr.com/2014/05/bring-back-girls/> (дата обращения: 17.11.2018)
12. Feminist Majority Foundation. URL:<http://www.feminist.org/>(дата обращения: 17.11.2018)
13. India's law should recognise that men can be raped too. (14 август 2014 г.). Scroll.in. URL:<https://scroll.in/article/676510/indias-law-should-recognise-that-men-can-be-raped-too> (дата обращения: 17.11.2018)
14. The Red Pill [Кино] / Реж. Ж., С. 2016.
15. MGTOW. URL: <https://www.mgtow.com/> (дата обращения: 17.11.2018)
16. Nigeria: Gunmen Kill 46 Students in Mubi. (11 октябрь 2012 г.). Thisday URL: <https://allafrica.com/stories/201210030021.html> (дата обращения: 17.11.2018).
17. ReturnofKings. URL: <http://www.returnofkings.com/>(дата обращения: 17.11.2018)
18. *Whiteley S.* A time of growth and chance: feministics and popular music // *Sexing the Groove: popular music and gender.* Oxon: Routledge, 1997. P. 143–209.

HIERARCHY AS A POLITICAL PHENOMENON: A CONFLICT OF IDEOLOGIES OF FEMINISM AND ANTI-FEMINISM

Yakutova Evgeniya Viktorovna

Student of Political Science Master Program, Perm State University, 15, Bukirevast., Perm, 614990, Russia, yakutova1995@mail.ru

The traditional gender order is hierarchical, which is reflected in the dominant position of men in society. However, as societies develop, the customary hierarchical way of life is subject to change, in which gender roles and statuses are challenged and revised. This revision is not only the result of articulation and satisfaction of the demands of feminism, but also the mirror demands of the anti-feminists. The article discusses the content and logic of the ideological conflict between feminism and anti-feminism. Feminism (both as a movement and as an ideology) is considered as the cause of the emergence, formation and development of anti-feminist attitudes in modern society. The achievements of the last wave of feminism and their further development prospects are investigated. These movements form a new stage of development in gender issues, as well as offer solutions to the crisis in which these trends are today.

Key words: feminism, anti-feminism, gender equality, gender studies, gender issues.

References:

1. *Akimova L. N.* Femenizm v predstavlenii sovremennoj zhenshchiny // *Novosti i nauka.* 2015. № 11–12. pp. 26 – 31.
2. *Bugashev S. I.* Britanskiy sufrazhizm v XIX - nachale XX veka // *Trudy kafedry istorii novogo i novejshego vremeni.* 2012. № 8. pp. 24–35. https://docviewer.yandex.ru/view/714690377/?*=%2BHtg98%2BmjV0gJCjVatB7HVAc

- s0d7InVybcI6Imh0dha6ly9ub3zpc3quagldg9yes5zcgj1lnj113rydwr5x2thzmvkcnkvmdhfmjaxmi8ymdeyxza4x0j1z2fzagv2x1nfsv8tx0jyaxrhbnrwapfc3vmcmf6agl6bv92x1hjwcluywnoywxlx1hyx3zla2eucgrmiiwid (accessed: 17.11.2018). (In Rus.).
3. *Kolesnikova A. L.* Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Velikobritanii konca 1960-h - nachala 1970-h gg. i gendernaya politika // *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. 2013. № 2 (67). pp. 93–100.
 4. *Konnell R. U.* Struktura gendernyh otnoshenij // *Neprikosnovennyj zapas*. 2012. № 3 (83). pp. 11–41.
 5. *Krykova I. V.* Feministskoe dvizhenie "pervoj volny": osobennosti ideologii i organizacii // *Vestnik Tambovskogo universiteta*. 2009. № 7 (75). pp. 151–158.
 6. *Loginova T. G., Goluburdo A. I.* Obraz zhenshchiny v zhenskoj angoloyazychnoj muzykal'noj kul'ture // *Problemy romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodovaniya inostrannyh yazykov*. 2014. № 10. pp. 72–77.
 7. *Musulmova T. V.* Feminizm: istoki, etapy razvitiya i osnovnye napravleniya // *SHadrinskij vestnik gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 2015. № 4 (28) ss. 114–120.
 8. *Strahova K. A.* Antifeminizm kak otvetnaya reakciya // *Vestnik nauchnyh konferencij*. 2017. № 5–2 (21) pp. 113–114.
 9. *Timko S. A., Timko V. P.* Muzhchina - zhertva domashnego nasiliya: aktual'nost' problemy v Rossii // *Viktimologiya*. 2016. № 3 (9). pp. 33–39.
 10. Voice for men. (b.d.).URL: <https://www.avoiceformen.com/> (accessed: 17.11.2018).
 11. Bring our girls back. (11 may 2013), vanguard. URL: <https://www.vanguardngr.com/2014/05/bring-back-girls/> (accessed: 17.11.2018).
 12. Feminist Majority Foundation. (b.d.), Foundation feminist majority Fund. URL: <http://www.feminist.org/> (accessed: 17.11.2018).
 13. Indian law should recognize that men can also be raped. (14 August 2014). Received 18 2018 p., Scroll scrolling.b. URL: <https://scroll.in/article/676510/indias-law-should-recognise-that-men-can-be-raped-too> (accessed: 17.11.2018).
 14. The Red Pill [Movie] / Director J., C. 2016. (In English).
 15. MGTOW. (bd). URL: <https://www.mgtow.com/> (accessed: 17.11.2018).
 16. Nigeria: militants killed 46 students in Mubi. (11 October 2012). URL: <https://allafrica.com/stories/201210030021.html> (accessed: 17.11.2018).
 17. Return of kings. (b.d.), return of kings. URL: <http://www.returnofkings.com/> (accessed: 17.11.2018).
 18. *Whiteley S.* Time of growth and chance: feminists and popular music // *Sexing The Groove: popular music and gender*. Oxon: Rutledge, 1997. P. 143-209.

УДК 88-112

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕТАДААННЫХ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ ПРОМЫШЛЕННОГО
ОБОРУДОВАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. НА МАТЕРИАЛЕ
ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК (НА ОСНОВЕ ИС «СЕМОГРАФ»)**

Мукосеева Яна Юрьевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15, mukoseeva71@mail.ru

Путевые записки участников академических экспедиций второй половины XVIII в., П.С. Палласа, И.И. Лепехина и И.П. Фалька послужили материалом для изучения лексики промышленного оборудования уральских мануфактур. Для анализа лексических единиц и контекстов была использована информационная система «Семограф», в которую были внесены в виде таблицы основные сведения, контексты, лексические единицы оборудования и метаданные. К основным метаданным были отнесены сведения об авторах, ссылки на источник, производственные операции (этапы производства), сведения о заводах (пространственно-географическое расположение).

Ключевые слова: метаданные, лексика промышленного оборудования, путевые записки.

В современных условиях возрастает интерес к использованию в гуманитарных и лингвистических исследованиях информационных и компьютерных методов и ресурсов. Информационная система «Семограф» позволила нам определить и проанализировать метаданные для изучения особого вида источников – путевых записок путешественников, участников академических экспедиций второй половины XVIII в., П. С. Палласа, И. И. Лепехина и И. П. Фалька. Определение метаданных было проведено в целях уточнения сведений, связанных с получением вспомогательной информации по авторам, научным интересам, методологии исследования для идентификации параметров с целью поиска информации и ее интерпретации.

Метаданные необходимы для получения сведений и информации, которые позволяют осуществлять поиск дополнительной информации [7], идентификацию данных для выделения отдельных единиц для последующей группировки и связывания данных по определенным параметрам [6]. В нашем исследовании метаданные служат основой для определения параметров информации об источнике, авторах и пространственно-географических объектах – уральских мануфактурах. Материалом являются путевые записки

путешественников участников экспедиции второй половины XVIII в. П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. П. Фалька[5, 4, 8].

В ходе анализа источников были определены основные группы метаданных: автор (сведения биографического характера); производственные операции (три этапа операций: подготовительный, промежуточный и этап конечного продукта); сведения о заводах (пространственно–территориальное и административно-географическое расположение, близость к рудникам), которые были подготовлены в программе Google Формы. Таблица и в виде CSV файла перенесены в ИС «Семограф» для работы с контекстами.

Для группы метаданных Автор использовались следующие параметры, представленные в таблице 1:

A	B	C	D
Биография	П.С. Паллас	И.И. Лепехин	И.П. Фальк
Социальное происхождение	из семьи врача (Берлин)	из семьи военного	из семьи проповедника
Образование	домашнее образование; университет Галле; Гёттингенский университет; Лейденский университет	Академическая гимназия; Академический университет при Петербургской Академии наук; Страсбургский университет	Упасальский университет
Специальность	доктор медицины	доктор медицины	доктор медицины
Научные интересы	натуральная история, медицина, зоология, ботаника, горное дело	натуральная история, ботаника, зоология, лексикография	ботаника, натуральная история
Особенности описания	повествование, рассуждение	повествование, рассуждение,	классификация явлений

Табл. 1. Биографические параметры группы метаданных Авторы

В таблице представлены основные параметры, характеризующие авторов с точки зрения мотивации и склонности к научной деятельности: социальное происхождение, образование (все три путешественника прошли обучение в университетах Европы, получили степень доктора медицины), научные интересы – натуральная история, ботаника, и другие науки, что говорит о формировании и представлении образа ученого-энциклопедиста, характерного для этого периода, особенности описания – от применения классификации (И. П. Фальк) до использования метода описания (все ученые), повествования и рассуждения. Выделение биографических данных служит не только идентификации авторов, но и использованию качественных методов изучения биографических данных для последующего анализа.

Следующим параметром стали сведения об уральских мануфактурах: перечисление мануфактур, которые были связаны с контекстом, относящимся к описанию конкретного

завода, административно–географическое расположение, расстояние от рудников до заводов. Данный параметр позволил выяснить, что в случае близости рудников к заводам в описании преобладает иноязычная заимствованная лексика. Например, в описании Полевского завода (Средний Урал) П. С. Палласом, был отмечен «шплейс-офен или как русские говорят лисафе для разбивки чугуна», и Петропавловского заводов: «пять гартильных горнов, из коих три можно переделать на печи»; «На левой в другом здании семь кривых печей и шплей печь» [5; 188, 311–312]. Шплейзофеном называли печь, «состоявшую из топки с поддувалом, колосников, горнила и пода с гнездом для рафинирования черной меди» [1], это была «одна из разновидностей промышленных плавильных печей отражательного типа. В XVIII в. достаточно широко применялись при рафинировании цветных металлов, в частности, меди» [3]. Тоже можно прочесть у И. И. Лепехина для Полевского завода: «В одной же фабрике один горн кричной, один гармахерской и сплейсофен» [Лепехин; 272]. Гармахерской горн – разделительный, извлекательный горн, который использовался для передела черной меди и производства гаркупфера (ломкая медь); сплейсофенской горн – очистительный горн, для меди «горн кричный, большой, для выделки из чугуновых криц железа»; «горн.извлекательное, отделительное, добыча плавкою из руды металлов» [2]. И. П. Фальк в описании Полевского завода отметил: «На медном заводе было 9 крумофенов» [Фальк; 285]; при этом крумофен определяется как «плавильная печь, обычно они ставились по несколько в ряд и сопровождалась таким же рядом мехов, приводимых в движение общим валом с водяным колесом»; для получения (обогащения) роштейна³[1]. Все три автора при описании Полевского завода отметили использование в лексике немецких заимствований, обратили внимание на разные виды номинаций печей и горнов, что связано или с собственным определением данного вида оборудования или с тем, что они при опросе работников завода использовали номинации, которые функционировали в лексиконе.

Для Южного Урала наблюдалась иная картина: если в описании И. И. Лепехина две лексические номинации – гармахерской горн и сплейсофенской горн остаются, например, Богоявленской завод имел «горн сплей софенской, гармахерской, и два для брусчатой меди» [4; 23], И. П. Фальк также упоминал крумофен⁴, в описании заводов этой территории П. С. Паллас не указывал заимствованные единицы. На Южном Урале основными рудниками были Каргалинские рудники, которые они были расположены в 300 верстах от заводов, поэтому распространение и употребление заимствованных лексических номинаций было связано не столько с близостью / дальностью рудников, сколько с влиянием иностранных специалистов.

³Сплав «сырой» меди при первом этапе плавления.

⁴Благовещенской медной завод: «На нем было 8 крумофенов» [8; 262].

Таким образом, метаданные способствуют идентификации, структурированию, моделированию, поиску дополнительной информации, работы с контекстами лексикой промышленного оборудования. Параметр «Авторы» позволил определить биографические данные и установить научные интересы исследователей в соотношении с тем, каким образом эти интересы повлияли на описание лексики промышленного оборудования. Для определения зависимости авторского описания уральских мануфактур, лексики промышленного оборудования от других метаданных, контекстов упоминания лексики, определения расположения заводов вблизи и, наоборот, в отдалении от рудников, описании производственных операций, сохранения в лексиконе служащих и рабочих людей иноязычной заимствованной лексики, метаданные позволили создать иерархическую структуру, дополняющую контексты и лексические номинации.

Список литературы

1. Библиография по пермской меди //Словарь терминов и устаревших слов. 2013. URL: <https://uraloved.ru/geologiya/uralskaya-med/bibliografiya-med-slovar> (дата обращения: 15.04.2019).
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка // Толковый словарь В. И. Даля он-лайн. 2008–2017. URL: http://slovardalja.net/view_search.php(дата обращения: 15.04.2019).
3. Григорьев Э. А., Мещеряков В. Н., Черноухов А. Н. Екатеринбургский монетный двор. История. Каталог. Документы. 2010. URL: <http://coins-rus.ru/spravochniki/glossarij/C> (дата обращения: 25.04.2019)
4. Лепехин И. И. Продолжение Дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. Т.2. СПб, 1772. 353 с.
5. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российской империи. Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1770 году. СПб.:1786. Ч. 1, Кн. 1. 476 с.
6. Содержание, метаданные и контекст открытых данных // Habr. 2017. URL: <https://habr.com/ru/post/321010/>(дата обращения: 20.04.2019).
7. Studfiles. Лекция 6. Метаданные. URL: <https://studfiles.net/preview/4641549>(дата обращения: 20.04.2019).
8. Фальк И. П. Записки путешествия академика Фалька. Ч. 1 //Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею наук, по предложению ея Президента. СПб., 1824. 560 с.

**DEFINITION OF THE TRAVELING NOTES META-GIVEN FOR STUDYING OF
LEXICON OF THE INDUSTRIAL EQUIPMENT OF THE SECOND HALF OF THE 18TH
CENTURY ON MATERIAL OF THE TRAVELING NOTES (ON THE BASIS OF IS
«SEMOGRAF»)**

Mukoseeva Yana Yuryevna

Perm State National Research University,

614990, Russia, Perm, Bukirev St., 15, mukoseeva71@mail.ru

Traveling notes of participants of the academic expeditions of the second half of the 18th century, P.S. Pallas, I.I. Lepekhin and I.P. Falk served as material for studying of lexicon of the industrial equipment of the Ural manufactories. For the analysis of lexical units and contexts the information system «Semograf» in which the main data, contexts, lexical units of the equipment and metadata were entered in the form of the table was used. The information about the authors, references to the source, the production operations (production phases), the data on the plants was carrying to the main metadata (spatial geographic location).

Key words: metadata, lexicon of the industrial equipment, traveling notes.

References

1. Bibliografiya po permskoj medi// Slovar' terminov i ustarevshih slov. 2013. URL: <https://uraloved.ru/geologiya/uralskaya-med/bibliografiya-med-slovar> (data accessed: 15.04.2019).
2. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka // Tolkovyj slovar' V.I. Dalja on-lajn. 2008–2017. URL: http://slovardalja.net/view_search.php (data accessed:15.04.2019)
3. Grigor'ev E. A., Meshcheryakov V. N., Chernouhov A. N. Ekaterinburgskij monetnyj dvor. Istoriya. Katalog. Dokumenty. 2010. URL: <http://coins-rus.ru/spravochniki/glossarij/S> (data accessed:25.04.2019)
4. Lepekhin I. I. Prodolzhenie Dnevnyh zapisok puteshestviya akademika i mediciny doktora Ivana Lepekhina po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva v 1770 godu. T.2. SPb., 1772. 353 p.
5. Pallas P. S. Puteshestvie po raznym mestam Rossijskoj imperii. Fizicheskoe puteshestvie po raznym provinciyam Rossijskoj imperii, byvshee v 1770 godu. SPb., 1786. CH. 1, Kn. 1. 476 p.
6. Soderzhanie, metadannye i kontekst otkrytyh dannyh // Habr. 2017. URL: <https://habr.com/ru/post/321010/> (data accessed: 20.04.2019)
7. Studefiles. Lekciya 6. Metadannye. URL: <https://studfiles.net/preview/4641549> (data accessed: 20.04.2019)

8. Fal'k I. P. Zapiski puteshestviya akademika Fal'ka. CH. 1. //Polnoe sobranie uchenyh puteshestvij po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoyu Akademieyu nauk, po predlozheniyu eya Prezidenta. SPb., 1824. 560 p.

ТИПОЛОГИЯ ЗЕМСКИХ ГЛАСНЫХ НА ОСНОВЕ КОГНИТИВНЫХ КАРТ¹

Исмакаева Илиана Дамировна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15, iliana.ismakaeva@mail.ru

Работа посвящена типологии гласных Пермского губернского земского собрания на основе когнитивных карт по критериям соотношения выступлений и иным критериям активности в земском собрании. Выделено пять групп гласных, выступавших на собраниях Пермского губернского земского собрания в первое трехлетие его деятельности. Учитывались выступления в дискуссиях, с докладами, в обсуждении определенных вопросов и т.п. Рассмотрены наиболее яркие представители каждой группы. Обоснован вывод о выступлениях гласных как одном из важнейших критериев их активности.

Ключевые слова: Пермское губернское земство, журналы губернских земских собраний, гласные, когнитивное картирование, активность.

Когнитивное картирование выступлений гласных губернских земских собраний Пермской губернии за первое трехлетие позволяет создать карту тем для конкретного гласного, и на ее основе выявить интересующие его вопросы. С этой целью созданы индивидуальные когнитивные карты гласных Московского, Пермского и Санкт-Петербургского губернских земств в первое трехлетие деятельности земств. Когнитивные карты выступлений гласных представляют собой графическое изображение–диаграмму с областями, которые отображают динамику тематических выступлений гласных.

Когнитивное картирование не только позволяет сделать вывод о соотношении обсуждаемых направлений земской деятельности и проследить изменение внимания гласных к темам в разные периоды, но также классифицировать гласных по количественным характеристикам озвученной тематики.

Так, гласных Пермского губернского земского собрания по последнему показателю можно подразделить на три группы:

- 1 группа – гласные, участвовавшие в обсуждении широкого круга проблем (12–17 тем);
- 2 группа – гласные, участвовавшие в обсуждении среднего количества тем (6–11 тем);
- 3 группа – гласные, участвовавшие в обсуждении узкого круга тем (1–5 тем).

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-06-00470).
© Исмакаева И.Д., 2019

К первой группе гласных Пермского губернского земского собрания, участвовавших в обсуждении широкого круга проблем, относятся 7 человек, ко второй группе – 14, к третьей – 28.

Интересно рассмотреть соотношение тематического распределения выступлений гласных и их активности. С. И. Корниенко и А. Р. Ехлаковой выделено пять статистических моделей активности гласных Пермского губернского земского собрания на основе данных о посещении заседаний губернского собрания, избрания на должности и в представительство, избрания в комиссии, подписания документов, выступления с докладами и т.п. [1, с. 37]. Рассмотрим гласных и их когнитивные карты, относящиеся к первым трем моделям. Гласные из четвертой и пятой модели не рассматриваются, т.к. эти гласные либо только присутствовали на собраниях и не участвовали в обсуждениях, либо вовсе не посещали собрания.

Гласные первой группы по нашей классификации относятся к первой и второй модели деятельностной активности гласных, выделенных С. И. Корниенко и А. Р. Ехлаковой. К первой модели активности относятся 5 человек. Это наиболее активные гласные, участвовавшие во всех сессиях, выступавшие с докладами и вопросами, а также занимавшие должности в земском собрании. Среди них известные государственные служащие, общественные и политические деятели (А. Н. Всеволожский, Д. Д. Смышляев, А. М. Благовидов, В. Д. Белов и др.). Наиболее яркими представителями первой группы и модели активности гласных являются А. Н. Всеволожский, председатель Пермского губернского земского собрания, и Д. Д. Смышляев, председатель земской управы Пермского губернского земского собрания. Они выступали по различным и наиболее значимым темам. Наибольшее число выступлений Д. Д. Смышляева на протяжении всех сессий земского собрания первого трехлетия относятся к темам земских финансов и налогов, медицины и народного образования, что наглядно демонстрирует его когнитивная карта (рис. 1).

Двое гласных из первой группы – И. В. Глушков и И. И. Манухин – относятся ко второй модели активности гласных (по классификации С. И. Корниенко, А. Р. Ехлаковой), т.к. не занимали никаких должностей в земском собрании.

Основная же часть гласных из второй группы по нашей типологии относится ко второй модели активности по классификации С. И. Корниенко, А. Р. Ехлаковой. Среди них преобладают купцы и предприниматели (например, А. С. Коновалов, М. И. Любимов, А. И. Нагибин, А. Ф. Поклевский-Козелло, В. В. Расов и др.). По показателям когнитивных карт особо выделяются предприниматели М. И. Любимов и А. Ф. Поклевский-Козелло (рис. 2).

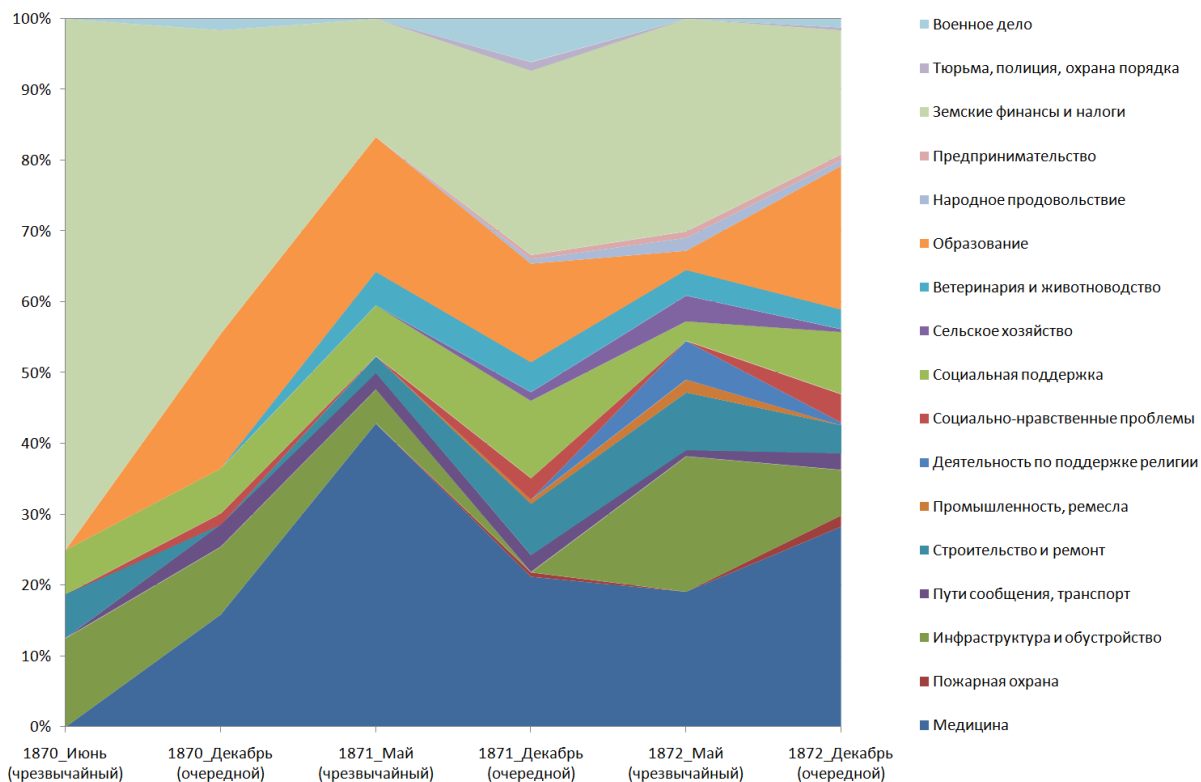

Рис.2. Карта тематического распределения выступлений Д. Д. Смышляева в Пермском губернском земстве за 1870-1872 гг. Ось Y представляет тематическое распределение, X - ось – принадлежность собрания к сессиям (журналам).

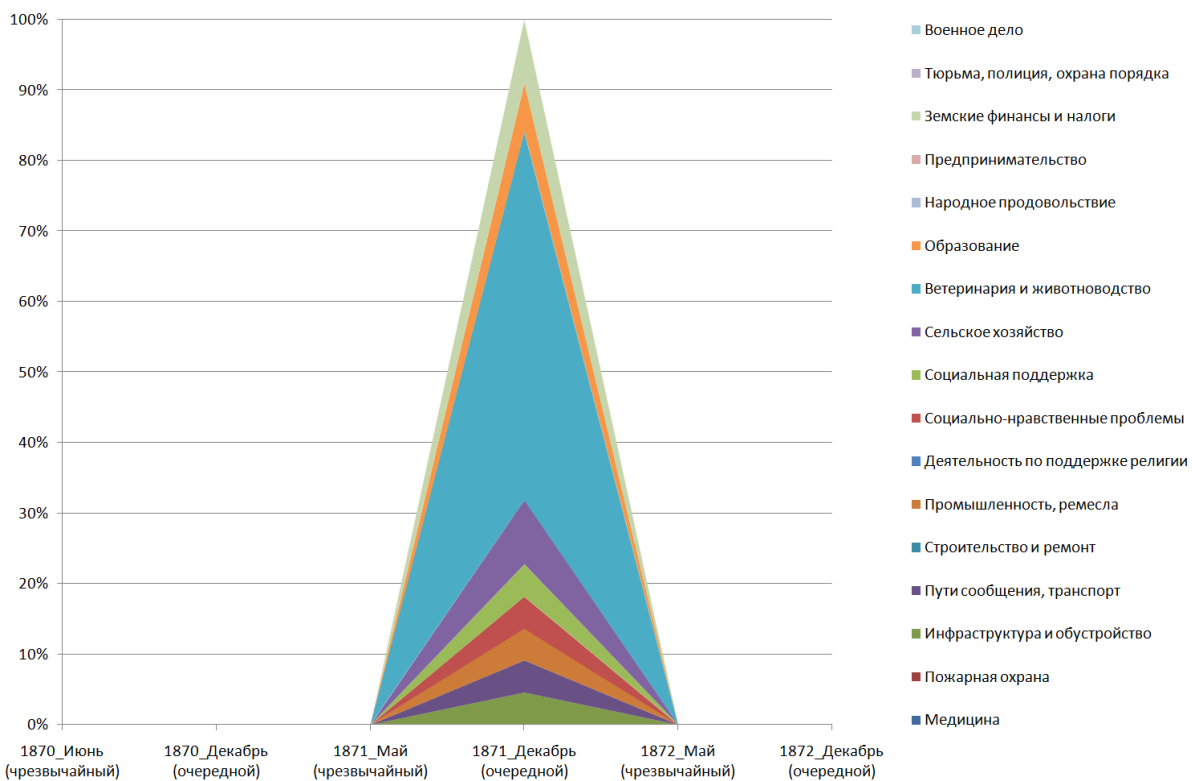

Рис.3. Карта тематического распределения выступлений А. Ф. Поклевского-Козелло в Пермском губернском земстве за 1870-1872 гг. Ось Y представляет тематическое распределение, X - ось – принадлежность собрания к сессиям (журналам).

Как и в первых двух случаях гласные третьей группы в основном относятся к третьей модели активности гласных. Как показывают их когнитивные карты, они редко участвовали в обсуждениях, но старались каким-либо образом высказать свое мнение. К ним относились священнослужители, учителя, врачи – гласные со «специализацией», в том смысле, что для них можно выделить наличие сугубо определенных тем и вопросов, в обсуждении которых они принимали участие. Примером тому может быть когнитивная карта И. И. Моллесона (рис. 3), земского врача, а также первого санитарного врача в России. По карте достаточно хорошо видно, что предметом его интереса в основном были темы, так или иначе связанные с его профессиональной деятельностью.

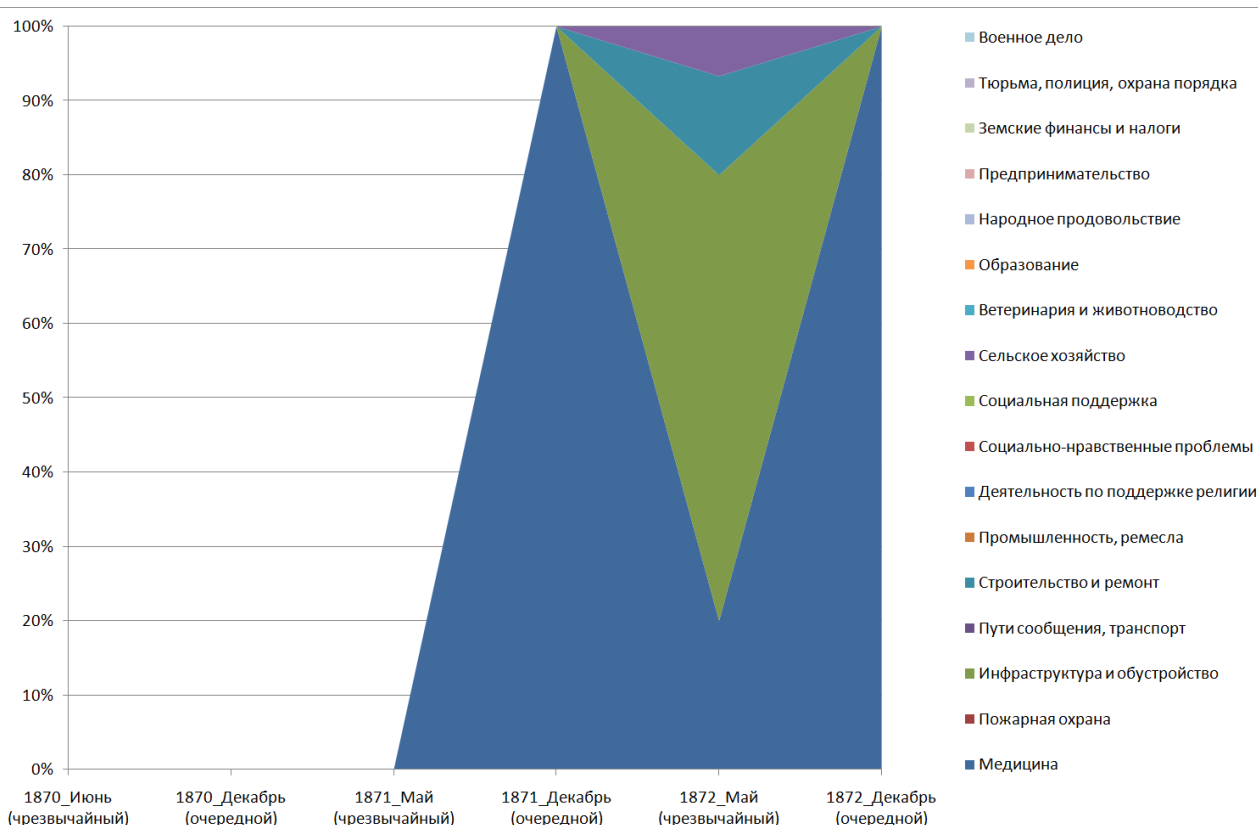

Рис.4. Карта тематического распределения выступлений И. И. Моллесона в Пермском губернском земстве за 1870-1872 гг. Ось Y представляет тематическое распределение, X - ось – принадлежность собрания к сессиям (журналам).

Таким образом, можно увидеть, что большую активность гласных определяло участие в обсуждении широкого круга проблем, в то время как меньшую активностью проявляли гласные со «специализацией». Это дает основание считать, что именно участие в дискуссиях, выступление с докладами на губернских земских собраниях относится к одному из важнейших и определяющих критериев активности гласных.

Библиографический список

1. Корниенко С.И., Ехлакова А. Р. Статистические модели активности гласных Пермского губернского земского собрания // Материалы XVI международной

конференции Ассоциации «История и компьютер»: 26–28 октября 2018 г., Москва. Москва: МАКС Пресс, 2018. (Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер» №47). С. 36–38.

TYPOLOGY ZEMSTVO DEPUTATES ON THE BASIS OF COGNITIVE MAPS

Ismakaeva Iliana Damirovna

Perm State University, 15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia, iliana.ismakaeva@mail.ru

This work is devoted to the typology of deputies of the Perm provincial zemstvo assembly based on cognitive maps. Identified five groups of deputies who spoke at the meetings of the Perm provincial zemstvo assembly during the first three-year period. It is performance in discussions, presentations, discussion of certain issues, etc. Considered the most important representatives of each group. It is concluded that the performances of the zemstvo deputies are one of the most important criteria for their activities.

Keywords: Perm provincial zemstvo, journals of provincial zemstvo assemblies, zemstvo deputies, cognitive mapping, activity.

References

1. Kornienko S. I., Ekhlakova A. R. Statisticheskie modeli aktivnosti glasnyh Permskogo gubernskogo zemskogo sobraniya // Materialy XVI mezhdunarodnoj konferencii Associacii «Istoriya i komp'yuter» : 26 – 28 oktyabrya 2018 g., Moskva. Moskva: MAKS Press, 2018. (Informacionnyj byulleten' Associacii «Istoriya i komp'yuter» №47). P. 36–38.

ОРГАНИЗАТОР «НАИВНЫХ» КАРТ: ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ ДАННЫХ ДЛЯ КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА

Баженов Руслан Сергеевич, Корниенко Сергей Иванович

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15, www.ruslan_III@mail.ru

В статье рассмотрена проблема создания информационной системы для подготовки данных к когнитивному анализу. Материалом исследования являются ментальные репрезентации геопространства, представленные «наивными» картами. Обоснован выбор средств моделирования и реализации, описана модель информационной системы. Выявлены некоторые зависимости между графическими, частотными, семантическими и социально-демографическими параметрами исследования.

Ключевые слова: информационная система, разметка карт, ГИС, «наивная» география, ИС «Семограф», когнитивная картография, когнитивный анализ.

«Организатор «наивных» карт» – это информационная система, которая выступает связующим звеном между неструктурированной информацией наивных карт и началом когнитивного анализа этой информации. Наивные (непрофессиональные) карты, с которыми работает система, получены в результате эксперимента «Когнитивная картография». В ходе эксперимента от информантов требовалось на листе формата А3 нарисовать Россию с близлежащими странами, отметить города и оставить рядом с ними комментарий, отражающий собственное отношение и ассоциации автора. О себе автор оставлял любую информацию или не указывать ничего совсем. В эксперименте, организованный К. И. Белоусовым и Н. Л. Зелянской, принимали участие студенты и сотрудники вузов из Перми, Москвы, Санкт-Петербурга, Бийска и Оренбурга. Всего было собрано 143 «наивных» карты.

Актуальность исследования обусловлена обращением к проблеме ментальных репрезентаций географического пространства (процессу представления геопространства в сознании человека) и к ментальным картам (способу моделирования пространственных представлений человека). В контексте наивной (непрофессиональной) картины мира наиболее важными составляющими являются те смыслы и образы, которые создаются в процессе непрофессиональной рефлексии обыденного сознания. Синтез имени географического с представлениями о нем, бытующими в социуме, и с его расположением на «наивных» картах является геоконцептом (подробнее см. [1; 2]). Для работы с геоконцептами подходит информационная система графосемантического моделирования «Семограф», которая предназначена для извлечения знаний о предметных областях из информационных

массивов, включающих текстовые выборки, метаданные, семантические компоненты и семантические поля. Отсутствие инструментария для исследования этой проблемы служит основанием для разработки информационной системы, которая будет собирать информацию с оцифрованных изображений (наивных карт), хранить информацию в базе данных, преобразовывать данные к требуемому виду для последующего когнитивного анализа в ИС «Семограф».

На сегодняшний день информационные технологии играют немаловажную роль в автоматизации процесса работы с данными и управления им. Рукописные карты, представленные в виде оцифрованного изображения, несут в себе информацию, которую необходимо структурировать и хранить в базе данных. Существуют ИС, которые способны автоматически распознать рукописный текст с изображения, но все они придерживаются строгой разметки границ заполняемой автором формы. В нашем случае никакого шаблона, границ для рисования и написания текста нет. Других ИС, которые работали бы с данными пользователя и включали бы в себя полуавтоматический сбор информации с изображения и организацию работы с данными об авторах изображений, не существует.

ИС, работающая с «наивными» картами, может напоминать о принципах, используемых в геоинформационных системах (ГИС). Но система, о которой идет речь в данной публикации, не содержит в себе функций, на которых базируются геоинформационные системы. Если в ГИС реализован поиск географических объектов, то в «Организаторе «наивных» карт» из-за специфики сбора данных с изображения такой поиск отсутствует. «Наивная» карта при фиксировании координат какого-либо географического объекта не модифицируется, а остается изображением без пространственно-географической привязки. Общими с ГИС остаются графическое представление объектов и их атрибутов, использование координат и картометрические операции.

Оптимизированные веб-приложения, которые не требуют установки на компьютер и другие аппаратные средства пользуются большой популярностью и успехом (подробнее см. [3,4,5,6]). Этим обосновывается выбор способа реализации информационной системы «Организатор «наивных» карт».

Целью данной работы является разработка и создание информационной системы для организации «наивных» карт, их разметки, генерации таблицы для загрузки в ИС «Семограф». В процессе работы решались следующие задачи:

- разработка приложения для полуавтоматизированного сбора информации с «наивных» карт;
- проектирование и создание базы данных для организации и хранения информации по «наивным» картам;

– разработка системы запросов к базе данных для генерации таблицы, загружаемой в ИС «Семограф».

Объектом исследования стала информационная система подготовки данных к когнитивному анализу, предметом - методика, технологии, инструментарий для подготовки данных к исследованию ментальных репрезентаций геопространства, представленного «наивными» картами.

Локальным сервером для разработки информационной системы был выбран OpenServer. Он работает с операционной системой Windows от 7-й версии и выше, также частично поддерживается XP и Vista. OpenServer обладает рядом возможностей:

- не требует установки на компьютер — его можно запустить с флешки или внешнего жёсткого диска;
- быстро запускается и останавливается;
- возможна работа через командную строку;
- интерфейс поддерживает несколько языков.

К несомненным плюсам программы относится удобный ГПИ (графический интерфейс пользователя), возможность просмотра логов, а также разнообразие функций для администрирования и управления компонентами.

Серверная часть системы написана на языке программирования PHP, а данные хранятся в базе данных MySQL. Пользовательская часть системы, а именно: структура страниц, внешний вид и функционал, создана при помощи HTML, CSS, JavaScript и jQuery.

База данных состоит из трех таблиц. Таблицы автора, географического объекта и расположения страны.

Таблица «Автор» (идентификатор, возраст, курс, пол, специальность, факультет, город заполнения, анонимность, экспортированность).

Таблица «Географический объект» (идентификатор, имя объекта, координаты X и Y, комментарий к объекту).

Таблица «Расположение страны» (западная, восточная, северная и южная точки).

После запуска локального сервера, можно посетить начальную страницу информационной системы. Она состоит из логотипа в верхней части страницы, меню в центре и ленты новостей.

Меню состоит из трех компонентов: ссылки на веб-приложения для разметки «наивных» карт, ссылки на страницу для работы с данными и документации, которая включает в себя краткое изложение проблемы исследования и работы системы.

При работе с веб-приложением пользователь загружает изображение карты, после чего открывается форма, где происходит полуавтоматическая разметка карты. Верхняя часть

приложения делиться на три блока. Первый блок содержит форму для заполнения данных об авторе, центральный блок включает в себя функционал для фиксирования координат географических объектов и крайних точек страны, а последний блок является информационным, где отображаются все данные, отмеченные пользователем. В центральной части приложения находится изображение «наивной» карты. Внизу страницы две кнопки – отправка формы и отмена разметки. При успешном заполнении формы, вся собранная информация отправляется в базу данных.

При переходе на страницу для работы с данными перед пользователем отображается таблица с авторами со всеми параметрами. Присутствуют две кнопки – выгрузка последних добавленных данных и выгрузка всей имеющейся информации в базе данных. Пользователь загружает таблицу CSV формата к себе на компьютер. Данная таблица является готовой для импорта в ИС «Семограф».

В результате работы информационной системы при помощи веб–приложения было обработано 143 «наивных» карты. Путем создания процедур и запросов к базе данных была сгенерирована CSV таблица, которая содержит 1039 строк, каждая из которых включает в себя комментарий к отмеченному городу, коэффициент отклонения этого города и информацию об авторе.

Коэффициент – это отклонение от реального расстояния, которое определяется через отношение расстояния между двумя городами на наивной карте к расстоянию этих же городов на реальной карте. В этом вычислении разные размеры карт приводились к единому масштабу, благодаря крайним точкам страны. Фиксировались самые отдаленные точки России (северная, южная, западная, восточная).

$$\text{Коэффициент} = \frac{\text{Расстояние между городами на наивной карте}}{\text{Расстояние между городами на реальной карте}}$$

Продолжением работы информационной системы является применение выходных данных – таблицы формата CSV, то есть проведения акта когнитивного анализа. Готовая таблица загружается в ИС «Семограф» в новый проект. Далее создаются и заполняются семантические поля. Например, семантическое поле «Архитектура» включает характеристики «Красивая архитектура», «Кремль», «Храм на крови», «Эрмитаж»; поле «Исторические фигуры» – «Петр I», «Ельцин», «Екатерина II» и т.д. Последним этапом в работе с ИС «Семограф» является генерация выборок и экспорт данных в виде таблиц и графов.

Выборки противопоставлялись друг другу по идентичным параметрам. Например, анализировались комментарии к городам на наивных картах по признаку анонимности автора. У анонимов ядро составляют семантические поля «Быть / жить / существовать»,

«Эмоциональная сфера» и «Негативная характеристика». У не анонимов ядром становятся семантические поля «Архитектура», «История», «Водные объекты», «Положительная характеристика» и «Промышленность». Как видим, если автор оставляет о себе какую-либо информацию, иными словами, нарушает анонимность, то он считает нужным показать свои знания о нанесенном на карту городе. Анонимы в большей степени отмечают своё отношение к отмеченному городу.

При анализе выборок по гендерной принадлежности отмечается, что у женщин на один комментарий чаще встречается семантическая группа «города и его составляющие», чем «столица». Ядром выступает семантическое поле «Я-сфера», которое отсутствует у мужчин, и «Регион». Центр занимают «Архитектура» и «Положительная характеристика». У мужчин ядром оказываются семантические поля «Промышленность» и «Негативная характеристика». Центр занимают «Пространство», «История» и «Отвлеченные понятия».

На данном этапе была разработана информационная система с веб-приложением для организации «наивных» карт, разработана и наполнена база данных, создан функционал для генерации CSV таблиц, готовых для загрузки в ИС «Семограф», проведён семантический анализ данных в ней и в статистических пакетах, выявлены некоторые зависимости между графическими, частотными, семантическими и социально-демографическими параметрами исследования. Представляется перспективным продолжить данную работу, развивать информационную систему и пополнять базы данных, что позволит получить более значимые результаты когнитивного анализа.

Библиографический список

1. Зелянская Н. Л., Баранов Д. А., Белоусов К. И. Наивная география и топология геоментальных карт. // Социо- и психолингвистические исследования. 2016. № 4. С. 126–136.
2. Zelyanskaya N., Belousov K., Ichkineeva D. Naive geography and geopolitical semiotics: The semiotic analysis of geomental maps of Russians. *Semiotica*. 2017. Vol. 2017, Iss. 215, P. 235–253.
3. Дакетт Дж. HTML и CSS. Разработка и дизайн веб-сайтов, 2017. 480 с.
4. Учебник по HTML и CSS. URL: <http://htmlbook.ru/> (дата обращения: 1.04.1019).
5. Васильев А. Н. Javascript в примерах и задачах, 2017. 720 с.
6. Учебник по PHP. URL: <http://www.php.ru/> (дата обращения: 1.04.1019).
7. Грофф Дж. Р., Вайнберг П. Н., Оппель Э. Дж. SQL. Полное руководство, 2014. 960 с.

ORGANIZER OF “NAIVE” MAPS: INFORMATION SYSTEM FOR PREPARING DATA FOR COGNITIVE ANALYSIS

Bazhenov Ruslan Sergeevich, Kornienko Sergey Ivanovich

PermStateUniversity, 15, Bukirevast., Perm, 614990, Russia, www.ruslan_III@mail.ru

The article deals with the problem of creating an information system for preparing data for cognitive analysis. The materials for the study are the mental representations of the geospace which are represented by "naive" maps. There have been articulated tasks that should be decided by the projected IS, as a result, of the subject area analysis. The choice of modeling and implementation tools is justified, the model of IS is described, the interface and the working prototype of the IS are developed. Presents the results of work with the Semograf information system and reveals some dependencies between the graphic, frequency, semantic, and socio-demographic parameters of the study.

Keywords: information system, map's marking, GIS, “naive” geography, Semograf IS, cognitive cartography, cognitive analysis.

References

1. Zelyanskaya N. L., Baranov D. A., Belousov K. I. Naivnaya geografiya i topologiya geomenal'nyh kart. Socio– i psiholingvisticheskie issledovaniya. 2016. Vyp. 4. P. 126–136.
2. Zelyanskaya N., Belousov K., Ichkineeva D. Naive geography and geopolitical semiotics: The semiotic analysis of geomenal maps of Russians. Semiotica. 2017. Vol. 2017, Iss. 215, P. 235–253.
3. Dakett J. HTML i CSS. Razrabotka i dizajn veb-sajtov, 2017. 480 p.
4. Uchebnik po HTML i CSS. URL: <http://htmlbook.ru/> (data accessed: 1.04.1019).
5. Vasil'ev A. N. Javascript v primerah i zadachah, 2017. 720 p.
6. Uchebnik po PHP. URL: <http://www.php.su/> (data accessed: 1.04.1019).
7. Groff J R., Vajnberg P. N., Ooppel' E. J. SQL. Polnoe rukovodstvo, 2014. 960 p.

**ПУБЛИКАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ В СФЕРЕ
ЗЕМСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ПЕРИОД ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 1914 ГОДА: ОПЫТ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
ВИЗУАЛИЗАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ПЕРМСКАЯ ЗЕМСКАЯ НЕДЕЛЯ»)**

Ренев Даниил Алексеевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15, ren.dan@mail.ru

Статья посвящена анализу пространственного распределения публикационной активности в сфере земской благотворительности во время кампании 1914 г. на территории Пермской губернии. Источниками исследования стали публикации, содержащиеся в еженедельнике «Пермская земская неделя» в период с конца июля по декабрь 1914 г. Выделены 3 типа благотворительной активности, упомянутых в периодике: помощь фронту, акции в пользу больных и раненых солдат, пожертвования в пользу семей мобилизованных. Анализ показал, что наиболее активными стали территории, включающие производственные предприятия и города, являющиеся экономическими центрами губернии.

Ключевые слова: благотворительные акции, Первая мировая война, помощь фронту, пермская периодическая печать, «Пермская земская неделя», пространственная визуализация.

Первая мировая война является одним из наиболее важных и поворотных событий XX века. Итоги этого конфликта определили вектор развития европейских стран на десятилетия вперед. Однако за военными событиями и большой политикой скрывается и другая сторона войны – феномен благотворительности в пользу фронта. Н. Н. Кайдышева отмечает, что война повлияла на всплеск благотворительности по всей России, что было выражено в создании новых благотворительных организаций и обществ, смещении филантропической деятельности на категории людей, нуждающихся в помощи вследствие начавшихся боевых действий. По мнению этого исследователя, «благотворительность стала носить военизированный характер» [1, с. 114]. К началу XX в. к благотворительной деятельности, которой традиционно занималось купечество и церковь, присоединяются интеллигенция и «средние» слои горнозаводского и городского населения. «Наряду с пассивной материальной поддержкой благотворительных акций население все больше принимало в них непосредственное участие. В качестве организаторов этой деятельности выступали органы земского и городского самоуправления, а также общественные организации», – характеризует сложившуюся ситуацию А. В. Власова [2, с. 18].

Губернская периодика, обращавшая внимание на местные проблемы и события, стала настоящим отражением общественной жизни военного периода. Среди периодических

изданий, выходивших в Пермской губернии, значительный интерес в качестве источника по истории социума в годы войны представляет еженедельный журнал «Пермская земская неделя», в котором отображены результаты деятельности организаторов благотворительности не только в крупных городах, но и в менее населенных пунктах. Обширную по территории Пермскую губернию сложно назвать монолитной. Частота упоминания в газетах и тип активности тех или иных регионов, фиксируемые периодикой, были различны. Применение геоинформационных систем для анализа подобного типа данных, имеющих свою специфику, поможет повысить информационную отдачу источника, визуализировать полученные данные и выявить особенности освещения затрагиваемых проблем.

Хронологические рамки исследования соотносятся с периодом военной кампании 1914 г., началом войны, когда стороны вели активные боевые действия, надеясь завершить войну в считанные месяцы, фронт особенно нуждался в поддержке тыла, а общественность оказывала благотворительную помощь разного характера. Географические рамки исследования совпадают с границами Пермской губернии того времени.

Для структуризации данных, содержащихся в периодике, была создана база данных. В нее заносились сведения о дате и типе публикации, рубрике, в которой она печаталась, топонимы, включенные в публикацию, уезды, на территории которых проходили благотворительные акции, текст статьи, ее автор, а также виды благотворительной активности. В базу данных было внесено 127 записей, содержащих информацию о публикациях, рассказывающих о благотворительности в том или иной уезде Пермской губернии. Самыми популярными рубриками стали «По Пермскому краю (Урал и Прикамье)» (63 % от общего количества), куда входили небольшие заметки о событиях, произошедших в губернии за неделю, а также рубрика «Корреспонденция» (24 % от всех упоминаний), в которой публиковались письма местных жителей.

Были выделены следующие виды активности:

1. Благотворительность в пользу участников боевых действий, находящихся на фронте – денежные отчисления, передача зерна, отправка одежды, белья и других предметов личного пользования

2. Помощь больным и раненым солдатам. В данную категорию вошли случаи денежных отчислений на нужды лечения покалеченных солдат, пожертвования белья и одежды раненым и больным, помощь в организации госпиталей и лазаретов, а также встречи с раненым

3. Пожертвования семьям мобилизованных. В эту группу вошли случаи денежных отчислений на различные нужды семей, в которых мужчины ушли на фронт, а также помощи в уборке урожая с полей.

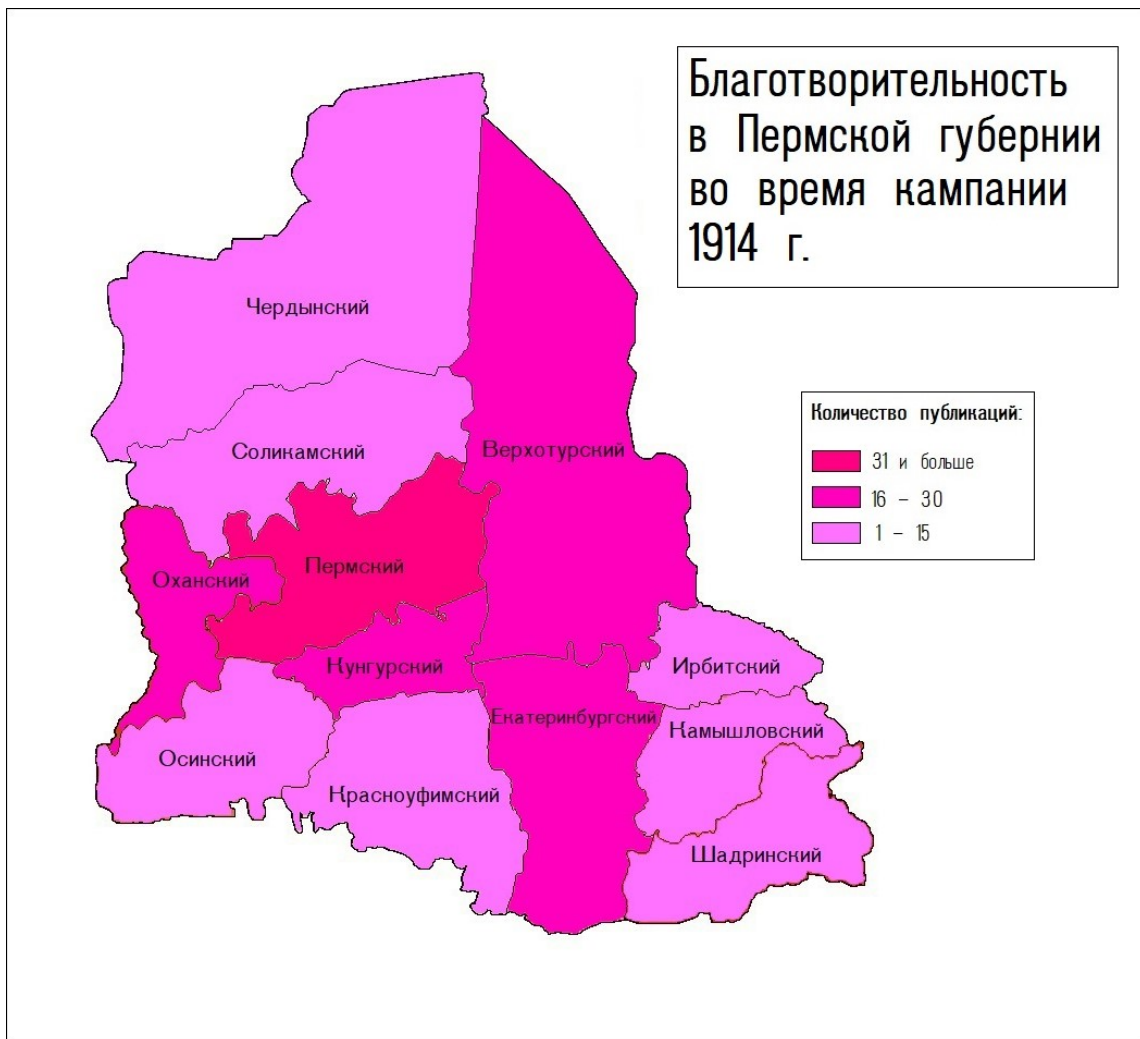

Рис. 1. Количество публикаций о случаях благотворительности в уездах Пермской губернии в период кампании 1914 года

Временное распределение упоминаний о благотворительности также не является равномерным. Небольшое количество публикаций приходится на промежуток с конца июля до середины августа, когда Россия только разворачивала свои войска и еще не перешла границу Восточной Пруссии. Наибольшее количество статей зафиксировано в выпусках, выходявших с конца августа по начало ноября, что совпадает с периодом наибольшей боевой активности на фронте, сопряженной с большими людскими и материальными потерями. Еще одним фактором роста благотворительности в этот период связано с сезоном уборки хлеба, когда население старалось помочь с уборкой зерна семьям, в которых были мобилизованные на фронт. С середины ноября по конец декабря 1914 г. количество подобных статей на страницах журнала вновь падает, что связано со стабилизацией линии фронта на данном этапе и окончанием уборки урожая.

Наибольшее количество упоминаний о благотворительности (50) зафиксировано в городе Перми и Пермском уезде, что в 2,5 раза больше, чем в Екатеринбургском уезде (20 упоминаний). Такой отрыв связан с тем, что Пермь являлась центром губернии, где кипела

общественная, политическая и экономическая жизнь. Затем идет группа уездов, в которых количество публикаций колеблется от 16 до 20: Екатеринбургский (20), Оханский (17), Кунгурский (17), Верхотурский (16). Наименьшее количество публикаций с упоминаниями о благотворительности касается Шадринского (9), Осинского (9), Красноуфимского (8), Камышловского (8), Ирбитского (8), Соликамского (7) и Чердынского (3) уездов губернии (рис. 1)

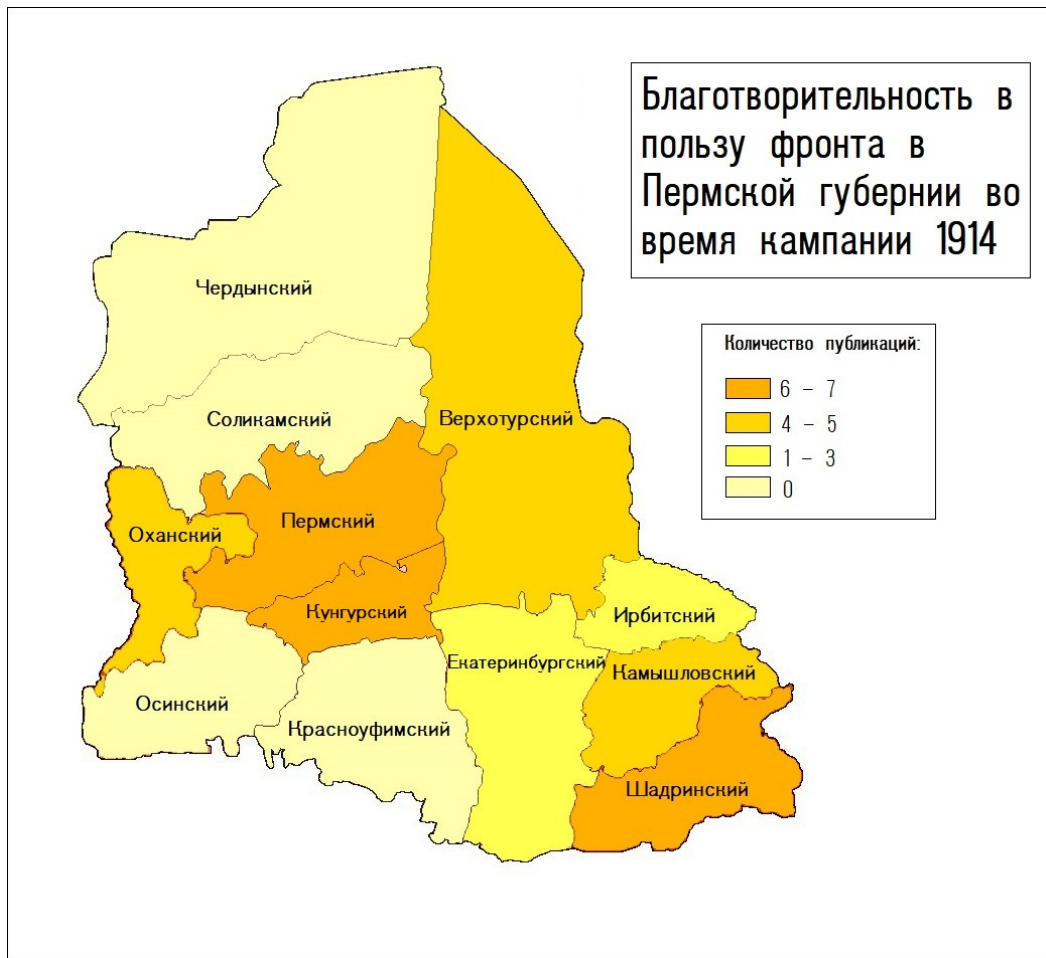

Рис. 2. Количество публикаций о случаях благотворительности в пользу участников боевых действий в уездах Пермской губернии в период кампании 1914 года.

В блоке «Благотворительность в пользу участников боевых действий, находящихся на фронте» зафиксировано наименьшее количество случаев благотворительности – 38. Количественное распределение между 8 уездами, участвующими в благотворительности фронту, практически равное. Если лидером является Кунгурский уезд с 7 упоминаниями, то наименьшее количество акций было зафиксировано в Екатеринбургском уезде и равнялось 3 единицам. В Чердынском, Соликамском, Осинском и Красноуфимском уездах данного типа активности периодикой отмечено не было(рис.2).

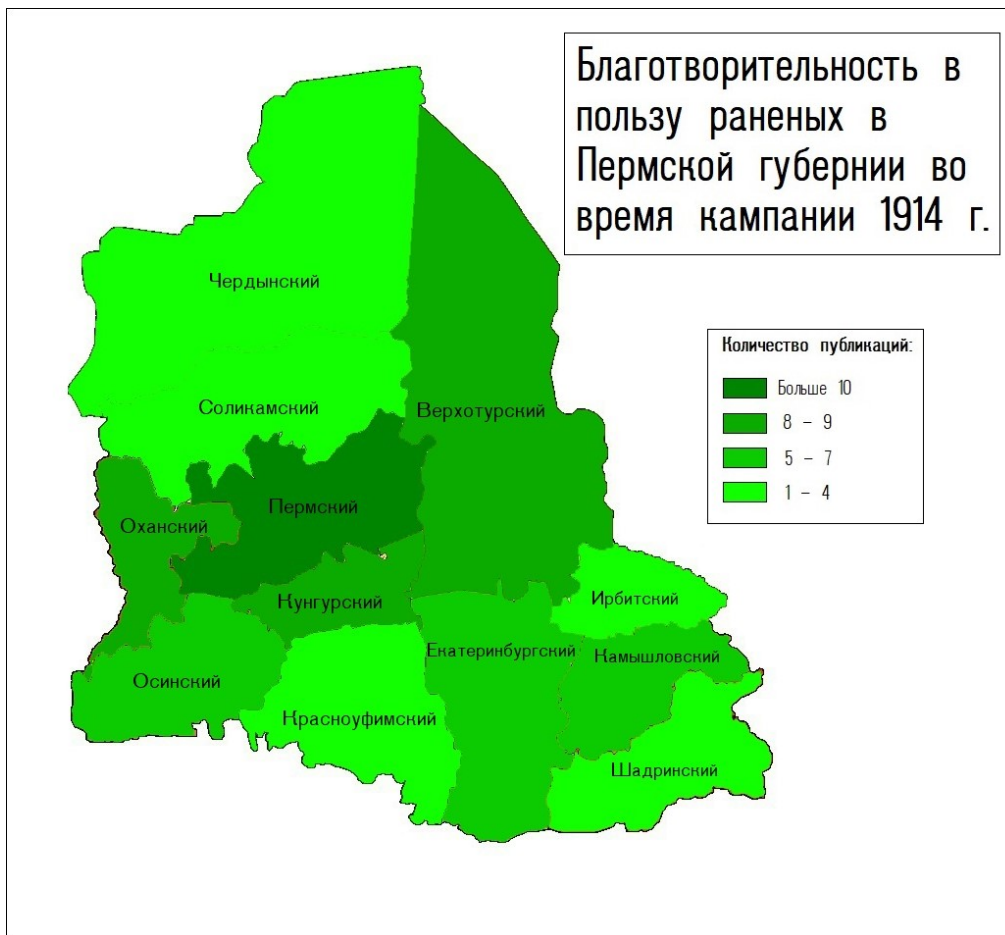

Рис. 3. Количество публикаций о случаях благотворительности в пользу раненых в уездах Пермской губернии в период кампании 1914 года.

Помощь больным и раненым солдатам стала самым популярным видом благотворительности у жителей Пермской губернии. В журналах упоминается 94 акции подобного плана. Лидером с 32 упоминаниями стал Пермский уезд и Пермь, как города тыла, в который прибывали раненые с фронта и включающий в себя общественные учреждения – школы, больницы, губернскую управу. По 9 благотворительных акций зафиксировано в Оханском, Кунгурском и Верхотурском уездах, остальные уезды упоминались не более 6 раз(рис. 3).

Журнал «Пермская земская неделя» содержит 58 упоминаний о благотворительности, связанной с помощью семьям ушедших на фронт. Вновь лидирует Пермский уезд с 15 акциями подобного плана. Периодика фиксирует 9 случаев в Екатеринбургском уезде, однако в большинстве уездов зафиксировано 4–5 случаев помощи, а в Шадринском и Чердынском уездах еще меньше(рис.4).

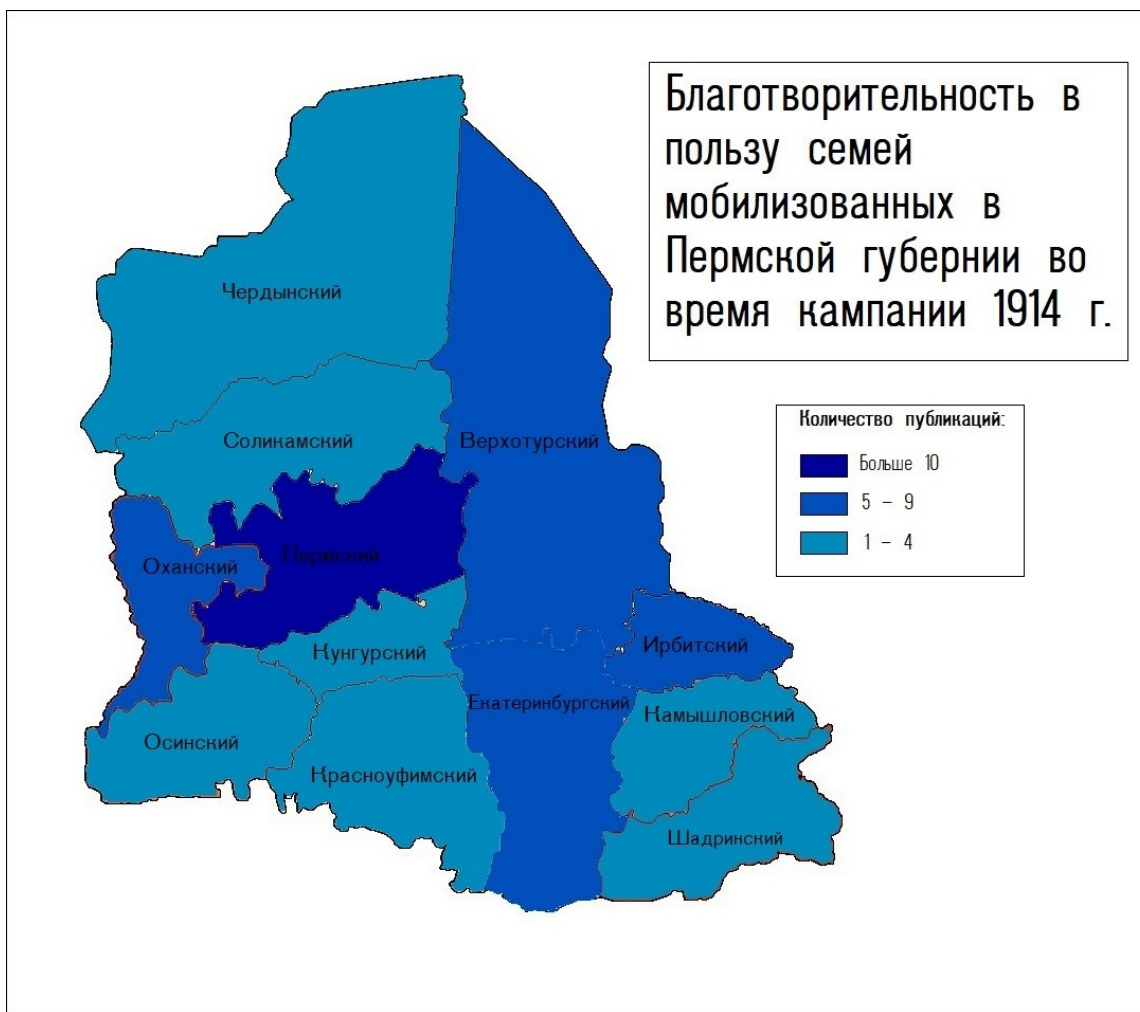

Рис. 4. Количество публикаций о случаях благотворительности в пользу семей мобилизованных в уездах Пермской губернии в период кампании 1914 года

Таким образом, наиболее активными стали уезды, имеющие на своей территории производственные предприятия города, являющиеся экономическими центрами губернии. Лидерами по всем трем обозначенным видам благотворительности являются внутренние уезды губернии, которые ввиду своего экономического и географического положения являлись одними из очагов общественной жизни губернии. Связь между численностью населения и количеством зафиксированных случаев благотворительности является слабой. Дальнейшее использование ГИС-технологий в изучении обозначенной проблемы поможет выделить регионы наибольшей благотворительной активности Пермской губернии во время Первой мировой войны, выявить изменения в числе акций и популярности видов благотворительности в течение войны.

Библиографический список

1. Кайдышева Н. Н. Благотворительная деятельность как проявление гражданской активности в Пермской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. № 2 (29). С. 113–120.

2. Власова А. В. Благотворительность на Урале во второй половине XIX–начале XX в.: автореф. дис. к-та ист. наук. Челябинск. 2004. 23 с.

**CHARITY EVENTS IN PERM PROVINCE DURING THE MILITARY CAMPAIGN 1914:
EXPERIENCE SPATIAL VISUALIZATION (ACCORDING TO THE NEWSPAPER «PERM
ZEMSTVO'S WEEK»)**

Reney Daniil Alekseevich

Perm State University, 15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia, ren.dan@mail.ru

This article analyzes the spatial distribution of charity events during the campaign of 1914 on the territory of the Perm province. Sources of research were publications that placed in the weekly newspaper "Perm Zemskaya Week" in the period from the end of July to December 1914. Most often, similar notes were printed in headings in the category «Perm region (the Urals and the Kama region)" and "Correspondence". There are 3 types of charitable activities mentioned in periodicals: assistance to the front, shares in favor of the sick and wounded soldiers, donations to the families of mobilized. The analysis showed that the most active were the territories, which included manufacturing enterprises and cities, which are the economic centers of the province.

Keywords: charity events, World War I, help to the front, Perm periodical press, Perm province, spatial visualization.

References

1. Kaydysheva N. N. Blagotvoritelnaya deyatelnost' kak proyavlenie grazhdanskoj aktivnosti v Permskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny// Perm University Herald. Series: History. 2015. No. 2 (29). P. 113–120.
2. Vlasova A. V. Blagotvoritelnost' na Urale vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: avtoref. dis. k-ta ist. nauk. Chelyabinsk. 2004. 23 p.

Научное издание

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

Материалы
междисциплинарной научной конференции
(г. Пермь, 5–6 апреля 2019 г.)

Издается в авторской редакции
Техническая подготовка материалов: *Д. А. Ренев*

Объем данных 3,86 Мб
Подписано к использованию 26.12.2019

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15